ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»
Институт филологии и журналистики

РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ

ВЫПУСК 2

Саратов
2016

УДК 811.161.1'242 (082)
ББК 81. 2 Рус я 43
Р 89

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор О. И. Дмитриева
кандидат филологических наук, доцент А. П. Сдобнова

Р89 **Русская устная речь:** материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» (г. Саратов, СГУ, 18-19 ноября 2015 г.). Вып. 2. – Саратов: Амирит, 2016. – 222 с.

ISBN 978-5-9907728-3-0

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения», посвященной памяти профессора СГУ Лидии Ивановны Баранниковой (1915 – 2002).

В статьях участников конференции рассматриваются вопросы, связанные с изучением русской устной речи: ее семантика, прагматика, структура и функции, традиционная народная культура и ее отражение в речи диалектоносителей, речевая коммуникация и языковое сознание носителей русского языка.

Для исследователей русского языка, преподавателей филологических факультетов вузов, учителей-словесников, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами современной филологии.

Редакционная коллегия:
О. Ю. Крючкова (отв. редактор),
А. И. Буранова (отв. секретарь),
В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев,
Ю. В. Каменская, Т. Н. Медведева,
Е. В. Старостина, Е. Г. Трещева,
Н. Г. Шаповалова

УДК 811.161.1'242 (082)
ББК 81.2Руся 43

ISBN 978-5-9907728-3-0 © Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Речевая коммуникация и языковое сознание

Алексеева Д. А. Метафоры на базе лексики финансовой сферы в русской разговорной речи…… 5

Балашова Е. Ю. Корпусноориентированный дискурс-анализ: функционально-структурный аспект…… 8

Балашова Л. В. Системность в диахронии: на материале русской концептуальной метафоры…… 15

Бекасова Е. Н. О функциональном подходе в решении проблемы генезиса русского литературного языка…… 23

Горбань О. А. Разговорные элементы в текстах региональных документов XVIII века…….. 27

Горбачева Е. Н. Перформативность в бытовом дискурсе……. 37

Даркулова К. Н. Казахские слова в устной речи русскоговорящих и русские слова в устной речи казахов…… 44

Дмитрук Л. А. Эволюция частицы *было* (*бола*) в русском литературном языке: от века XVIII к веку XXI…… 48

Кормазина О. П. Жанр воспоминания в живой речи: монолог или диалог?..... 52

Кормилицына М. А. Тенденция к «устнизации» языка современной прессы…….. 60

Матвеева Л. Ю., Прокофьева Л. П. Рисунок звучащей речи (потенциал автоматизированных исследований для целей фоноскопической экспертизы)…… 66

Мякшева О. В. Устная речь одного лица в официальной и неофициальной обстановке…… 77

Орлова Н. М. Ретрансляция прецедентности и тип речевой культуры…… 84

Родионова Т. В., Привалова И. В. О некоторых принципах организации устной научной речи медиков…… 89

Сиротинина О. Б. Принципиальные различия устной и письменной речи……. 94

Старостина Е. В. Факторы, влияющие на ассоциативное поведение испытуемых…….. 104

Шаповалова Н. Г. Игровая тональность как один из принципов речевого общения героев современной отечественной мультипликации……..... 113

Шестакова О. В. Русская концептосфера сквозь призму ономатопеи……. 118

Русская диалектная речь и традиционная народная культура

Баженова Т. Е. Регулярные лексические оппозиции в самарских говорах с оканьем и аканьем……. 124

Бакланова И. И., Онорина А. Н. Вопросно-ответные единства: к проблеме эффективной коммуникации с диалектоносителями (на материале русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа)…… 129

Боброва М. В. Прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», в XVI-XVII и в XX-XXI вв…… 135

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Языковая личность и жанры диалектного монолога……. 140

Буранова А. И., Трещева Е. Г. Саратовский диалектный корпус: на пути к сохранению народной речевой культуры…… 146

Земичева С. С. Звукоподражания в лексиконе диалектной языковой личности……. 153

Иванцова Е. В. «Наивная география» в картине мира диалектной языковой личности: реконструкция по данным лексикона……. 157

Каменская Ю. В. Концептуализация социальных отношений в диалектной картине мира…… 165

Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Устно-разговорная речь и обыденное сознание…… 170

Мурзаева Т. И. Из истории классификации говоров Саратовской области…… 180

Мячинская Э. И. Диалектные стереотипы в представлении носителей русского нормативного языка…… 186

Петрова Т. И. Региональные маркеры живой речи дальневосточников (на языковом материале сел Приморского края)……. 191

Свешникова Н. В. Безударный вокализм после мягких согласных в одном из среднерусских говоров (на материале говора Саратовской области)……. 198

Сироткина Т. А. Ономастическое пространство региона в диалектной картине мира……. 204

Терентьева Е. В. Речевая культура современного диалектоносителя (на материале речи носителей донских говоров Волгоградской области)…… 208

Фролова Т. В. Стереотипные ситуации общения в языковом существовании сельских жителей…….. 212

Речевая коммуникация и языковое сознание

Д. А. Алексеева
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

МЕТАФОРЫ НА БАЗЕ ЛЕКСИКИ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Многие отечественные лингвисты указывали на то, что метафора активно развивается в сферах социальной и профессиональной деятельности, так как они являются концептуально значимыми для носителей языка [Апресян 1995; Арутюнова 1990; Балашова 2011]. Сфера имущественных и товарно-денежных отношений совмещает в себе оба аспекта и представляет собой интерес в контексте изменения отношения к этой сфере в сознании носителей языка за последние двадцать пять лет в связи со сменой общественно-политического строя в стране.

Проследить подобные изменения интереснее на материале разговорной речи, но для начала посмотрим на общую картину метафоризации лексики сферы имущественных и товарно-денежных отношений в русском языке.

Сферами-мишенями в русском языке выступают понятийные области, близкие по смыслу к экономической сфере при сохранении фрейма ситуации с заменой слота «деньги» на «абстрактную валюту» (просьбы, обман и т.д.). Результатом действия становится получение власти над неживыми объектами или другими людьми. Также в качестве новых понятийных областей могут выступать «Наркотики», «Умственные способности и их оценка», «Частные межличностные ситуации», «Конфликт», «Спорт» (здесь и далее используется терминология, принятая в работах А. П. Чудинова [Чудинов 2001: 45-46]).

Новая понятийная область для русской литературной метафоры семантически близка исходной с сохранением общего фрейма ситуации и заменой слота «материальные блага» на «духовность», «нечто абстрактное». Например, ***оценить*** – ‘*назначить цену кому-либо, чему-либо, определить стоимость чего-либо*’ → ‘*определить качество, уровень чего-либо, дать оценку чему-либо*’ или ***платить*** – ‘*отдавать деньги или иные ценно-*

сти по стоимости чего-либо’ → ‘*поступать каким-либо образом в ответ на чьё-либо действие, чувство, отношение’*.

Таким образом, фрейм ситуаций остаётся прежним с заменой слота «деньги» на слот «просьбы», «уговоры», «обаяние», «личные качества» и т.д. Разница заключается в том, что при употреблении лексической единицы в её прямом значении некто наделяется властью или оперирует неживыми объектами, а при метафорическом использовании – человеком или группой лиц.

Заимствования, проникшие в рассматриваемую сферу из французского и английского языков, активно развивают метафорические значения, например, ***котироваться*** – ‘*иметь ценность на рынке’* → ‘*получать оценку в глазах общества*’, ***банкротство*** – *‘положение банкрота; неплатёжеспособность*’ → ‘*неудача, крах в чём-либо (идейное банкротство)*’, ***ажиотаж*** – экон. ‘*чрезвычайная активность участников биржевых торгов, вызванная неожиданным резким изменением курса ценных бумаг, валютного курса или цен на товары (связана с возможностью получения быстрой и большой прибыли или значительных потерь)*’ → ‘*сильное волнение, борьба интересов вокруг какого-либо дела, вопроса*’.

Также стоит отметить, что за счёт морфологических особенностей русского языка, в рамках данной сферы формируются целые гнезда однокоренных слов для номинации смежных процессов по единой модели метафоризации: *отоварить* (1) – ‘*ударить, избить*’, *отоварить* (2) – ‘*покарать, наказать*’, *отоварить* (3) – ‘*расправиться с кем-либо*’, *отовариться* (1) – ‘*удариться*’, *отовариться* (2) – ‘*получить наказание’, отоварка* (1) – ‘*драка*’, *отоварка* (2) – ‘*избиение кого-либо*’.

На материале русского языка четко выявляется тенденция к формированию переносных значений, несущих неодобрительную оценку человека, предмета или ситуации: ***дешёвый*** – разг.-сниж. ‘*низкопробный, безвкусный (дешёвые стихи)*’, ***нажить*** – разг. ‘*получить, приобрести что-либо нежелательное, неприятное*’, ***торговка*** – ‘*о грубой и крикливой женщине*’.

Собственно, перейдём к рассмотрению частотности и особенностей употребления продуктов метафоризации в устной речи. Для этого обратимся к корпусу устной речи Национального корпуса русского языка, содержащему расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов.

Что касается частотности употребления отдельных слов именно в переносном значении, то она варьируется в зависимости от конкретных единиц. Скажем, ***ажиотаж*** (найдено 23 документа, 26 вхождений) в устном подкорпусе встречается исключительно в переносном значении. Слово ***бедность*** (96 документов, 159 вхождений) лишь 1 раз употребляется в рамках устойчивого выражения «бедность фантазии» при том, что ***бедный*** (209 документов, 313 вхождений) постоянно фиксируется как в прямом, так и в переносном значениях. ***Банкротство*** (12 документов, 32 вхожде-

ния) встречается один раз в сочетании «социальное банкротство» на фоне того, что и однокоренное ему ***банкрот*** (16 документов, 41 вхождение) идет лишь 1 перенос «политический банкрот». ***Обогатиться*** (10 документов, 12 вхождений) вообще не встречается в переносном значении.

В целом, проведённый анализ употребления метафор финансовой сферы подтверждает данные, полученные в ходе анализа словарей и других корпусов НКРЯ.

Семантическое поле «Имущественные и товарно-денежные отношения» проецирует литературные метафоры в новую понятийную область, близкую по смыслу к экономической сфере при сохранении фрейма ситуации с заменой слота «деньги» на «абстрактную валюту» (просьбы, обман и т.д.). Результатом действия становится в той или иной форме получение власти над неживыми объектами или другими людьми.

Литературные метафоры регулярно фиксируются в текстах устной речи и кинофильмах. Сленговые метафоры, фиксируемые словарями М. А. Грачева, С. И. Левиковой, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [Грачёв 2006; Левикова 2003; Мокиенко, Никитина 2001; Никитина 2004], не встретились в исследованных источниках, что связано с несколькими факторами: а) быстрым обновлением фонда сленговой лексики, которое не успевают фиксировать соответствующие словари; б) определёнными критериями отборов текстов при формировании корпуса, то есть в корпус всё же входят тексты публичных выступлений, авторы которых стремятся охватить максимальную аудиторию, что может быть затруднено при активном использовании сленговых единиц, значение которых может быть непонятно адресатам; в) если мы говорим о текстах частных бесед, то и они не часто пестрят жаргонными словечками; г) большая часть кинофильмов в корпусе относится к советской эпохе и не содержит в себе тех табуированных тем, которые требуется завуалировать с помощью метафорических номинаций.

Через призму финансовой лексики редко рассматриваются такие отвлечённые понятия как обобщения и множества, психофизическое состояние человека, глобальные состояния социума; никогда не переносится значение лексики сферы товарно-денежных отношений на жизнь, мироздание и пространство в целом, на этические и эстетические нормы, атмосферные тела и явления. Это связано с глубоким философским пониманием этих сфер, для которых немыслима номинация через приземлённое, «призренное» поле деятельности финансистов и посредников.

Антропоцентричность, в целом присущая метафорической картине мира, на основе финансовой лексики проявляется в том, что самой продуктивной сферой-мишенью является человек в социальном, профессиональном, психологическом и биологическом аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – 767 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.

Балашова Л. В. История русской метафоры: когнитивный аспект. – Saarbrücken, KG, 2011. – 544 с.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Грачёв М. А. Словарь современного молодежного жаргона. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с.

Корпус устной речи Национального корпуса русского языка: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html.

Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 928 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: «Норинт», 2001. – 720 с.

Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. – М.: ООО «Изд. Астрель», ООО «Изд. АСТ», 2004. – 912 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 238 с.

Е. Ю. Балашова
Саратовская государственная юридическая академия
(Саратов)

КОРПУСНООРИЕНТИРОВАННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Корпусноориентированные исследования дискурса стали появляться в отечественной науке о языке лишь последние несколько лет и, таким образом, могут быть причислены к новейшим разработкам в этой области. Отсутствие работ, посвящённых дискурс-анализу с позиций корпусной лингвистики, можно объяснить сложностью самого феномена дискурса, «исключающего возможность автоматического применения корпусных методов исследования материала» [Александрова 2002: 86]. Однако многие авторы не только использовали корпусный подход в анализе дискурса, но и соединили его с когнитивным подходом, что позволило получить достаточно объективные представления о макроструктуре дискурса и механизмах её функционирования в языке и речи. А. Н. Комкова отмечает, что

«статистическое исследование корпуса позволяет нам структурировать, а также оперативно и с большой степенью достоверности проанализировать лингвистические данные и построить языковую картину мира…, а когнитивная теория, в свою очередь, служит основой в истолковании полученных результатов и помогает нам надёжно реконструировать … концептосферу, открывающую доступ к сознанию нации» [Комкова 2012: 8].

Так, современные исследователи проводят корпусные исследования дискурса в двух направлениях: *статистическом*, разработанном зарубежными специалистами, и *когнитивном*, развитым российской наукой о языке [Демьянков 2003; Кибрик 2012; Кубрякова 2000; Рахилина 2010].

Использование корпусных данных в процессе моделирования таких сложноструктурированных языковых единиц, как дискурс, концептуальное поле, фрейм, существенно облегчает задачу разработки комплексной методики дискурсивного анализа названных языковых явлений, поскольку корпус часто рассматривается исследователями как некая уменьшенная модель языка. На функционально-структурном уровне происходит реализация дискурса в структуре коммуникации. Корпусные тексты являются наиболее подходящим материалом для исследования коммуникативной специфики функционирования дискурса, так как корпус отражает реальные условия существования языковых единиц.

Мы предлагаем методику корпусноориентированного дискурс-анализа, основанную на моделировании дискурсообразующих концептуальных полей на лексическом и текстовом уровнях. **Лексический уровень** анализа предполагает использование статистических (составление списков наиболее частотных лексем-коллокатов; анализ частотности лексем списка) и семантико-когнитивных (распределение высокочастотных лексем по тематическим сферам; применение полевого принципа структурирования выделенных сфер; группировка лексем-коллокатов по общей семе и, наконец, определение характерных черт дискурса и динамики его концептуальных составляющих) методов исследования. Кроме того, указанный уровень анализа включает исследование сочетательных способностей лексем-коллокатов, особенностей их синтаксической структуры и частотности употребления в контексте, а также изучение их синонимических, антонимических и тематических связей, что позволяет выделить общие и дополнительные черты православного и протестантского субдискурсов.

Парадигма дискурс-анализа материалов электронных корпусов на **текстовом уровне** представлена *когнитивно-прагматическим, лингвокогнитивным* и *жанрово-стилистическим* аспектами.

Так, в *когнитивно-прагматическом* аспекте изучения религиозного христианского дискурса проводится анализ сценариев, в которых функционируют базовые концептуальные поля, выявляются дискурсивные оппозиции, активизирующиеся в тематических контекстах, осуществляется моделирование фреймов исследуемого вида дискурса, объединение их

в макрофрейм, который в свою очередь образует понятийные гиперкластеры. Подобный анализ позволяет представить когнитивную карту религиозного христианского дискурса.

Лингвокогнитивный аспект дискурс-анализа направлен на исследование метафорических моделей, функционирующих в корпусных текстах, создание их типологии на основе описания концептуальных метафор, выделение кластеров метафорических моделей, а также описание дискурсивных функций исследуемого блока метафор.

Дискурсивный анализ в *жанрово-стилистическом* аспекте предполагает исследование языковых средств корпусных текстов, принадлежащих различным религиозным жанрам, выявление глубинных семантических связей между всеми жанрами религиозного христианского дискурса в силу прецедентности Евангельского текста, выполняющего дискурсообразующую функцию и представляющего собой текст-источник, «обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе» [Караулов 1987: 216].

Задачами дискурсивного анализа в жанрово-стилистическом аспекте являются также выявление концептно-аксиологической системы религиозного христианского дискурса, исследование специфики дискурсивной риторики, описание инвентария речевого воздействия дискурса, а также особенностей синтаксического построения его текстов. Перечисленные направления исследования позволяют выявить доминирующие понятия дискурсивной риторики и отметить её социо-коммуникативную ориентацию.

Одним из дискурсообразующих концептуальных полей в религиозном христианском дискурсе является телеономное концептуальное поле ***вера***. Использование корпусных данных позволило более детально изучить характер его дискурсивного функционирования и сделать выводы об общей динамике развития религиозного христианского дискурса. С целью получения репрезентативного материала мы использовали церковно-богословский подкорпус Национального корпуса русского языка, содержащий 824 документа. Лексема *вера* содержится в 567 документах указанного подкорпуса и насчитывает 5310 контекстуальных вхождений. Кроме того, для исследования протестантского субдискурса был использован Британский Национальный корпус (BNC), по материалам которого лексема *faith* содержится в контекстах, принадлежащих самым разнообразным жанрам, диапазон которых варьируется от богословских трактатов до газетных статей и сводов законов. Нами было проанализировано 300 нехудожественных контекстов. Мы полагаем, что данного количества достаточно для выявления общих тенденций динамики протестантского субдискурса и специфики дискурсивного функционирования телеономного концептуального поля ***faith*** в английском языке.

Структурирование концептуального поля ***вера*** на лексическом уровне в семантико-прагматическом аспекте позволило установить, что ядро религиозного христианского дискурса носит универсальный характер и, как в русском, так и в английском языках представлено 3 сверхчастотными базовыми лексемами: *Бог, жизнь, Христос*. Тематические карты православного и протестантского субдискурсов также имеют общие узлы: «Духовно-нравственные категории» (*сострадание, благочестие, patience, forgiveness*), «Догматические категории» (*догматы, учение, theology, doctrine*) и «Онтологические категории» (*жизнь, смерть, lifetime, existence*).

В свою очередь сфера реалий церковной жизни (*church, clergy, priest, prayer*), а также рациональная (*understanding, reason, knowledge, logic*) и социальная сферы (*family, people, community, society*) придают прагматическую направленность всему протестантскому субдискурсу в целом, поскольку они занимают ядерные позиции в его структуре и добавляют в концептуальное поле ***вера*** рациональный компонент, которого лишена структура православного субдискурса. Сфера «Эмоциональное состояние» (*торжество, радость, упование, скорби, боль*), находящаяся в околоядерной области православного субдискурса, добавляет в концептуальное поле ***вера*** эмоциональный компонент, отсутствующий в протестантском субдискурсе.

Структурно-лингвистический аспект дискурсивного анализа, предполагающий анализ сочетаемости лексемы *вера / faith* в текстах церковно-богословского подкорпуса русского языка, а также в текстах BNC, позволил выявить глубинные дискурсивные связи православного и протестантского субдискурсов. Так, универсальной когнитивной связью, проявляющейся в том и другом субдискурсе, является связь «вера – надежда – любовь». Кроме того, в православном субдискурсе можно наблюдать когнитивную связь «вера – Церковь – покаяние – смирение», принадлежащую тематической сфере «Духовная жизнь», тогда как для протестантского субдискурса характерны когнитивные связи «faith – patience» (духовная тематика), «faith – Church – Revelation» (церковно-богословская тематика) и «faith – understanding» (рационально-психологическая тематика).

В целом можно говорить об общности характеристик православного и протестантского субдискурсов не только в структурно-лингвистическом отношении, но и в плане тематического моделирования (активизация духовной, церковной, догматической и онтологической сфер в текстах корпусов). Однако онтологическая тематика более актуальна для православного субдискурса, тогда как рационально-психологическая сфера, не свойственная православному субдикурсу, достаточно ярко выражена в протестантском.

Текстовый уровень анализа концептуального поля ***вера / faith*** в религиозном христианском дискурсе, как уже было сказано, представлен ко-

гнитивно-прагматическим, лингвокогнитивным и жанрово-стилистическим аспектами.

Так, корпусноориентированный дискурс-анализ в когнитивно-прагматическом аспекте позволил выявить универсальные дискурсообразующие сценарии религиозного христианского дискурса, а также провести его когнитивное картирование. К базовым сценариям исследуемого дискурса следует причислить:

1) сценарии, содержащие контексты в рамках церковной сферы:

– Вместе с тем нам следует осознавать, что Церковь всё время находится в поиске, стремится организовать своё служение так, чтобы Евангельское благовестие о вере, любви и спасении находило путь к сердцу каждого.

– Both individually and as a parish, we need to develop our understanding of our faith, our God and our Church.

2) сценарии, содержащие контексты в рамках догматической сферы:

– Чтобы быть православным сегодня, нужно, как и во все времена, жить по заповедям Христовым, быть укоренённым в церковном учении, делами свидетельствовать свою веру.

– But since the object of Christian faith is God, to believe or disbelieve is everything.

3) контексты с лексемами, принадлежащими лексико-семантическому полю «Жизнь / Life»:

– Люди приходят к Церкви в поисках веры и нравственной опоры в жизни.

– The frenzied living for ourselves which we once used to value so highly now disappears before the far more vital longing to keep company with God in faith, hope and love.

Таким образом, когнитивные карты православного и протестантского субдискурсов имеют общие узлы: макрофрейм «Церковная жизнь» и фрейм «Догматика».

Лингвокогнитивный аспект дискурсивного анализа позволяет выявить характерные метафорические модели, функционирующие в телеономном концептуальном поле ***вера / faith*** в религиозном христианском дискурсе, а также определить его универсальные метафорические гиперкластеры.

Базовой концептуальной метафорой православного субдискурса является метафора **вера > свет**:

– Среди ночи город ***осветился*** *тысячами горящих свечей,* ***сиянием веры*** *православных сердец.*

– …юному подвижнику…давались по временам ***светлые удостоверения****, что избранный путь правилен, давались крепкие знамения правды духовной,* ***подлинные осияния в истинах Христовой веры****.*

В протестантском подобную функцию выполняет метафорическая модель **вера > зрение**:

– As there are but few persons who love to meditate upon scenes of death, and too many are only able to view the gloomy side of them, instead of following by ***the eye of faith*** *the glorious progress of the departing saint.*

Однако существует ряд метафорических моделей, функционирующих в обоих субдискурсах и носящих универсальный характер. К таковым следует причислить метафорические модели **вера > огонь**, **вера > зерно**, **вера > почва**, **вера > плод**, **вера > камень**, **вера > глаза / вера > зрение** как вариант.

Метафорические гиперкластеры «Биологический мир» и «Вещественный мир» были выделены при анализе метафорических моделей с опорным компонентом *вера / faith* как в православном, так и в протестантском субдискурсах.

В целом можно говорить о тенденции православного субдискурса выражать понятие веры через биологические сущности, тогда как в протестантском достаточно большое количество моделей выражает веру через неодушевлённые вещественные предметы.

Жанрово-стилистический анализ церковно-богословского подкорпуса русского языка позволил распределить корпусные тексты на следующие жанры: поздравления, послания, слова, обращения к пастве; авторские сочинения богословско-догматического характера; акафисты святым; церковная публицистика, статьи, проповеди; интернет-форум. Важной особенностью церковно-публицистических текстов является большое количество ссылок на Евангельский текст, оперирование прецедентными ситуациями и прецедентными феноменами:

– …А о том, что для веры необходимо наличие жизненного примера, опять же пишет Апостол Павел: «Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4: 16).

К риторическим и стилистическим особенностям поздравлений, посланий и обращений к пастве можно причислить, прежде всего, употребление обращений, выполняющих кумулятивную функцию и позволяющих объекту обращения причислить себя к особой группе лиц – «верующие христиане»:

– Старайтесь вы, ***чада****, поддерживать благодетельные обычаи нашей древней святой Руси в просвещении народа…*

Авторские сочинения богословско-догматического характера отличает насыщенность притяжательными и личными местоимениями, помещающими текст в личное пространство читающего и адресующими его каждому конкретному человеку:

– Православная вера, сколько возможно, совершенна, а православные, кроме как в лице святых, далеко не совершенны, – ***каждый*** *может*

*это сказать с большой болью о **себе самом**, каждая община о себе самой, каждая Церковь о себе самой;*

Тексты Патерика новоканонизированных святых и Акафистника представляют собой акафисты и тропари на церковно-славянском языке, обладающие дискурсивной функцией молитвы и обращения к помощи того или иного святого:

– Темже почитающе память твою с верою вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Зосимо, преподобне отче наш.

Проведённый многоаспектный дискурсивный анализ текстов церковно-богословского подкорпуса русского языка и текстов BNC позволяет вывести единую концептно-аксиологическую систему религиозного христианского дискурса в целом. Выделенные в семантико-когнитивной структуре православного и протестантского субдискурсов концептуальные триады имеют два общих компонента: **Бог** и **Церковь**, тогда как третий компонент дискурсноспецифичен и не обладает универсальным характером. Функцию связующего звена в православном субдискурсе выполняет аксиологический компонент **Человек**, а в протестантском – компонент **Социум**, передающие специфику дискурсивных отношений внутри концептно-аксиологической системы в том и другом случае.

Таким образом, дискурсивный анализ корпусных текстов, проведённый в разнообразных аспектах, позволяет детально изучить функционирование телеономного концептуального поля ***вера / faith*** в православном и протестантском субдискурсах, а также выявить их универсальные и дискурсноспецифичные характеристики.

В целом можно говорить о том, что разработанная интегрированная методика дискурсивного анализа на материале корпусных текстов и с применением корпусных методов исследования позволяет не только получить объективное представление о реальном функционировании религиозного христианского дискурса на разных уровнях его воплощения, но и представить универсальную модель его структуры в разных лингвокультурах, включающую наднациональные и национально-специфичные компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2002. – С. 85-88.

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. – С. 116-133.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования: сб. науч. тр. – М.: Институт психологии (ИП) РАН, 2012. – Вып. 5. – 295 с.

Комкова А. Н. Динамика норвежского политического дискурса: ключевые концепты: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 26 с.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – С. 5-13.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. – М.: Азбуковник, 2010. – 584 с.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Британский Национальный корпус: [Электронный ресурс]. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk.

Л. В. Балашова
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

СИСТЕМНОСТЬ В ДИАХРОНИИ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Метафора – один из самых традиционных объектов исследования как лингвистов, так и литературоведов, философов, психологов и др. За тысячелетнюю историю в науке накопилась обширная, практически необозримая литература по вопросам, связанным с определением сущности данного явления, его структуры, функций, типологии. Обращает на себя внимание тот факт, что (при всех корректировках, уточнениях, дополнениях) современные теории в большинстве случаев восходят к классическому определению метафоры как способа переосмысления значения слова на основании **сходства** [Аристотель 1927: 68, 70] (ср. определения метафоры в современных вузовских учебниках по семантике: «Традиционно метафорическое отношение между значениями характеризуется как основанное на **сходстве**, подобии обозначаемых явлений» [Кобозева 2000: 170]; «Метафорой называется использование слова по отношению к новому языковому объекту, **сходному** со старым денотатом. В этом случае говорят о переносе наименования одного объекта на другой по **сходству**» [Кронгауз 2001: 156]).

Именно античная наука во многом определила два основных подхода к данному феномену. С одной стороны, метафора оказывалась достаточно жестко прикрепленной к образным средствам, используемым в художественной и риторической речи. С другой стороны, уже тогда сформировался «взгляд на метафору как на неотъемлемую принадлежность языка» [Скляревская 1993: 6], выполняющую номинативную функцию: «Метафора... содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения» [Античные теории языка и стиля 1936: 218]. Показательно, что уже в античности (например, в трудах Цицерона) первичной функцией метафоры могла признаваться именно номинативная: «Подобно тому как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения» [Там же: 218].

Противопоставление двух взглядов на метафору (фигура речи и номинативное средство языка, связанное с процессами мышления) сохраняется в науке на протяжении столетий и во многом определяется общетеоретическими, философскими установками исследователей.

Так, представители рационалистического направления в языкознании видели в метафоре стилистическую фигуру, которая не отражает объективного взгляда на действительность. Это обусловило резко отрицательное отношение к использованию метафоры в речи. «Свет человеческого ума – это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Рассуждение есть шаг, рост знания – путь, а благоденствие человеческого разума – цель. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде ignes fatui (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи – значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [Гоббс 1936: 62].

Но именно философы обратили внимание на эвристический характер метафоры (кстати, Т. Гоббс в своем рассуждении использует целый комплекс метафор, построенных на основе пространственных ассоциаций). Ученые, видевшие в языке отражение психической деятельности индивида, признавали метафору единственным способом выражения мысли. Субъективный характер метафоры прекрасно накладывался на теорию об объективной непознаваемости внешнего мира: «Понятие, сухое и восьмиугольное, как игральная кость, и такое же передвижное, как она, все же является лишь остатком метафоры» [Ницше 1912: 399]. В дальнейшем в науковедении (при отрицании тезиса об объективной непознаваемости действительности) развивается взгляд метафору как на способ выдвижения гипотез [Ортега-и-Гассет 1990]. Более того, «новый взгляд рассматривает образные аспекты мышления – метафору, метонимию, использование мен-

тальных образов – как центральные для разума, а не как периферийную и несущественную добавку» [Лакофф 2004: 9].

В целом к середине XX столетия в науке складывается представление, что метафора пронизывает всю лексическую систему языка, выполняя номинативную и эвристическую функцию: «То, что метафора – вездесущий принцип языка, подтверждается простым наблюдением. В обычной связной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых не было бы метафоры. Даже в строгом языке точных наук можно обойтись без метафоры лишь ценой больших усилий... Особенно это касается философии... Чем абстрактней становится философия, тем чаще прибегаем мы к метафоре» [Ричардс 1990: 46].

В современной науке принципиальным оказывается признание объективной сложности и неоднородности данного явления, которое может быть рассмотрено в разных аспектах и на разном материале. В конце XX – начале XXI века сформировалось и плодотворно развивается несколько направлений исследования метафоры, во многом дополняющих и обогащающих друг друга (ср.: Балашова 2014а: 12-34; Будаев, Чудинов 2007: 10-22]). В частности, сейчас практически общепризнанным является взгляд на метафору как на компонент человеческого познания. «В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990: 6]. Это предопределяет антропоцетричность метафоры [Алефиренко 2010; Балашова 2014б; Баранов 2004], «соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям их сущностей» [Телия 1988: 4]. Данное свойство вписывается в общую антропологическую парадигму научного знания. [Бартминьский 2005].

В свою очередь, признание системности лексико-семантического уровня, еще недавно дискутировавшаяся в лингвистике, приводит к утверждению, что и метафора, как глобальное свойство языка, не может оказаться вне действия этих общих закономерностей. Вот почему современные работы по метафоре связаны с установлением общих закономерностей процесса формирования переносных значений и его результатов, проявляющихся в функционировании лексико-семантической системы языка в целом.

В то же время метафора в диахронии (если рассматривать это явление не как историю отдельных слов, а как процесс, охватывающий всю лексическую систему языка) практически не исследован. «До сих пор диахронические исследования посвящены прежде всего истории отдельных явлений, часто без достаточного внимания к их связи с системой в целом» [Баранникова 1997: 5]. Такое положение вполне объяснимо, поскольку «выявление семантических связей требует больших усилий, использования большого материала и развития специальных подходов к его исследова-

нию» [Там же]. До известной степени в начале XXI в. сохраняет свою актуальность замечание одного из лидеров Пражского лингвистического кружка: «Уловить систему в развитии очень трудно, поэтому неудивительно, что все еще высказываются сомнения в принципиальной возможности научного описания исторического развития языка как системы» [Ружичка 1978: 8].

Особенно важен диахронический анализ при лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходе к процессу метафоризации. Более того, особенности строения и функционирования современной метафорической системы во многом определяются тенденциями, заложенными в предшествующих стадиях ее развития: «Любая система не возникает из ничего и включает в себя в «снятом виде» особенности речетворческого процесса предшествующих эпох» [Филин 1949: 3].

Исследование процессов метафоризации русской лексики в диахронии показало, что на протяжении всего исторического периода развития русского языка (XI – начало XXI в.) метафора играет огромную роль в становлении и развитии лексико-семантической системы. С одной стороны, метафоризация во все периоды развития языка – одно из основных номинативных средств языка практически во всех семантических сферах. С другой стороны, в древнейших времен метафора служит одним из основных способов вербализованного мышления о мире, динамической и сложно организованной языковой картины мира.

На протяжении всего исторического периода развития русского языка метафорическая система функционирует именно как система, обладающая достаточно четкой, разветвленной, хотя и очень вариативной, открытой, во многом потенциальной структурой. Каждая из отдельных подсистем и система в целом стремятся к созданию определенных моделей метафоризации, которые обладают большой степенью когнитивного притяжения. Спецификация моделей и степень их влияния на становление, развитие и функционирование метафорической системы во многом определяются тем, в какой семантической сфере действует данная модель.

Наиболее четко в этом отношении противопоставлена метафоризация в предметной и непредметной сферах. Формируемые внутри каждой них метафорические системы в большой степени противопоставлены также в функциональном отношении. Более того, развитие этих систем в диахронии имеет целый ряд специфических особенностей.

Основная функция метафоризации в предметной сфере – дать наименование тому, что воспринимается органами чувств. Данная функция остается основной на протяжении всего рассматриваемого периода. В то же время нельзя утверждать, что этот тип метафоры не выполняет никакой эвристической функции. Метафоризация в предметной сфере служит одним из способов создания «системного» знания о мире, структурирования его. Указанное свойство процесса метафоризации проявляется уже в глу-

бокой древности, и в XI – начале XV в. мы имеем достаточно сложившуюся систему основных моделей метафорического именования элементов предметного мира на основе ассоциативного сходства с другими элементами этого мира по ряду визуальных, кинетических и иных признаков.

Формирование и развитие системы метафор в предметной сфере во многом определяется действием экстралингвистических факторов: необходимостью в наименовании элементов конкретных участков предметной лексики; ориентацией языкового коллектива на метафорический или неметафорический способ номинации этих участков, системой признаваемых «значимыми» тематических сфер как источника метафоризации в разные периоды исторического развития. Именно эти во многом социальные факторы определяют подвижность, постоянную изменчивость системы метафорических наименований предметного мира.

Однако стабильными в диахронии остаются те денотативные характеристики, которые являются основой для формирования метафор (размер, форма, цвет и т.д.). Это свойство определяет не только вневременной, но и универсальный характер большинства конкретных семантических моделей переноса. Более того, классификационная функция, которую выполняют данные модели, во многом обусловливая наше «мировидение» предметной сферы, распространяется не только на идентифицирующий, но и на образный, оценочный типы метафор.

Вместе с тем на протяжении всего исторического периода развития русского языка идентифицирующая метафора не создает своей собственной (обособленной от неметафорической по формированию лексики) макромодели, что позволяет классифицировать этот тип метафоры как периферийную зону метафорической системы в целом.

Метафорическая номинация «идеальной», непредметной сферы, напротив, составляет ядро метафорической системы на протяжении всего периода развития русского языка. С одной стороны, практически все сферы непредметного мира так или иначе связаны с метафорическим способом наименования. В ряде случаев иного способа выражения этих явлений в языке просто не существует. С другой стороны, именно здесь метафора имеет тенденцию к формированию собственной, достаточно автономной системы.

По самой своей сути метафоризация в рамках непредметного мира ориентирована на создание эвристических, концептуальных моделей представления идеального через ассоциацию с вещественным. Человек с помощью когнитивной метафоры стремится не только и не столько назвать, сколько объяснить, познать окружающий его мир.

Характеризуя различные элементы непредметной сферы, концептуальные модели изначально имеют тенденцию к созданию вариативной, но цельной картины мира. На базе таких моделей происходит формирование

метафорических полей со сложной и многоуровневой структурой, достаточно стабильных в диахронии.

Конечно, любое моделирование в рамках когнитивной метафоры предстает в известной степени как потенция. Однако конкретный анализ большого массива лексики на протяжении длительного периода развития языка позволяет утверждать, что уже в глубокой древности формируются основные макромодели, в основе которых лежит восприятие человеком пространства (пространственная макромодель), основных качественных характеристик окружающего органического и неорганического мира (натуралистическая макромодель), а также отношения людей между собой (социальная макромодель). Таким образом, антропоцентризм процесса метафоризации в этой сфере ощущается особенно остро.

Изменения во времени структуры и лексического состава метафорических подсистем во многом определяются степенью продуктивности и устойчивости концептуальных моделей, лежащих в основе их формирования.

В частности, пространственное и натуралистическое макрополя оформляются в глубокой древности и достаточно стабильно функционируют до настоящего времени, тогда как социальное макрополе значительно более дробно, вариативно и изменчиво, что непосредственно связано с динамизмом социальных отношений, социальных приоритетов и т.п. Но именно социальное макрополе в настоящее время отмечено особой продуктивностью, стремлением к созданию цельной картины мира, подобно тому, как это свойственно пространственной и натуралистической макромоделям.

Структура каждого из макрополей отражает наиболее сущностные представления человека о мире. Чем сложнее и противоречивее система представлений, тем сложнее структура соответствующего поля. Кроме того, на формирование соответствующего метафорического поля оказывает большое влияние структура и состав соответствующих номинативных полей, ставших источником метафоризации. Чем сложнее и разнообразнее исходная система, тем сложнее, а подчас и диффузнее оказывается соответствующая метафорическая система. Но и это служит доказательством продуктивности эвристических по своей сути моделей.

Каждая из них обладает большой степенью когнитивного притяжения, стремится выразить систему взаимосвязанных элементов непредметного мира, одну концептуальную область с помощью единой системы ассоциаций. На лексико-семантическом уровне это проявляется в вовлечении в процесс метафоризации по одной концептуальной модели целых семантических полей, лексико-семантических групп, словообразовательных гнезд и т.п.

Таким образом, уже в XI – начале XV в. метафорическая система предстает в виде пересекающихся, но и достаточно обособившихся метафорических полей со своим центром и периферией.

Характерно, что наиболее стабильными во времени являются именно концептуальные модели. Это обусловливает стабильность в диахронии основной структуры, состава метафорических полей. Вместе с тем метафорическая система отражает изменения в эвристической картине мира. В частности, перестройка бытийно-временного поля внутри пространственной макросистемы, биоморфного поля внутри натуралистической макросистемы обусловлена трансформацией представлений о категории времени, постепенным осознанием уникальности человека и его противопоставленности остальному органическому и неорганическому миру.

Однако ни одна из непродуктивных моделей практически никогда полностью не уходит из языка, оставляя следы внутри действующих продуктивных моделей. Более того, в языке сохраняется вариативность в выражении определенных явлений непредметной сферы на уровне концептуальных моделей. В этом случае язык стремится «своими» средствами избавиться от «трактовки» таких явлений с разных, принципиально несовместимых позиций. Способов преодоления противоречий может быть много, но наиболее типичными являются следующие: (1) переход средств выражения ставшей непродуктивной модели в разряд генетических, этимологических метафор, тенденция к утрате внутренней формы соответствующими лексемами; (2) размежевание сфер действия каждой из моделей, их закрепление за выражением определенного типа значений; (3) закрепление конкретных лексических средств за выражением определенной концептуальной моделью.

Тем самым, специфической особенностью когнитивной метафорической системы является то, что в любой период развития языка одно и то же явление непредметного мира может быть выражено как в рамках разных моделей внутри одной макромодели, так и в рамках разных макромоделей (ср.: представление о развитии и причинно-следственных отношениях может быть реализовано в рамках всех трех макромоделей). Вместе с тем среди них одна всегда стремится стать основной (ср. наиболее продуктивно идея развития выражена с помощью биоморфной модели). Разнообразие способов выражения определенного явления непредметного мира отражает множественность наших представлений о нем и о тех связях, которые существуют в мире. Такое разнообразие (если использовать одну из многочисленных метафорических моделей) не предстает в виде разноголосицы, а создает сложную и одновременно гармоничную полифонию наших представлений о мире.

В процессе исторического развития каждое из метафорических полей претерпевает собственную, присущую только ей систему изменений. Однако можно выделить и общие тенденции такого рода изменений. В част-

ности, продуктивность и стабильность концептуальной модели обусловливает достаточно последовательное увеличение в диахронии состава метафорического поля, причем этот процесс носит ярко выраженный системный характер. В то же время именно укрепление системности в способах выражения конкретных типов значений внутри общей модели влечет за собой утрату многих дублетных форм, расхождение их по типу выражаемого переносного значения и т.д. Однако этот процесс никогда не принимает абсолютного характера. И дело здесь не только в том, насколько стабильной в целом является лексическая система в этот период (ср. наличие большого числа дублетных в семантическом отношении калек с греческого, славянизмов вообще в старший период развития древнерусского языка и в период второго южнославянского влияния; появление большого числа семантически дублетных форм, связанных с развитием словообразования, в XVI – XVII вв. и т.п.). Вариативность в выражении одного типа значений разными средствами является проявлением стабильности и продуктивности самой концептуальной модели, залогом дальнейшего развития метафорической системы в целом.

Анализ функционирования конкретных метафорических макрополей в диахронии показал, что процесс развития в метафорической системе идет непрерывно, причем он захватывает как содержательную сторону модели, так и основные способы ее выражения. Усиление или ослабление продуктивности модели зависят от целой системы экстралингвистических, так и собственного лингвистических факторов, специфичных для каждой отдельной модели. Однако стабильной остается та огромная роль, которую процесс метафоризации играет в функционировании лексико-семантической системы в целом как на ранних стадиях развития языка, так и в его современном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 224 с.

Античные теории языка и стиля. – М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – 344 с.

Аристотель. Поэтика. – Л.: Academia, 1927. – 120 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Языки славянской культуры, 2014а. – 497 с.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014б. – 632 с.

Баранникова Л. И. О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // Язык и общество. – Вып. 11. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – С. 3-6.

Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7-22.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2. – Ч. 1. – С. 10-22.

Гоббс Т. Левиафан. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Кронгауз М. А. Семантика. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 399 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле (1873) // Ницше Ф. Полн. собр. соч. – Т. 1. – М., 1912. – С. 434-450.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.68-81.

Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44-67.

Ружичка Й. Характерные черты синхронного состояния языка // Языкознание в Чехословакии: Сборник статей, 1956-1974. – М.: Прогресс, 1978. – С. 7-17.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – М.: Наука, 1993. – 152 с.

Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 3-9.

Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевский эпохи: По материалам летописей // Ученые записки Ленингр. педагог. ин-та. – 1949. – Т. 80. – 288 с.

Е. Н. Бекасова
Оренбургский государственный педагогический университет
(Оренбург)

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Проблему генезиса русского литературного языка в определённой степени можно рассматривать как «камень преткновения» русистики по

пёстрому содержанию посвящённых ей трудов и неопределённости предмета, по сознательному или невольному упрощению языкового развития и его ограничения заранее заданными схемами, а самое главное – по сложности самих языковых процессов [Бекасова 2008]. Языковая ситуация в древней Руси и сплетение двух культурно и функционально различных начал определили различные интерпретации происхождения русского литературного языка, в том числе и диаметрально противоположные. Необходимость «разъять» язык и «поверить алгеброй гармонию» нередко приводит к метафорическому осмыслению истории русского литературного языка как живописной картины, причём «объять всю эту картину почти невозможно, и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных её частей» [Трубецкой 1990: 123].

Восприятие языка как «огромного полотна», где «выписаны (и нередко тщательно, прекрасно, талантливо) отдельные детали» [Горшков 1983: 159], приводит к тому, что исследователи или продолжают наносить отдельные мазки, или делают выводы на основании своего видения «отдельных частей», укладывая их в определённые схемы и в полемическом задоре высвечивая нужные аспекты. В этом проявляется одно из слабых мест в научном осмыслении проблемы взаимоотношений восточнославянской и южнославянской языковых стихий в системе русского литературного языка и – шире – особенностей его развития. Тем более, что сама специфика литературного языка донациональной эпохи требует особого подхода, а изучение его источников сопряжено с целым рядом трудностей, которые могут привести к различным выводам. Об этом в своё время писал М. А. Колосов: «Характер нашей древней письменности таков, что, наблюдая памятники лишь одного, данного века, можно представить описание их, но невозможно сделать никаких относящихся до них выводов» [Колосов 1872: III].

Действительно, показания определённой подборки памятников, например хронологической или жанровой, тем более одного памятника в связи с отражением только части – нередко каким-либо образом избранной – языковой системы могут привести к искажению результатов исследования, так как реальная история русского литературного языка прослеживается в его функционировании, стоящем за пределами соотношения «русской и старославянской стихий» и определяющем основные тенденции развития языка.

Впервые «вопрос о закономерностях развития форм речевого общения, функциональных разновидностей речи, видов и типов общественно-речевой деятельности, о характере и способах «обслуживания» языком разных проявлений духовной и материальной культуры народа в ее движении» был поставлен В. В. Виноградовым, который отметил, что «мы еще не имеем истории какого-нибудь развитого языка, разработанной в этом плане» [Виноградов 1955: 78]. Через тридцать лет А. И. Горшков вновь ак-

центирует внимание на том, что «в истории русского литературного языка выделение и описание его разновидностей на том или ином историческом этапе развития – дело очень сложное», но именно такой подход позволит избежать опасности «оказаться в плену заранее заданной схемы, спутать подлинное научное обобщение фактов языковой реальности и чисто умозрительно построенное заключение» [Горшков 1983: 51].

Однако зашоренность взглядов на историю русского литературного языка через специфику представленности по-разному толкуемых так называемых южнославянских (старославянских) и восточнославянских элементов до сих пор не позволяет ряду исследователей подняться над определёнными представлениями о генезисе, возведёнными в аксиому [Бекасова 2010; 2013]. Более того, некоторые учёные, подобно Шишкову, продолжают достаточно агрессивно отстаивать происхождение русского литературного языка от старославянского языка. В этом проявляются симптомы ещё И. И. Срезневским поставленного диагноза – необоснованная уверенность смотреть на судьбу русского языка как «на призрак воображения», вызванная «слабостью соображения» и «неосновательной уверенностью» [Срезневский 2007: 34].

Однако следует признать, что в 70-80 гг. XX в. Л. И. Баранникова вплотную подходит к решению тех вопросов истории русского литературного языка, которые по-прежнему или остаются незамеченными, или сознательно игнорируются. Важно отметить, что Л. И. Баранникова шла к этому от изучения диалектного материала на основании собственного видения развития языка, то есть, по весьма точному определению В. Е. Гольдина и О. Ю. Крючковой, «от единства собственно лингвистического (системно-структурного) и социолингвистического анализа» [Баранникова 2005: 6]. Это позволяло ей реально смотреть на судьбу русского литературного языка на фоне развития функциональной парадигмы русского языка.

В этом отношении до сих пор в достаточной мере не оценённой остаётся работа Л. И. Баранниковой «К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка» (статья первая и вторая) [Баранникова 1973; 1974], где впервые в русистике последовательно осуществлён подход к русскому литературному языку как к исторической категории на фоне внутреннего членения языка. Здесь же впервые Л. И. Баранникова заявляет свою принципиальную позицию в отношении к генезису русского литературного языка, ставшего камнем преткновения славистики [Бекасова 2007]: «Для нас важно не разграничение на два или три типа письменной речи, а сам факт признания всеми своеобразного языкового двуязычия» [Баранникова 1973: 80]. В этом положении, на наш взгляд, со всей очевидностью проявляются важные качества Л. И. Баранниковой как учёного – взвешенность выводов, логичность построения и широкий лингвистический кругозор при полном отсутствии односторонности, столь распростра-

нённой при решении проблем русского литературного языка. Отсюда и принципиально важное положение о том, что в истории русского литературного языка «более существенными и значимыми были различия, связанные с разностью функционирования языковых систем» [Баранникова 1973: 81], которые обусловливают рассмотрение специфики развития русского с учётом других литературных языков донационального периода, которые имеют особую логику своего внутреннего и внешнего развития и соотношения с другими компонентами общенародного языка. Надо отметить, что Л. И. Баранникова проследила особенности функционирования русского литературного языка «в сложном процессе роста функционально-стилевого многообразия языка» [Баранникова 1974: 73] на протяжении всего его развития, в результате чего перед нами предстаёт весьма убедительный очерк истории русского литературного языка с учётом достижений современной научной парадигмы.

В 1981 г. была опубликована статья Л. И. Баранниковой «К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне», решающая одну из наиболее дискуссионных проблем истории русского языка, связанную со статусом деловой письменности, определяющая место койнэ в функциональной парадигме русского языка и роль, которую оно сыграло в эволюции литературного языка [Баранникова 1981].

Такой подход к русскому литературному языку как реальной исторической категории в координатах других страт, их взаимодействия и развития позволил Л. И. Баранниковой избежать целого ряда всё ещё копящихся ошибок в отношении истории русского литературного языка, разрубить «гордиев узел» категорических и научно некорректных суждений о генетической «основе», шире и – главное – объективнее рассмотреть проблемы становления и эволюции русского литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. – Вып. 6. – С. 70-89.

Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка (статья вторая) // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. – Вып. 7. – С. 60-73.

Баранникова Л. И. К проблеме соотношения русского литературного языка и общенародного койне // Типы наддиалектных форм языка. – М.: Наука, 1981. – С. 97-120.

Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание: Избранные работы / Составители В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. – М.: КомКнига, 2005. – 256 с.

Бекасова Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: Монография. – М.: Изд-во Спутник+, 2013. – С. 150-208.

Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 208 с.

Бекасова Е. Н. Камень преткновения славистики: природа русского литературного языка // Языки профессиональной коммуникации: материалы III междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–25 октября 2007 г.). – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2007. – Ч. I. – С. 108-110.

Бекасова Е. Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – 100 с.

Бекасова Е. Н. Системообразующий фактор в организации гетерогенной морфонологической парадигмы русского языка // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. – В 15 т. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – Т. 5. – С. 33-38.

Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – №1. – С. 60-88.

Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. – М.: Наука, 1983. – 160 с.

Колосов М. А. Очерк истории звуков и форм русскаго языка с XI по XVI столетие. – Варшава: [б.и.], 1872. – 192 с.

Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский / Вступ. ст. С. Г. Бархударова. Изд-е 3-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 136 с. (История языков народов Европы).

Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. – 1990. – №2. – С. 122-139.

О. А. Горбань
Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII ВЕКА

1. Задачи изучения истории фонетики, грамматики, лексики русского языка и его диалектов определяют неизменный интерес исследователей к памятникам деловой письменности, поскольку изначально и на протяжении длительного периода деловые тексты, в отличие от книжных, в значи-

тельной степени были ориентированы на живую разговорную речь. Не меньшего внимания заслуживают деловые тексты XVIII века – периода формирования сложной функциональной парадигмы современного русского литературного языка на основе взаимодействия различных исторически сложившихся традиций книжной (церковнославянской), деловой, собственно литературной, народно-разговорной языковых культур. Несмотря на стандартизованность, следование определенным правилам построения текстов и их языкового оформления, в деловой речи этого периода нашли отражение иноязычное влияние, взаимодействие с разговорной речью, отношение одновременно «противопоставленности и преемственности» [Успенский 1994: 114] нового литературного языка и церковнославянского. В данный период «наибольшего разнообразия форм, … особенно интенсивного проникновения в письменность множества “просторечных” образований» [Марков 2001: 156] именно «светско-деловой язык решительно выступил в роли средней нормы литературности» [Виноградов 1982: 72]. В этом отношении неоценимым источником является региональная деловая письменность, так или иначе отражающая названные процессы не только в культурных и политических центрах государства, но и на всей его территории.

Среди таких источников можно назвать и документы, относящиеся к исторической Области Войска Донского, которая являлась административно-территориальной единицей Российского государства и характеризовалась социоэтническим и языковым своеобразием. В докладе рассматриваются скорописные документы 1734-1755 гг. фонда «Михайловский станичный атаман», хранящегося в Государственном архиве Волгоградской области (ГАВО. Ф. 332, оп. 1; далее ссылки на них даются только с указанием единицы хранения и листа или его оборота).

2. Комплекс лексических и грамматических единиц свидетельствует о том, что язык региональных документов середины XVIII в. ориентирован на книжную традицию. Это использование архаичных местоимений *сей, оный*, наречий *паки, наипаче*, союзов *понеже, поелику, ибо, яко*, обилие слов, созданных по книжным словообразовательным моделям (*ответствовать, правительствующий* и др.), написание окончаний родительного падежа прилагательных и причастий *-аго* (муж. и ср. род), *-ыя* (жен. род), книжных предложно-падежных конструкций и т.д. Многие из этих слов и форм восходят к церковнославянскому языку, однако функционально переосмыслились как канцеляризмы, выполняют не только стилеобразующую, но и текстообразующую функции, выражая текстовые категории информативности, интенциональности, когезии и когерентности [Шептухина, Герасимова 2014]. Названные и другие языковые средства характеризуют в целом деловой язык середины XVIII в., отраженный в документах центральных и региональных учреждений разных областей государства. Даже при передаче устной речи казаков (например, в записях свидетельских по-

казаний) в документах наблюдается их книжная обработка [Горбань, Шептухина 2013: 81].

3. Тексты рассматриваемых документов отражают и целый ряд фонетических, лексических, грамматических особенностей живой разговорной речи, в том числе диалектного характера. Нормативная оценка многих языковых явлений может быть неоднозначной, поскольку литературные нормы в этот период очень подвижны, так же как изменчивы и критерии «литературности». Для первой половины XVIII века актуальным является противопоставление «чтения книжного», с одной стороны, и «обыкновенных разговоров», «просторечия» (т.е. простого, обыкновенного разговора), с другой [Ломоносов 1755: 49], «высокого и красного слога» и «обыкновенных разговоров» [САР I: XIV], по современной терминологии – противопоставление книжной (торжественной) и бытовой разговорной речи [Панов 2002: 323-324] при наличии ряда переходных форм. Говоря о терминах «бытовая речь» и «разговорная речь», Л. И. Баранникова писала: «Полностью соглашаясь с мнением Т. Г. Винокур о неправомерности отождествления понятий “разговорная речь” и “бытовая речь” в наше время, думаем, что и для прошлого подобное отождествление не было правомерным. Поскольку разговорная речь в составе литературного языка возникает лишь на определенном этапе его развития, как речь определенного круга образованных людей, она сразу же должна быть тематически более широкой, чем просто бытовая речь» [Баранникова 1977: 67]. В период, когда разговорная речь не входила в сферу литературного языка, установить соотношение этих понятий довольно сложно, хотя разговорная речь распространена была в основном в быту. В рамках доклада применительно к языку середины XVIII века мы считаем возможным употреблять выражения «бытовая речь» и «разговорная речь» как синонимичные, в противоположность понятию «книжная речь»; под «разговорное» в этом смысле попадают и диалектные, просторечные единицы.

3.1. Орфография документов, наряду с нормативными для середины XVIII в. написаниями, может отступать от нормы, отражая такие ***фонетические*** черты, как аканье и эканье, например: ***а****ставатца* (ед. хр. 2, л. 1об.), *упр**о**вляющеися* (ед. хр. 3, л. 3), *тр**о**ва* (ед. хр. 3, л. 3), ***о****тамана* (ед. хр. 1, л. 5), *ат**о**мана* (ед. хр. 6, л. 10), *сент**е**бря* (ед. хр. 1, л. 1) и др. Правописание свидетельствует об «акающем» произношении и новых заимствований из европейских языков: *к**а**мандою* (ед. хр. 1, л. 1), *к**о**валер* (ед. хр. 1, л. 2), ***а****фицеры* (ед. хр. 2, л. 1), *к**а**мисарам* (ед. хр. 2, л. 1об.) и др.

Довольно редко, и иногда неправильно, употребляется буква ѣ «ять», вместо нее пишется ***е***, что говорит о неразличении соответствующих звуков.

Названные особенности произношения гласных, свойственные русскому, а не церковнославянскому языку, считались принадлежностью разговорной речи: «Сие произношение больше употребительно в обыкновен-

ных разговорах, а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется. Притом примечать должно, что буквы Е и Ѣ в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет» [Ломоносов 1755: 49]. Вывод об этих различиях сделан и исследователями на основе анализа других источников XVIII в. (см., например, [Панов 2002: 322-360]). Кодификация аканья происходит на протяжении всего XVIII столетия [Там же: 396].

Можно отметить написания, передающие произношение буквенного сочетания *чн* как сочетания мягкого или твердого щелевого с сонорным, что также является разговорной приметой. О степени распространенности данного явления в речи казаков судить по изученным документам трудно из-за незначительного количества соответствующих слов. Например, лишь прилагательное *станичный* последовательно пишется как *станищнои*, в единичных случаях – *станишныи* и *станищьныи*; ср. также *сказашные* (ед. хр. 8, л. 50) вм. *сказочные*. Впрочем, произношение *чн* и сегодня представляет неоднородную картину как в литературном языке, так и по говорам (см. об этом: [Касаткин 1999: 311-314]).

Интересны факты, отражающие в документах Области Войска Донского диалектные фонетические особенности. Так, во втором предударном и заударном слогах встречается написание буквы *о* на месте *у*, а также *е* на месте *ю*, например: *бо**о**зулуцкои* (ед. хр. 6, л. 5об.) вм. *Б**у**зулукской*, формы вин. пад. ед. ч. жен. рода *луковск**о**ю* (ед. хр. 5, л. 5об.), *на кажд**о**ю* (ед. хр. 6, л. 6), *на урюпинск**о**ю* (ед. хр. 6, л. 5; ед. хр. 8, л. 16); суффикс причастия *обрета**е**щегося* (ед. хр. 8, л. 8) и др. Такие написания можно объяснить тем, что в названных фонетических позициях фонема <у> реализуется как [ъ] после твердого или [ь] после мягкого согласного, совпадая, соответственно, с фонемами <о> и <э>. Эта произносительная черта отмечена Л. Л. Касаткиным в современных говорах Волгоградской, Воронежской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской областей, некоторых других территорий, даже в литературной речи и охарактеризована ученым как новая ступень в развитии системы гласных русского языка [Касаткин 1999: 483-485]. По-видимому, процесс вытеснения фонемы <у> в безударных слогах происходил в говорах Нижней Волги и Дона уже в XVIII в.

3.2. К ***морфологическим*** чертам разговорной речи, нашедшим отражение в рассмотренных документах, можно отнести употребление некоторых вариантов грамматических аффиксов.

Так, встречаются формы инфинитива корневых глаголов с безударным *-ть* в соответствии с церковнославянским *-ти*, например: *весть* (ед. хр. 1, л. 1), *отвесть* (ед. хр. 3, л. 3 об.). Ни в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [Ломоносов 1755: 122], ни позже в «Словаре Академии Российской» [САР I: 519] эти варианты не получают стилистического комментария, хотя инфинитив типа *вести* везде дается как первый и основной вариант (см., например, иллюстрации к словарной статье ВЕДУ

в «Словаре»). Однако можно полагать, что форма на *-ть* тяготела к разговорной речи (ср. во второй половине XVIII в. слова А. А. Барсова о формах на *-ти*, «которое ныне употреблять можно только в стихах или в высоком слоге и церковном, а в прочем сокращается переменою на *ть*» [Российская 1981: 592]). Как известно, в современном русском литературном языке у данных глаголов в качестве нормативного закрепилось ударное *-ти,* а инфинитив типа *весть, несть* является приметой южнорусских диалектов, хотя и здесь ученые отмечают в некоторых случаях вытеснение данных форм литературными *вести, нести* [Баранникова 1967: 190].

Довольно частотны написания безударных окончаний им. пад. ед. ч. муж. рода прилагательных и причастий *-ой, -ей* в соответствии с книжными *-ый, -ий*, например: *черкаскои* (ед. хр. 1, л. 2), *малои* (ед. хр. 1, л. 2), *бѣглои* (ед. хр. 1, л. 2об.), *станищнои* (ед. хр. 1, л. 3), *поиманнои* (ед. хр. 1, л. 1), *нынешнеи* (ед. хр. 1, л. 5) и мн. др. Как известно, это исконные русские формы, где буквы *о* и *е* обозначают закономерные [ъ] и [ь] на месте бывших редуцированных. Здесь литературная норма также только формируется, и М. В. Ломоносовым данные окончания приводятся без стилистической оценки (в качестве первого дается *-ый*) [Ломоносов 1755: 77-78]; не поясняются эти формы и позже в «Словаре Академии Российской» (например, [САР I: 519; II: 698]), однако в грамматике А. А. Барсова о безударных окончаниях говорится уже определенно: «б. Прилагательные имена мужеского рода в именительном падеже единственного числа правильно кончатся на слоги *ый* и *ий*. в. Но в обыкновенном слоге <и в именах в просторечии употребляемых>, особливо же и непременно в разговорах, переменяется … *ый* на *ой* … *ий* после согласных *г, к, х* на *ой* же … *ий* же после других согласных на *ей*» [Российская 1981: 466-467].

Широко представлена вариативность форм прилагательных и причастий род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода на *-аго* (церк.-сл.) и *-ого* (рус.): *императорскаго* и *императорского, станишнаго* и *станищного, воисковаго* и *воискового, растовскаго* и *ростовского, драгунскаго* и *драгунского, онаго* и *оного* и мн. др. Фонетическая интерпретация этих написаний может быть различной. Известно, что побуквенное произношение *-аго* было характерно для книжного слога [Панов 2002: 322-323]. Живой разговорной речи было свойственно произношение *-ова*, и такие написания в деловых текстах тоже встречаются, хотя и не часто: *никакова* (ед. хр. 9, л. 9), *такова* (ед. хр. 9, л. 21об.), ср. также местоимение *ево* (ед. хр. 1, л. 2). Интересно при этом, что в словосочетании *Войска Донскаго* последовательно пишется книжное окончание *-аго*, что говорит об устойчивости сочетания, придании ему официального статуса как наименования административно-территориальной единицы, особенно в начальной и конечной формулах документов.

Встречается разговорная форма род. пад. мн. ч. с окончанием *-ев* у существительных ср. рода с основой на [-j-]: *из доношениев* (ед. хр. 3, л.

3об.). Подобные диалектно-просторечные формы, по замечанию В. М. Маркова, в XVIII веке получили широкое распространение в связи с общей демократизацией русского литературного языка [Марков 1992: 86].

У возвратного местоимения в русском языке XVIII в. грамматиками того времени отмечается единственная форма род. пад. *себя*, которая развилась из древнерусской *себе*. Встретившаяся в документах архаичная словоформа *у себе* (ед. хр. 5, л. 3 об.) носит диалектный характер и отражает особенность южнорусских говоров [Баранникова 1967: 194-195].

3.3. Из ***синтаксических*** особенностей разговорной речи, проникших в тексты деловых документов, отметим употребление частицы *де* («в просторечии токмо употребляемая» [САР II: 572]) при передаче чужих слов, часто при ссылке на другие документы: *писал к намъ воиску донскому ... Иванъ Маѯимовичъ Шуваловъ; что* ***де*** *сего генваря 12ᶻ дня в доношениі резанскаго полку от подполковника Шарѳа кь его превосходителству написано...* (ед. хр. 1, л. 2); *в присланнои к нам ... ея імператорского величества грамоты покаѕано іюля* ***де*** *31 дня сего 746 году в присланном из святѣишаго синода во ѡнную гдрьственнную военную коллегию указе …* (ед. хр. 4, л. 1) (здесь и далее при цитировании источников предлоги написаны отдельно, имена собственные – с прописной буквы, выносные буквы – в строке, в остальном сохранена орфография оригиналов).

Синтаксису рассмотренных документов свойственно употребление начинательного союза *а*, например: … ***а*** *Михаиловскоі от станицы отправит такожъ под караулѡм Новохоперскои крепости в канцелярию бѣзо всякогѡ отрицания* ***а*** *ежели оногѡ посланного колодника кто чрез слабое смотрение упуститъ таковои послабител имеет ответствоват пред судомъ какъ о томъ ея императорского величества указы повелѣвают;* ***А*** *для верности у сего пашпорта наша воиска донскаго печать* (ед. хр. 1, л. 1); в записи устной речи: *которые ... скаѕали что отцъ ево василѣі милованов был коѕакъ ...* ***а*** *онъ селиванъ доподлино коѕачии снъ* ***а*** *ѡтецъ ево умре ...* ***а*** *ежели мы ... всеи своеи скаскои скаѕали что ложно ... в такомъ случае повинны будемъ ...* ***а*** *сию сказку писал ... онаи же станицы станищноі писар иванъ вешняковъ* (ед. хр. 5, л. 5–5об.).

Такое «цепочечное нанизывание» предложений было яркой чертой древних славянских текстов всех жанров и стилей [Борковский 1958: 96-105; Борковский, Кузнецов 1963: 466-469] и существовало долгое время, причем использование союза *а* в указанной функции не свойственно было церковнославянскому языку (там употреблялся начинательный союз *и*), но являлось чертой текстов, ориентированных на живой древнерусский язык, в частности деловых. Начинательные союзы при повествовании «придают речи особую интонацию неторопливого рассказа» [Структура 1983: 109]. Цепочечное нанизывание еще встречается в памятниках XVIII века [Там же: 119], о чем свидетельствуют наши источники, однако при помощи начинательного *а* в них присоединяется не каждое последующее предло-

жение: союз употребляется «в начале развернутого повествоват. предложения (или периода) при переходе к новой мысли» (СлРЯ XVIII); такая функция была характерна для этого союза в текстах XVI-XVII вв. [Котков, Попова 1986: 15].

При передаче чужих слов иногда наблюдается смешение прямой и косвенной речи, например: <Ефим Усов и Иван Саранин> ***которые*** *под темъ ѡбѣsателством* ***сkаsали что*** *... онъ Селиванъ доподлино kоsачии снъ ... и какъ мать ево Селиванова и* ***наша*** *тетка Ефимия Евдокимова сшед* ***к намъ*** *в Михаиловскую станицу къ матярямъ* ***нашимъ*** *гдѣ ево Селивана и родила* (ед. хр. 5, л. 5–5об.).

3.4. В ***лексике*** рассматриваемых документов встречаются как собственно разговорные единицы, так и диалектные.

К разговорным можно отнести слова *баба, женка*. Например: *бѣжали крепостные ево крестьяне а именно ... Спиридонъ Калесниковъ,* ***баба*** *Арина Ѳедорова дочь Колесникова* (ед. хр. 8, л. 16). Существительным *баба* здесь названа жена, замужняя женщина крестьянского сословия; в этом значении слово было именно «в общенародном употреблении» [САР I: 66], простое, разговорное, перешедшее затем в просторечие [СлРЯ XVIII]; в других значениях оно свойственно и церковнославянскому языку. Существительное *женка* выражает значение «женщина (чаще простого происхождения), жена» [СлРЯ XVIII]: *помянутую бѣглую* ***женку*** *Авимю Леонтьеву дочь Дулову, салдат Лаsыревъ за себѣ в sамужсство взялъ ... она* ***женка*** *не бѣглая и не помещичья* (ед. хр. 8, л. 16об.–11); в Словаре Академии Российской отмечается, что слово «в старину употреблялося в приказных делах как уничижительное название» [САР II: 1104-1105]; в «высоком слоге» в значении «женщина» употреблялось слово *жена* [САР II: 1104].

Из диалектно-просторечных единиц отметим произношение общеупотребительных местоименных наречий *куда, туда, сюда* как *куды, туды, сюды*, а также наречие *откуль* в соответствии с *откуда*. Надо отметить, что *куды* в Словаре русского языка XVIII века дается как вариант наречия *куда* без стилистических помет, однако ни в Словаре Академии Российской, ни в Словаре церковнославянского и русского языков XIX в. варианты на *-ды* не зафиксированы (кроме *сюды*, которое в САР дано с пометой «в просторечии»). Словари В. И. Даля, русских народных говоров, современного русского литературного языка отражают их как устаревшие, просторечные, характерные для разных диалектов [см., например: САР III: 1053–1054; СлЦСРЯ II: 233; СлРНГ 16: 16; Даль II: 211; БАС V: 1795]. Наречие *откуль* не отмечено в академических словарях XVIII и XIX вв., в словарях современного русского языка оно охарактеризовано как областное, свойственное разным диалектам.

Большинство диалектной лексики связано с изображением реалий жизни казаков – управления, военного быта, военной иерархии казачества.

Среди них есть диалектизмы лексические и семантические. Это лексемы *городокъ, станица, (станищная) изба, (станищный) сборъ, атаманъ, есаулъ, старикъ, выростокъ, малолѣтокъ*, из которых *станица, атаманъ, есаулъ* уже отражены в Словаре Академии Российской с обязательным уточнением «казацкий, у казаков»: *станица* – «селение казаков, на Волге и Дону обитающих», *атаманъ* – «начальник или предводитель козаков», *есаулъ* – «помощник атамана в войсках казацких» [САР V: 776; I: 60; II: 1017]. Вероятно, эти слова можно считать для XVIII века общеизвестными, но вряд ли они были уместны в книжном языке.

Остальные лексемы, являясь общерусскими, в казачьих говорах и в рассматриваемых документах употребляются в специализированных значениях, не отмеченных академическими словарями в XVIII и XIX вв. Так, *городокъ* – «Обл. Укрепленная деревня (у казаков)» [СлРЯ XVIII], «древнее казачье поселение, обнесенное валом, частоколом или плетнем и укрепленное» [БТСлДонК: 115]; *станищная изба* – «1. Общий дом для зимовки и решения общественных вопросов. 2. Дом, где помещалось станичное правление» [БТСлДонК: 507], ср. близкие этому диал. *изба* «дом, в котором собираются для проведения сходок и других сельских надобностей» [СлРНГ 12: 86], устар. *приказная* и т.д. *изба* «здание, помещение различного назначения (канцелярия, контора, мастерская и пр.)» [СлРЯ XVIII]; *станищный сборъ* – орган управления у казаков, «заседание станичного правления и выборных от хуторов» [БТСлДонК: 507], ср. близкое «сход народный, сборище» [САР I: 142]; *выростокъ* – «*дон*. малолеток, подросток, казак между 17 и 19 лет, еще не присягавший на службу» [Даль I: 310], «молодой человек, достигший зрелости» (у Миртова с примечанием «официальный термин старых каз. приказов»), «молодой казак лет 17–19, еще не принявший присяги» с пометой «донское» [СлРНГ 6: 13]; *малолѣтокъ* – «у казаков – юноша до прохождения действительной военной службы» [СлРЯ XVIII], «казак призывного возраста, но еще не призванный на военную службу» с пометой «донское» [СлРНГ 17: 333].

Интерес представляет лексема *старикъ*. Это общеупотребительное слово в словарях XVIII и XIX вв. определяется как «состарившийся, старый летами» [САР V: 704], «человек, достигший старости» [СлЦСРЯ IV: 219-220]. В современных лексикографических изданиях оно представлено как многозначное, но не соответствующее семантически контекстам из рассматриваемых документов. Только Словарь русского языка XI–XVII вв. отмечает значение «Обычно мн. *Авторитетные свидетели из числа пожилых людей, давно живущих в данной местности, привлекаемые к опросу при решении, главным образом, спорных земельных дел*» [СлРЯ XI-XVII 27: 210], которое можно соотнести с интересующим нас, и приводит примеры из севернорусских грамот. Из исторических источников об управлении в казачьем войске известно выражение *подписные старики*, т.е. судьи, которые выбирались на определенный срок из лучших (и веро-

ятно, пожилых, опытных) людей станицы [Иллюстрированная 1994: 108]. В документах старики почти всегда упоминаются наряду с атаманом и казаками, что свидетельствует об их особом статусе, например: *в том мы* ***атаманъ старики*** *і всеи станицы* ***козаки*** *ему Федору сию подписку дали* (ед. хр. 9, л. 23об.); в реквизите «адресат»: *О семъ доносит вашему высокоблагородию и всему Воиску Донскому Михаиловскои станицы* ***атаман*** *Трифон Калинен* ***старики*** *і всеи станицы* ***kозаки*** [ед. хр. 6, л. 7об.]; *о семъ покорнеиши репортуют Михаиловскои станицы станиш[нои]* ***атаман*** *Григореи Пековъ* ***старики*** *и всеи стани[цы]* ***казаки*** (ед. хр. 8, л. 50). Можно заключить, что *старики* также является семантическим диалектизмом.

4. Материал документов 1734–1755 гг. Области Войска Донского показал, что деловой язык середины XVIII в., во многом ориентируясь на книжную традицию, допускает проникновение разговорных элементов, часть которых будет закреплена позже литературной нормой (например, акающее произношение, полная утрата фонемы «ять»), а часть – вытеснена из официально-делового стиля как одного из строгих книжных стилей (например, явно просторечные или диалектные формы). Число фонетических и грамматических диалектизмов очень ограничено, из лексических диалектных единиц используются, как правило те, которые по своей структуре или фонемному составу незначительно отличаются от общеупотребительных либо неразрывно связаны с описанием местных реалий. Язык региональной деловой письменности, отражая общие тенденции формирования национального русского литературного языка, служит источником сведений об истории русского языка и его диалектов, о языковой культуре жителей Нижней Волги и Дона в разные исторические периоды.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество: межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. – С. 59-77.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1967. – 206 с.

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: Сложное предложение. – М.: АН СССР, 1958. – 187 с.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М.: АН СССР, 1963. – 512 с.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

Горбань О. А., Шептухина Е. М. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2013. – №3 (19). – С. 76-84.

Иллюстрированная история казачества. – Репр. изд. – Волгоград: «Ведо», 1994. – 544 с.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. – 528 с.

Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. – М.: Наука, 1986. – 159 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика Михайла Ломоносова. – СПб.: Императ. Академия наук, 1755. – 213 с.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение: уч. пособие для филол. фак. ун-тов и педвузов. – Переизд. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 145 с.

Марков В. М. Проблемы грамматической лексикологии и русский литературный язык XVIII века // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / Под ред. проф. Г. А. Николаева. – Казань: Издательство «ДАС», 2001. – С. 156-163.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 456 с.

«Российская грамматика» А. А. Барсова / Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 776 с.

Структура предложения в истории восточнославянских языков / Под ред. В. И. Борковского. – М.: Наука, 1983. – 303 с.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.

Шептухина Е. М., Герасимова И. С. Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных документах XVIII в. // Учен. зап. Казан. ун-та. – Сер. Гуманит. науки. – 2014. – Т. 156. – Кн. 5. – С. 41-51.

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: АН СССР, 1950-1965.

БТСлДонК – Большой толковый словарь донского казачества. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1999.

САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. – СПб.: Императ. Академия наук, 1789-1794.

СлРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР. – Вып. 1 – . – М.; Л.: Наука, 1965 – .

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984-1991. – Вып. 1-6; СПб.: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992– ... – Вып. 7– ...: [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc.

СлЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языков, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. – СПб.: Императ. Акад. наук, 1847.

Е. Н. Горбачева
Астраханский государственный университет
(Астрахань)

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ

Перформативность, относящаяся к самым сложным лингвистическим феноменам, неоднократно привлекала внимание исследователей, в особенности как категория прагмалингвистики [Апресян 1986; Арутюнова 1998; Красина 1999; Романов 1984]. Основания для изучения феномена дискурсивной перформативности, в силу его деятельностного характера, следует искать в психологических концепциях действий.

Рассмотрим лингвистически релевантные тезисы, выделяемые в рамках таких концепций (Т. В. Корнилова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн), на примере русскоязычного бытового дискурса. Выбор данного вида дискурса обусловлен широкой сферой социальных отношений, охватываемой им: субъектами бытового дискурса могут быть представители любой возрастной группы с различными статусно-ролевыми и ситуативно-коммуникативными амплуа (родители и дети, супруги, соседи, хозяева и прислуга, коллеги по работе и др.).

Структура деятельности представлена триадой «операция – действие – поступок»: операция является способом выполнения действий, инструментальной основой деятельности; собственно действие отличается целенаправленностью и осознанностью; поступок понимается как действие, соотносимое с личностью как ее сущностным проявлением [Леонтьев: эл. рес.; Леонтьев 1974; Леонтьев 1999; Петровский, Ярошевский 2001].

Главный компонент деятельности – ***действие*** – представлен в бытовом дискурсе перформативными действиями с эксплицитно выраженной перформативностью, кроме этикетных и клишированных перформативов (*«Я согласен с тобой…», «Я не разрешаю…», «Я обещаю…»*), перформативными действиями с имплицитно выраженной перформативностью (*«Вы правильно сделали, что пришли» / «Не надо было вам приходить»*) и транспонированными перформативами (*«Ну ты, конечно, молодец!»* – перформатив, совмещающий иллокуции похвалы и порицания).

Включение действия в новый, более широкий контекст придает ему большую внутреннюю содержательность, поскольку результат действия, будучи по отношению к конечной цели средством, является вместе с тем для данного частного действия целью [Рубинштейн 2007: 466]. Дискурсивной иллюстрацией данного тезиса могут служить примеры бытовых речевых действий с переакцентуированными (измененными) коммуникативными намерениями адресанта. Таково, в частности, миметическое высказывание – передразнивание, служащее средством не развлечения, а самоидентификации или выражения отношения к адресату, как в следующем примере:

Такое отношение высказывалось в то время во всем: барские не упускали случая посмеяться над однодворцами и передразнить их говор: кого и чаго вместо «ково» и «чево», що вместо «што» <…> (http://search.ruscorpora.ru).

В данном примере барские слуги позиционируют себя как людей, занимающих более высокое иерархическое положение по сравнению с однодворцами.

Операции соотносимы с целями, данными в определенных условиях, т.е. с задачами. В бытовом дискурсе операциями являются, прежде всего, эмотивные речевые действия, выполняющие функцию идентификатора той или иной эмоции и связанную с ней функцию индикатора эмоционального состояния говорящего *(«Ура!», «Прикольно!», «Ничего себе!», «Ну что еще?!», «Да брось ты!»*): *Таня, успевшая уже надеть школьную форму и причесаться, счастливо взвизгнула: – Папа, ура! И повисла на его руке.* (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»).

К бытовым речевым операциям также относятся повседневные этикетные высказывания (*«Добрый день», «До встречи», «Будьте здоровы», «Приятного аппетита»* и т.п.), которые, однако, приобретают качество собственно действия или поступка при актуализации их внутренней формы:

Оксана Демидова. Честь имею.

Черкасов. Сомневаюсь, что она у вас есть (х/ф «Палач»).

В данном примере майор Черкасов актуализирует внутреннюю форму этикетного высказывания «Честь имею», добавляя предикат мнения и выражая свое недовольство предшествующей разговору выходкой девушки-журналистки и ее косвенное осуждение, что сигнализирует о переходе всей коммуникативной ситуации из разряда операционного действия в разряд собственно действия.

Актуализация внутренней формы этикетного высказывания в совокупности с его ироническим переосмыслением также ведет к изменению категориального статуса данного высказывания – из операции в собственно действие либо поступок:

– Вы продолжаете шутить, – произнес, вставая со стула, Павел Петрович. – Но после любезной готовности, оказанной вами, я не имею права быть на вас в претензии… Итак, все устроено… Кстати, пистолетов у вас нет?

– Откуда у меня пистолеты, Павел Петрович? Я не воин.

– В таком случае предлагаю вам мои. Вы можете быть уверены, что вот уже пять лет, как я не стрелял из них.

– Это очень утешительное известие.

Павел Петрович достал свою трость…

– Засим, милостивый государь, мне остается только благодарить вас и возвратить вас вашим занятиям. Честь имею кланяться.

– До приятного свидания, милостивый государь мой, – промолвил Базаров, провожая гостя (И. С. Тургенев «Отцы и дети»).

В данном примере Базаров актуализирует внутреннюю форму этикетного действия прощания, добавляя эпитет, придающий ироническое звучание всему высказыванию (*«До приятного свидания»*), благодаря чему оно приобретает качество собственно действия.

К следующей группе бытовых речевых операций относятся клишированные десемантизированные перформативы, этимологически восходящие к ритуальным действиям. В результате десемантизации ритуальные речевые действия утрачивают признаки ритуала, выделяемые А. К. Байбуриным (сакральность, коллективность, ригидность и сюжетность), и меняют иллокутивную силу: комиссивы (речевые акты обязательства) переходят в класс ассертивов, т.е. речевых актов с утверждающей интенцией (*«Клянусь, что это правда!», «Держу пари, это так»*), бехабитивы (речевые акты выражения межличностных отношений и чувств) транслируют противоположный смысл в иронических или саркастических высказываниях:

– Хочу жену отправить в Ленинград. – Сочувствую. Я бы свою на Камчатку отправил (С. Довлатов «Заповедник»).

В зависимости от изменяющихся условий операции могут варьироваться. Варьированием речевых операций в зависимости от изменяющихся условий протекания деятельности можно считать разные способы приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, пожелания, соболезнования и других выражений речевого этикета, языковое наполнение которых предопределяется, прежде всего, регистровыми характеристиками общения (официальность / неофициальность). Поскольку бытовой дискурс охватывает не только сферу бытовых отношений, но и неофициальное устное общение в профессиональной сфере, варьирование речевых операций данного типа состоит в степени неофициальности – от фамильярно-разговорного до литературно-разговорного (*«Здоро́во / Привет», «По́ки / Чао-какао / Давай, пока / До связи / Увидимся / До скорого», «Спасибо / спс / благодарствую / мерси боку»*).

Операция порождается в результате «технизации» действия, которая достигается при включении одного действия в другое [Леонтьев 1974: 16]. Проиллюстрируем данное утверждение на примере речевого действия «приказ»:

Командир дивизии ранен, заместитель и начальник штаба убиты, приказываю вам принять командование дивизией, – и после паузы добавил медленно и веско:

– Ты командовал полком в невиданных, адских условиях, сдержал напор (В. Гроссман «Жизнь и судьба»).

– Бабушка! Я не буду просить у него прощения ни за что… – сказал я, вдруг останавливаясь, чувствуя, что не в состоянии буду удержать слез, давивших меня, ежели скажу еще одно слово.

– Я приказываю тебе, я прошу тебя. Что же ты? (Л. Н. Толстой «Отрочество»).

В обоих примерах используется перформативный глагол «приказывать», однако только в первом он реализует речевое действие «приказ», во втором же случае его употребление интенсифицирует другое речевое действие – просьбу; таким образом, здесь имеет место включение приказа в просьбу, что придает приказу операционный характер.

Поскольку целостная деятельность в процессе реализации претерпевает изменения и трансформации, действие при изменении его цели может стать операцией [Давыдов 1999: 290].

Речевыми операциями становятся действия, генетически восходящие к коммуникативным поступкам (молитва, комплимент, признание в любви, оскорбление, проклятие и т.п.), если они характеризуются итеративностью (регулярной повторяемостью), что, как правило, снижает степень их осознанности, а значит, ведет к изменению цели. Так, например, молитва в каждодневном ее исполнении превращается из сакральной просьбы о божьей благодати в выражение благодарности богу, которая, несмотря на сакральность, приобретает характер, близкий этикетному.

Свойство этикетных речевых операций также приобретают речевые действия, когда их прагматические функции замещаются фатическими. Таковы признания в любви, сопровождающие формулы прощания (*«Люблю тебя. Целую. Пока»*). То же касается комплиментов, ориентированных не на оказание воздействия на адресата, а на установление контакта между адресантом и адресатом [Мудрова 2007] (так называемые ритуальные комплименты).

Речевые проступки «оскорбление» и «проклятие» при изменении коммуникативных целей переходят в разряд речевых операций – ругательств, преобладающая функция которых – выражение эмоций, как отрицательных, так и положительных:

– Черт возьми! Да когда же это закончится?

– Черт возьми! Как же мне здесь нравится!

В первом примере формула проклятия *«Черт возьми»* используется для выражения раздражения, негодования, во втором примере – позволяет передать удивление и радость.

Поступок, будучи «индикатором личности» и единицей поведения, т.е. деятельности, детерминированной общественными нормами нравственности и права [Большой психологический словарь 2003], представляет собой единицу более высокого порядка, нежели операция или действие, поэтому коммуникативный поступок объективируется высказыванием не на уровне речевого действия или жанра, а на уровне целого дискурса, т.е. текста в ситуации личностно обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующего смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий. Данный дискурс мы называем перформативным.

Маркерами коммуникативного речевого поступка являются две аксиологические модальности – одобрения и неодобрения, которые могут сочетаться с деонтическими модальностями долженствования, запрета, желания, просьбы, предостережения, угрозы, совета, разрешения. Рассмотрим пример сочетания обеих аксиологических модальностей с деонтической модальностью совета:

– Иван Денисыч! Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды. Что высоко у людей, то мерзость перед Богом! Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал… (А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»).

Сосед Ивана Денисовича по камере – баптист Алешка – советует молиться о духовном благе, чтобы молитва достигла своего адресата – Бога. Модальность неодобрения эксплицирована посредством антитезы *«Что высоко у людей, то мерзость перед Богом!»* и метафоры *«снимать злую накипь с сердца»*. Модальность одобрения не эксплицирована, но по контексту понятно, что положительно здесь оценивается ситуация, противоположная той, которая описывается Алешкой.

Поступок соотносится с мотивом-целью, или установкой. Как правило, мотивационную основу поступка составляют две или более установки, находящиеся друг с другом в отношениях иерархии, сотрудничества либо антагонизма [Мерлин 2001: 248].

Иерархическая система мотивов, или, точнее, установок, свойственна речевому поступку «раскаяние»: главной установкой раскаяния является получение прощения со стороны Бога как отпущения совершенных грехов, сопутствующими установками – избавление от угрызений совести, получение прощения со стороны близких людей и т.п. Примером речевого поступка с системой сотрудничающих установок является обвинение: оно направлено на приписывание адресату какой-нибудь вины и на его осуждение. Антагонистичная система установок характерна для речевых по-

ступков, реализуемых в рамках агрессивного дискурса: с одной стороны, они нацелены на нанесение морального ущерба адресату, с другой стороны – на получение субъектом психологической разрядки, или катарсиса, по выражению В. И. Жельвиса [2007: 187]. Та же система установок свойственна речевым поступкам, реализуемым в рамках неискреннего / ложного / манипулятивного дискурса: они направлены на извлечение субъектом собственной выгоды из коммуникации, но в то же время субъект стремится установить или сохранить лояльное к себе отношение со стороны адресата.

Не преуменьшая роли поступка в оценке личностных качеств человека, в то же время необходимо отметить справедливость акцентируемой С. Л. Рубинштейном идеи о том, что поступки не всегда являются адекватными показателями личности, поскольку, во-первых, противоположные поступки могут быть обусловлены одними и теми же личностными установками, равно как разнородные установки могут мотивировать тождественные поступки; во-вторых, человек может совершить случайный поступок, не характерный для него и поэтому не являющийся выражением его личности [Рубинштейн 2007: 31]. Например, такие противоположные в плане морально-этической оценки речевые поступки, как признание в любви женщине и клевета на соперника (типа *«Я тебя люблю, а он недостоин тебя»*), обусловлены стремлением мужчины завоевать женщину любыми способами. Далее, такие равнозначно отрицательные речевые поступки, как донос и шантаж, могут быть мотивированы несколькими установками: дискредитировать «жертву» и укрепить свой авторитет либо реабилитировать другого участника коммуникации. Наконец, случайным речевым поступком может стать ложь, в том числе так называемая «ложь во спасение», со стороны человека, который привык говорить только правду.

Категория поступка тесно связана с такими понятиями, как «воля», «выбор» и «ответственность». В зависимости от ситуации, личностных качеств субъекта, его темперамента, жизненных установок и т.п. одни и те же речевые действия могут приобретать качество волевого акта – поступка, либо сохранять признаки действия / операции. Рассмотрим нижеследующие примеры флирта:

Женщины флиртуют чаще мужчин, но их флирт, как правило, несерьезен и безобиден (http://search.ruscorpora.ru).

Но – не только отсутствие навыков в подавлении бунта и неважная амуниция делали флирт с ней неисполнимым, но осторожность, страх поражения, нежелание рисковать завоеванным в классе лидерством, ибо моя взволнованность ею, несмотря на известную тупость моих дружков в сердечных делах, грозила вот-вот выйти на поверхность (Н. Климонтович «Дорога в Рим»).

Флирт из первого примера относится к разряду речевых действий / операций, причем гендерно маркированных, будучи характерным для речевого поведения женщин. На его отнесенность к разряду действий / опе-

раций указывают слова с семантикой частотности и обыденности («чаще», «несерьезен», «безобиден»). Во втором случае флирт представляется речевым поступком, поскольку для его реализации субъекту необходимо проявить волю, справиться с собственной нерешительностью и сомнением относительно вероятных последствий флирта.

Итак, перформативность в бытовом дискурсе актуализируется посредством речевых операций, действий и поступков. Каждый элемент представленной деятельностной триады характеризуется своими особенностями, имеющими психологическое основание.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45. №3. – С. 208 – 223.

Арутюнова Н. Д. Перформатив // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 372-373.

Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.

Давыдов В. В. Проблема деятельности в философии и психологии // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ: Учебное пособие / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – С. 284-286.

Жельвис В. И. Инвектива // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 187-194.

Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис. …докт. филол. наук. – М., 1999. – 310 с.

Леонтьев А. А. Факторы вариантности речевых высказываний // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 29-35.

Леонтьев А. Н. Категория деятельности в психологии // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ: Учебное пособие / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – С. 265-280.

Леонтьев Д. А. К психологии поступка: [Электронный ресурс]. URL: http://www.existradi.ru.

Мерлин В. С. Психологические конфликты // Психология конфликта / Сост. и общая редакция Н. В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – С. 224-252.

Мудрова Е. В. Комплимент как первичный речевой жанр: автореф. дис. …канд. филол. наук. – Таганрог, 2007. – 25 с.

Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 2001. – 512 с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.

Романов А. А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: сб. научн. трудов. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984 – С. 86-92.

К. Н. Даркулова
Южно-Казахстанский государственный педагогический институт
(Шымкент)

КАЗАХСКИЕ СЛОВА В УСТНОЙ РЕЧИ РУССКОГОВОРЯЩИХ И РУССКИЕ СЛОВА В УСТНОЙ РЕЧИ КАЗАХОВ

Говоря о современных процессах в системе русского языка, исследователи называют демократизацию языка, стирание границ между функциональными стилями, влияние интернета и др. Хотелось бы добавить к этому списку и такую проблему как функционирование так называемого «регионального варианта» русского языка, о котором следует говорить в связи с событиями, произошедшими после распада СССР.

В настоящее время русский язык живет в непростой общественно-политической обстановке ломки и созидания. Тем не менее русский язык как иностранный преподается в школах и вузах большинства стран СНГ, где в качестве государственных теперь уже официально приняты языки исконных национальностей. Он остается в этих странах в сфере общего и специального образования как язык, знание которого осознается необходимым для приобщения народов к мировым культурным ценностям и научно-техническим новшествам. Русский язык остается средством межнационального общения. Все это – свидетельство того, что знание русского языка, как и английского, необходимо в условиях глобализации.

В ситуации двуязычия невозможно избежать интерферирующего влияния одного языка на другой. Интерференция является неотъемлемой частью речи билингва. Л. И. Баранникова рассматривает интерференцию как частный случай взаимодействия языков, который может возникать лишь при регулярном использовании одним и тем же человеком или одним и тем же коллективом разных языков. При интерференции происходит изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причем не имеет значения, идет ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке усвоенном позднее [Баранникова 1972: 88]. Как подчёркивает Баранникова, большую роль в процессе интерференции играют именно те внутрисистемные отношения, которые никак не могут заимствоваться извне, поскольку в системе, испытывающей то или иное воздействие со стороны, развитие новых отношений

возможно лишь при наличии внутренних тенденций, заложенных в самой данной системе. И выявление этих тенденций развития оказывается невозможным без влияния другой системы [Баранникова 1972: 92].

К сожалению, в настоящее время, в Казахстане все реже и реже можно услышать правильную русскую речь как на уровне фонетики и лексики, так и на уровне грамматики, не говоря уже о стилистических нормах. Поговорим о фонетической правильности. Просодические доминанты – ударение в русском языке и сингармонизм в казахском языке – являются причинами фонетических ошибок. При овладении русским языком справиться с задачей поможет знание правил фонетической транскрипции. При регулярном использовании фонетическая транскрипция поможет улучшить произношение и навыки аудирования в русском языке. Однако в словарях русского языка фонетическая транскрипция не указывается. К тому же, в русском языке довольно сложные правила чтения с большим количеством исключений.

О необходимости транскрипции писали такие корифеи лингвистики как академик Л. В. Щерба: «Усиление интернациональных связей обуславливает приток слов, которые приходится как-то писать и которые действительно как-то пишутся; газеты ежедневно регистрируют ряд фамилий новых иностранных деятелей, а отчасти и ряд географических названий, впервые вступающих в поле зрения общественной мысли, и регистрируют их в какой-то русской транскрипции; переводная литература, особенно техническая, растет с каждым днем, и фамилии иностранных авторов в той или иной русской форме все более и более наводняют русскую библиографию» [Щерба 1958: 153]. А. М. Сухотин сформулировал принцип, положенный в основу применяемой сейчас практической транскрипции: «Утверждать..., что в основу практической транскрипции кладется принцип фонетический, неверно... В основу практической транскрипции должен быть положен принцип отражения средствами нормального русского алфавита не изолированных звуков, а фонетических систем конкретных языков, с учетом принятой в каждом языке графики, а также междуязыковых соответствий» [Сухотин 1935: 144].

Строгих правил практической транскрипции не существует, поэтому при передаче казахских существительных встречаются двойные написания типа *Ясави* и *Яссауи*, *Коркыт* и *Коркут*, *Дуйсен* и *Дюйсен*, *Омир* и *Умир*, *бесбармак* и *бешбармак*, *кумыс* и *кымыз* и др., влекущие за собой и двойное произношение таких слов.

Трудности освоения русского языка казахами связаны с таким явлением, как ударение, которого нет в казахском языке [Джунисбеков 1979], и они не услышат разницы, читая слова *иссле́дование* как *исследова́ние*, *после́довательность* как *последова́тельность*, как не поймем мы разницу в тонах китайских слов или в длительности гласных в немецком языке.

Произношение русских слов зависит от того, какой гласный находится под ударением. Так что одна и та же фонема может иметь несколько вариантов произношения. В транскрипции каждому звуку всегда соответствует свой особый знак. Например, фонема /а/ имеет 5 вариантов звукопроизношения. Звук [а] в казахских словах типа *Бота, Оспан, Олжас, отан* в произношении русскоговорящих звучат как краткий [а]: Б[Λ]та́, [Λ]лжа́с, [Λ]спа́н, [Λ]та́н, что или «режет» слух казаха, или делает слово непонятным и даже может полностью изменить значение слова вплоть до обретения словом оттенка пренебрежительности или уничижительности.

Вопросы сопоставления фонетики русского и казахского языков рассматриваются в ряде работ (см. труды Э. Р. Тенишева, Н. З. Гаджиевой, Н. К. Дмитриева, Н. У. Туркбенбаева и др.). Однако исследователи в основном ограничиваются описанием фонетики, игнорируя фонологию. При обучении произношению чужого языка дело сводится не только к тому, чтобы усвоить артикуляцию трудных звуков, но необходимо научиться слышать звуки чужого языка, выделять в их признаках функционально значимые и второстепенные стороны [Джусупов 1992]. Трудности изучения казахского языка русскими связаны с законом сингармонизма. В казахском языке образование слов, формо- и словоизменение регулируется законом сингармонизма [Джунисбеков 1980]. В силу закона сингармонизма исконно казахские слова бывают либо твердые, либо мягкие. Твердость или мягкость слов определяется по гласным звукам. Характер отдельного звука и всех звуков в слове полностью зависит от типа сингармонизма. Поэтому под влиянием сингармонизма русские слова казахи произносят с ошибками, например, слово «изуми» в речи казаха звучит [из’ум’и] с мягким [з], ведь он находится между смягчающим гласным [и] и мягким [м’]. Можно привести множество таких примеров.

В казахском языке, в отличие от русского, отдельный звук не является смыслоразличителем слов. Поэтому казахские слова отличаются друг от друга не только звуковыми составами, но и типом сингармонизма. В отличие от казахского, в русском языке каждая фонема имеет прежде всего один инвариант (звукотип) – основную позиционную разновидность фонемы, встречающуюся главным образом в сильной позиции. В слабых позициях встречаются позиционные разновидности фонем. В казахском языке необходимо учитывать, что́ выполняет фонологические функции: сингармонизм или ударение? [Даркулова 2013]. Оба эти феномена не могут нести в одном языке одну и ту же нагрузку, на что в свое время обращали внимание В. Радлов, И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба. В исследованиях, опубликованных в последнее время, это положение было доказано на материале казахского языка. Фонологические особенности казахского языка находятся в прямой связи с сингармоническими закономерностями [Джусупов 1995]. Если в русском языке фонологическую функцию выполняет ударение, то в казахском языке аналогичные обязанности возложены

на сингармонизм. Именно сингармонизм исключает в казахском языке редукцию гласных (явление, типичное для русского языка в связи с наличием ударных и безударных гласных).

Говоря о так называемом «региональном» варианте русского языка, мы имеем в виду последствия интерферирующего влияния русского языка на казахский и казахского языка на русский, могущее привести при особо благоприятных условиях к существенным изменениям в строении языковой системы, в ее внутренних связях и организации, о чем писала Л. И. Баранникова [Баранникова 1972].

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 88-98.

Даркулова К. Н. Сингармонизм или ударение? // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2013. – №3. – С. 66-74.

Джунисбеков А. Есть ли словесное ударение в казахском языке? // Звуковой строй языка. – М.: Наука, 1979. – С. 104-108.

Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 77 с.

Джусупов М. Сингармонический звуковой строй в сопоставлении с несингармоническим (на материале казахского и русского языков): автореф. дис. … докт. филол. наук. – Алматы, 1992. – 38 с.

Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. – Ташкент: Узбекистон, 1995. – 176 с.

Сухотин А. М. О передаче иностранных географических названий // Вопросы географии и картографии. – М., 1935. – Сб. 1. – С. 144-145.

Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1958.– С. 153-161.

Л. А. Дмитрук
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
(Кострома)

ЭВОЛЮЦИЯ ЧАСТИЦЫ *БЫЛО* (*БОЛА*) В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: ОТ ВЕКА XVIII К ВЕКУ XXI

Конец XVIII века – время радикального изменения языковой ситуации в России. Значительное расширение языкового общения в пореформенный, постпетровский, период, связанное с расцветом науки и культуры, формированием экономических отношений, потребовало создания литературной нормы, близкой к разговорному языку, свободной от устарелых церковнославянизмов. Перед филологами предпушкинской эпохи встаёт вопрос о «роли и удельном весе той или иной языковой стихии в процессе формирования нового русского литературного языка» [Успенский 2002: 512]. По словам В. В. Виноградова, такие писатели как Г. Р. Державин, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, А. Н. Радищев открывают литературе новые языковые средства выражения и новые «сокровища живого слова» [Виноградов 1978: 47]. В их произведениях происходит сложный процесс семантико-стилистической перегруппировки языковых элементов, а творчество уже выходит за пределы теории трех стилей. По утверждению Г. О. Винокура, благодаря литературной деятельности писателей-просветителей, «на почве среднего слога окрепла традиция общенациональной русской речи, представлявшая собой новую, высшую ступень в процессе скрещения книжного и обиходного начал» [Винокур 1959: 85].

Одним из писателей, избравших в качестве языковой основы своего произведения народную речь, стал выходец из костромских мелкопоместных дворян драматург А. О. Аблесимов. Человек сложной судьбы, вошедший в историю русской литературы, подобно А. С. Грибоедову, как «автор одного произведения», Аблесимов, тем не менее, смог почувствовать демократические тенденции конца века и вложить в уста своих персонажей-крестьян истинно народную речь. Его герои говорят не сниженным, нарочито диалектным и грубо-просторечным языком, а «простой» народной речью, в основе которой лежит нейтральная общераспространённая лексика, противопоставленная книжным синонимам. Часть таких слов имеет региональную, диалектную, фольклорную и этнографическую, отнесённость, что, несомненно, служит художественной задаче, выдвигаемой автором: передать народный быт, традиции и культуру на фоне живого общенародного употребления эпохи.

Вскоре и сама эволюция языка показала, что демократически ориентированная форма более жизнеспособна, а значит и более востребована в письменном и разговорном общении. В литературный язык начинают проникать элементы, ещё недавно считавшиеся маркером речи территори-

ально и социально ограниченной, «распространение которых у́же границ литературного языка, <…> которые имеют изоглоссы на территории распространения национального языка» [Сороколетов 2011: 206]. Постепенно приобретая наддиалектный характер, они обогащают литературный язык номинативными, волюнтативными, эмоционально-экспрессивными языковыми единицами.

Наличие слов, несущих оценочность, является одним из признаков разговорной речи. Это лексика знаменательная, которая выражает мнение адресанта за счёт номинации (например, слова *куча, пропасть, тьма* и др. со значением неопределённого множества) или через суффиксы субъективной оценки (например, слова *домик, домишко, домище* с уменьшительным, уменьшительно-пренебрежительным и увеличительным суффиксами соответственно) и лексика служебная, в первую очередь модальные частицы, являющиеся средством выражения экспрессии. Именно эта, последняя, группа слов в процессе исторического развития языка обнаруживает склонность к изменению своего состава, тенденцию к поливариативности. В обиходном языке предпушкинского периода состав модальных частиц был необычайно широк. В произведении А. О. Аблесимова, написанном в жанре комической оперы, предполагающем достоверное воспроизведение живого речевого употребления эпохи, модальные частицы имеют высокий индекс частотности: *а, авось-либо, -ат, бишь, бола, было, ведь, вить, вишь, вон, вот, да, -де, дескать, ж, жа, же, ин, -ка, -ко, -ли, -либо, лишь, -ль, не, ни, ну, покуль, пускай, разве, -ста, -та, -таки, -те, -то, -тка, -тко, уж* и др. Частицы, будучи одним из «сигналов» разговорного языка, фигурируют в речи всех персонажей пьесы «Мельник-колдун, обманщик и сват»: *«Мельн. Ого! Соколъ, ты ужъ и здѣся! Скоренько ты залетѣлъ…а я нечива-таки, тяпнулъ винца мѣрочку, такъ и веселяя стало. Здорова-ка, Анюта. Анюта. Здравствуй, сосѣдушка. Мельн. Што-то какъ этакъ вы дѣлаете?»* [Аблесимов 1887: 25].

Проанализируем функционирование частицы *бы́ло* (*боля́*) в разговорной речи конца XVIII века и на современном синхронном срезе.

В XVIII веке модальная частица *бы́ло*, судя по контексту произведения Аблесимова, являлась достаточно распространённой и имела вариант *боля́*. В СРЯ XVIII у данной частицы фиксируется пять значений с достаточно широким стилистическим диапазоном. Нейтральное употребление при глаголах прошедшего времени в значении ‘чуть не, почти’ с указанием на то, что действие было близко к совершению, но не свершилось [СРЯ XVIII: 2, 180-181], отмечается у анализируемой частицы в языке художественных произведениях той поры. Дважды встречаем её в пьесе Аблесимова, в том числе и в составе несвободного устойчивого сочетания ◊ *чуть было (бола) не: «Мельн. Какой проливной было пошолъ дождикъ, да пересталъ скоро»* [Аблесимов 1887: 11], *«Мельник. Ну! ужъ былъ вѣтеръ! тото, слышь ты, дулъ сильно, что чуть бола и мельницу-та мою совсѣм*

не спрорушилъ» [Там же: 12]. Фиксируется эта нейтральная частица, по данным СРЯ XVIII, и в публицистических текстах эпохи, например, в «Ведомостях времени Петра Великого», еженедельных журналах «Живописец» и «Трутень» [СРЯ XVIII: 2, 180-181].

В сочетании с инфинитивами частица *бы́ло* обозначала «готовность, намерение совершить какое-л. действие» и имела значение ‘что ли’ [СРЯ XVIII: 2, 181], причём это слово в СРЯ XVIII маркируется как «прост.», то есть «простое слово, противопоставленное книжным синонимам, хотя и лишённое резкой экспрессии сниженного, грубого и фамильярного характера» [ППС: 36]. Данная стилистическая помета генетически связывает частицу *бы́ло* в этом значении с народно-разговорной речью, что подтверждает и круг источников, избранных составителями СРЯ XVIII для иллюстрирования – комические произведения конца XVIII века: *«*[*Щедров*:] *Спросить было у нево, не из одной ли он деревни с той дѣвочкай, которая онамедни мнѣ здѣсь попалася. Нклв Розана 17.* [*Скотинин:*] *Всѣ меня одново оставили. Пойти-было посмотрѣть, не ушла ли и моя жена»* [СРЯ XVIII: там же].

С глаголами прошедшего времени, чаще в прямой речи, частица *бы́ло* выражала «некоторую неуверенность, сомнение в достижении желаемого» [СРЯ XVIII: 2, 181], в СРЯ XVIII зафиксирована с пометой «простореч.», то есть «просторечное слово, наделённое экспрессией сниженности, грубости или фамильярности; особенно употребительное в простых сниженных литературных жанрах (комедии, комической опере, ироикомической поэме и т. п.)» [ППС: 36]. Иллюстрацией данного значения в СРЯ XVIII служит цитата из произведения Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», причём здесь встречаем просторечный вариант частицы – *бола́: «Фил. Ну, инъ быть такъ, правду молвить: я прибрёлъ бола к тебѣ кручину свою размыкать…»* [Аблесимов 1887: 20]. Частица *бы́ло* в XVIII веке употреблялась и в функции вводного слова со значением ‘случалось в прошлом, иногда; бывало’ [СРЯ XVIII: 2, 181], но к концу столетия почти вышла из употребления, перестала функционировать и с итеративной семантикой с глаголами настоящего и будущего времени [СРЯ XVIII: там же].

В современном русском литературном языке [МАС: 1, 129] частица *бы́ло* сохранила только первое значение, свойственное ей в XVIII веке. Употребляется она на современном синхронном срезе с глаголами прошедшего времени и инфинитивом для образования сослагательного наклонения и в русских народных говорах, преимущественно в северорусских: «*Где было татарина так доезжать, Где было татарина копьем торыкать, Так с татарином промолвился.* Петрозав. Олон. Гильфердинг. *Приедет он, чтобы он не было сказал, говорите, что бывало* (сказка). Пудож. Олон., Кузнецов.» [СРНГ: 3, 346]. Распространена эта частица, по данным картотеки Костромского областного словаря, и в костромских

говорах: *«Я было собралась на бесетки…»* Окт., *«Вот было господь-то миня избавил от такой напасти»* Остр. [ККОС]. Таким образом, нейтральное употребление XVIII века в наши дни закрепилось в литературном языке, а разговорное, связанное со стихией живой народной речи, продолжает жить в диалектной среде. Интересно, что в настоящее время частица *бы́ло* имеет один вариант, а её просторечный эквивалент *боля́* не встречается ни в литературном языке, ни в говорах. В произведении А. О. Аблесимова, где зафиксированы случаи как нейтрального, так и стилистически маркированного словоупотребления, наблюдаем признаки перехода к новой народной основе литературного языка, переоформление которого, наметившееся во второй половине XVIII века, завершается в творчестве А. С. Пушкина и целой плеяды классиков русской литературы XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

Аблесимов А. О. Мельник-колдун, обманщик и сват. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1887. – 52 с.

Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 320 с.

Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.

ККОС – картотека Костромского областного словаря (хранится на кафедре русского языка КГУ им. Н. А. Некрасова).

МАС – Словарь русского языка: в 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988.

ППС – Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / Под ред. Ю. С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.

СРНГ – Словарь современных русских народных говоров. Вып. 1–43. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2010.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1-19. – СПб.: Наука, 1984-2011.

Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Избранные труды / Сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова. – СПб.: Наука, 2011. – С. 201–222.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – М.: Аспект Пресс, 2002, – 558 с.

О. П. Кормазина
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

ЖАНР ВОСПОМИНАНИЯ В ЖИВОЙ РЕЧИ: МОНОЛОГ ИЛИ ДИАЛОГ?

Одной из актуальных задач современной антрополингвистики является решение вопроса о статусе монолога в устной речи. В свете признания диалогичности типологическим свойством всякого коммуникативного взаимодействия (не только устного, но и письменного) монолог в его традиционном понимании начинает рассматриваться в качестве «искусственной» формы, не свойственной живой устной речи. Это приводит к необходимости иного терминологического обозначения данного феномена; альтернативой ему стал термин «рассказ», введенный для называния жанра, характерными чертами которого являются доминирование в речи одного говорящего и в то же время – диалогичность, постоянная обращенность к адресату и ожидание его реакции.

Особый подход к решению названной проблемы заключается в концепции И. Н. Борисовой, различающей два «режима диалоговедения»: реплицирующий, при котором в речевой партии коммуниканта «реализуется установка на быстрый темп речевого обмена перемежающимися репликами с передачей речевого хода», и нарративный, реализующий установку на «монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [Борисова 2009: 183]. Каждому из режимов соответствует определенный тип нарратива – функционально-смыслового типа текста, характеризующегося «изложением хода, динамики событий или их эпизодов во временно́й последовательности» [Борисова 2002: 246]. Так, в нарративном режиме порождаются диалогические нарративы как цельные тематические диалогические фрагменты, в реплицирующем – монологические нарративы, структура которых разворачивается в пределах одной реплики-высказывания, не прерываемой вмешательством другого коммуниканта [Борисова 2002; 2009].

Объект нашего исследования – речевой жанр воспоминания – традиционно определяется как «разговорный рассказ, который удается в случае духовного и эмоционального сближения коммуникантов, нуждается в условии неспешного времяпровождения» [Демешкина 2000: 101]. Это позволяет исследователям рассматривать воспоминание в качестве одной из разновидностей рассказа [Китайгородская, Розанова 2005; Казакова 2007], тем самым указывая на его монологическую природу. Однако в процессе комплексного анализа данного жанра, проводимого на материале речи жителей Приморского края, мы пришли к заключению, что воспоминание имеет двойственный характер и в зависимости от ряда экстралингвистиче-

ских условий может реализоваться как в монологической, так и диалогической форме. Для того, чтобы проиллюстрировать данное утверждение, рассмотрим речевой жанр воспоминания в соотношении с таким понятием, как коммуникативное событие. Под коммуникативным событием мы, вслед за И. Н. Борисовой, понимаем «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова 2009: 13]; речевой жанр при этом рассматривается как «форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [Там же: 31-32].

До настоящего времени исследование речевого жанра воспоминания осуществлялось, как правило, на материале речи диалектоносителей [Демешкина 2000; Гынгазова 2001; Лагута 2005; Оглезнева 2005; Волошина 2006; Казакова 2007]; исключением можно считать работу М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, где материалом послужили записи рассказов-воспоминаний носителей литературного языка [Китайгородская, Розанова 2005]. Основным методом сбора материала при этом являлся метод автобиографических нарративных интервью [Букринская, Кармакова 2012; Краузе 2012], представляющий собой процесс непринужденного общения собирателя (исследователя-лингвиста) с информантом. Суть данного метода заключается в том, чтобы собиратель, стараясь как можно меньше говорить сам, поддерживал разговор, направлял информанта, вводил новую тему, если прежняя иссякает. По нашему мнению, применение этого метода обуславливает реализацию особого коммуникативного события, которое мы определяем как «разговор с собирателем». Его специфическими признаками являются, во-первых, наличие у одного коммуникантов определенной установки на получение необходимого языкового материала, во-вторых – неравноправие коммуникативных ролей собеседников. Все это предопределяет структурные особенности реализующегося в процессе данного коммуникативного события жанра воспоминания.

Как правило, стимулом для реализации воспоминания оказывается вопрос собирателя: *Вот как Вы здесь оказались…/ Как Вас привело сюда/ в Перевал?; А у вас какой-то были/ интересные/ вот/ во время вашей службы// Вы ж пограничник…/ Какие-то интересные такие события?*. Ответ информанта представляет собой подробное, последовательное изложение событий прошлого, время от времени прерываемое уточняющими вопросами собирателя:

(*И.П., житель села Верхний Перевал, рассказывает собирателям (С.) о своем детстве, проведенном в Маньчжурии, и о том, почему его семье пришлось оттуда уехать*)

И.П. *И вот/ в эту Бухидо прилетели самолеты советские и разбомбили/ корову убили/ кони разбежались/ всё…/*

С. А это что было/ почему «прилетели и разбомбили»?

И.П. *Ну конфликт/ китайско-советский конфликт был в двадцать девятом году//*

Реплики собирателя и информанта могут характеризоваться как сильной, так и слабой иллокутивной зависимостью [Баранов, Крейдлин 1992]. В случае сильной иллокутивной зависимости реплики собирателя оказывают значительное влияние на речевые партии информанта, вследствие чего меняется и ход его повествования.

(*дедушка (Д.) по просьбе внучки, студентки-филолога, и сына (С.) рассказывает о своей жизни*)

Д. (*вспоминает о том, как перед службой в армии проходил комиссию, чтобы попасть на флот*) *В общем/ комиссию я прошёл// Но/ по тем временам я чего боялся// У меня глаза не стопроцентные были// Где-то было немножко один//*

С. Где ты потерял? На кузне что ли/ или книжки читал при лучине? (1)

Д. *На кузне нам еще/ досталось//*

С. Ты/ хоть/ книжки читал в детстве? Или книжек вообще не видел? (2)

Д. *Я бы тебе так ответил// Я глупостей не чтец/ тем более/ образцовых// Так что//*

С. У тебя книжки вообще были в детстве? (3)

Д. *А у кого они были? Ты знаешь/ как мы в школу собирались? К палочке привязано перо// Рондо́/ называлось перо// Ну/ вот/ его привязывали к палочке/ а чтоб развести чернила// Чернильная невыливашка// Знаете/ такая штука// Сажу бросишь/ щепотку подсолишь// Туда-сюда/ и пожалуйста//*

Упоминание информанта о том, что у него было не очень хорошее зрение, позволило сыну (выступающему в данном коммуникативном событии вместе с внучкой в качестве собирателей) сделать предположение, что испортил он его, читая книги при плохом освещении (реплика (1)). Эта мысль подталкивает собирателя к вопросу о том, читал ли рассказчик вообще в детстве книги (реплики (2) и (3)). Заданный дважды, этот вопрос в конечном итоге вынуждает информанта отклониться от хода своего воспоминания-повествования о прохождении отбора на службу и рассказать, с чем раньше он и другие дети ходили в школу. Однако, как показывают наши наблюдения, после подобных отступлений информанты обычно вновь возвращаются к прерванному повествованию:

(*Д. продолжает рассказывать сыну и внучке о своих школьных принадлежностях*)

Д. *И эту сумку сложишь/ там нет ни пеналов/ никаких/ как они/ там называются// Вот с этими штуками/ и выходили хорошие люди после этого//* ***Так/ вот/ я самое главное не рассказал// Сдал я там всё// От комиссии утвердили семь человек // Мы уже там / в полку этом ходили как моряки//*** (*продолжает вспоминать о своей службе*)

При слабой иллокутивной зависимости реплики собирателя не оказывают существенного влияния на ход повествования информанта, их основной функцией является демонстрация заинтересованности, сопереживания и эмоциональной вовлеченности слушающего во все те события, о которых повествует рассказчик, что, в свою очередь, способствует возникновению того «духовного сближения», которое, по мнению Т. А. Демешкиной, является необходимым условием реализации речевого жанра воспоминания. Как правило, в случае слабой иллокутивной зависимости смысловая связность реплик собирателя и информанта в текстах воспоминаний может опираться на связность лексико-грамматическую (виды подобной связи описаны в работе [Винокур 1955]).

Языковое единство иллокутивно согласующихся реплик может проявляться в синтаксическом продолжении реплики-стимула репликой-реакцией, служащей добавлением к сказанному или продолжением сказанного. Например:

(*В.К., жительница с. Анучино, рассказывает собирателю (С.) о переезде своей семьи на Украину*)

В.К. *Папа забрал нас//* ***В сорок шестом году вернулся…/***

С. С фронта/ *да?*

В.К. *Да/ а там начали говорить как/ что Украину надо восстанавливать/ засушенные районы/ он завербовался//*

По формальной организации вопрос собирателя *«С фронта?»* оказывается органично связанным с предшествующей репликой информанта взаимоотношениями главных и второстепенных членов одного целого предложения. По своему смысловому содержанию этот вопрос является реакцией собирателя на предыдущее высказывание и проявлением ее заинтересованности.

Еще одно проявление языкового единства реплик, регулярно отмечаемое в текстах жанра воспоминания, – синтаксический параллелизм взаимодействующих диалогических высказываний, при котором один из участников диалога воспринимает не только содержание высказывания собеседника, но и форму, в которую это содержание облечено, воспроизводя последнюю в качестве готового приема. Как результат, подобное синтаксическое единство реплик способствует и единению эмоциональному.

(*В.К., жительница с. Анучино, вспоминает, как в детстве они с друзьями едва не встретились с медведем*)

В.К. *Идём…/ Следы/ такие огромнейшие следы/ медведь шёл! Понимаешь или нет? Мы как/ дера…/ Нет чтобы назад бежать!*

С. А вы за ним?

В.К. А мы вперёд! *В санаторий! Прибежали/ а там тётка знакомая была/ нас забра́ла/ ну/ уже вечер/ нас куда?*

По своей форме ответ рассказчицы совпадает с формой, в которой был выражен вопрос собирателя. Очевидно, что данный вопрос был задан

не с целью уточнения, а лишь с целью «поддержания» повествования информанта и проявления собственной заинтересованности.

Нередко синтаксический параллелизм сменяющихся реплик в текстах-воспоминаниях соединяется с параллелизмом лексическим. По нашим наблюдениям, повторение одних и тех же лексических единиц, входящих в сходные синтаксические конструкции особенно характерно для реплик-реакций информантов при ответе на вопросы собирателя, при этом нередко эти лексические единицы заменяются на синонимичные или на словообразовательные варианты. Например:

(*В.К. вспоминает о жизни и работе в Амурской области*)

В.К. *Вот надо было участок дороги какой-то/ следить/ проверять/ чтобы не было рельсы были нормальные/ всё да? И это самое/ три кило́метра одна станция/ три кило́метра/ другая станция//*

С. *И* ***вот эти шесть/ надо было смотреть****/ да?*

В.К. *Ага//* ***Вот эти шесть****/ это* ***надо было проверять****// И я ходила всё время/ на Красную Падь// Там/ с одной стороны Новый/ назывался/ а здесь Красная Падь// Вот я ходила на Красную Падь/ там у меня подружка/ уже завелись// Там и на танцы/ там и кино было//*

С. Это посёлок так назывался*?*

В. К. *Да //* ***Это посёлочек так назывался****// Станция/ поселок там//*

Тесная взаимосвязь речевых партий информантов с репликами собирателей, проявляющаяся как на формально-синтаксическом, так и на смысловом и даже эмоциональном уровнях, не позволяет рассматривать их как нечто отдельное друг от друга. Это доказывает, что в процессе коммуникативного события «разговор с собирателем» жанр воспоминания реализуется в форме целостного диалогического фрагмента или, по терминологии И. Н. Борисовой, – в форме диалогического нарратива, то есть текста диалогической структуры, состоящего из стимулирующих (или реактивно-стимулирующих) реплик и развернутых реплик-воспоминаний, несущих в себе основное диктумное наполнение жанра.

Как уже было отмечено выше, традиционно жанр воспоминания изучался в ситуации общения собирателей-лингвистов с информантами. Однако очевидно, что воспоминания имеют место и в повседневной коммуникации – в процессе непринужденной беседы членов семьи, друзей, коллег и т.п. Мы рассматриваем непринужденную беседу в качестве особого коммуникативного события, основными признаками которого являются равноправие партнеров по коммуникации, а также установка на фатическое общение. Специфика данного события обуславливает и особенности структуры речевого жанра воспоминания, реализующегося в его процессе.

В качестве стимула для реализации жанра воспоминания в непринужденной беседе могут выступать вопросы партнера по коммуникации, например:

(*подруги А. и Б. беседуют о детях*)

А. *У тебя мальчик? Девочка?*

Б. *Мальчик//*

А. *Мальчик// Угу// А…/ он крупненький был?*

Б. Вообще родился он не крупненький/ но я помню/ что в четыре с половиной месяца мне казалось/ что он вообще просто/ хомяк какой-то/ потому что у него были складки такие/ то есть мы быстро набирали вес//

А. *А сколько щас твоему? Сколько?*

Б. *Восемь лет//*

Стимулом для воспоминаний одного из коммуникантов могут также являться и невопросительные высказывания его собеседника:

(*подруги О. и А. разговаривают о знакомой А., которая недавно упала и повредила спину*)

О. *А как она так/ она просто/ упала/ или она каталась?*

А. *Нет/ ну просто упала// Поскользнулась и упала// Я говорю «где можно/ еще вроде зима не началась/ ты уже умудрилась поскользнуться»//*

О. *Не/ можно//* ***Я/ в прошлом году/ упала вообще на асфальте/ вот напротив этого центрального корпуса где ворота вот железные/ мы шли с Настей с английского с курсов/ это/ у меня еще ботинки были такие осенние/ они какие-то были скользкие// И там пригорочек такой я на нем поскользнулась полетела и вот так короче на спину упала и под эти ворота подкатилась/ лицом чуть в эту решетку не въехала// Ну короче это было страшно//*** *<…> Вот в принципе даже льда не было а я умудрилась упасть//*

Кроме того, воспоминание может реализоваться и в результате «иллокутивного самовынуждения» [Баранов, Крейдлин 1992], по ассоциации говорящего к его собственному высказыванию:

(*подруги А., Б. и В. обсуждают ароматы духов*)

А. *У меня мама любит/ ну/ ей нравятся ароматы потяжелее чем мне/ явно/ намного тяжелее/ но еще ей нравится/ как/ ну/ вы знаете/ называется «запах свежести»//* ***Я в детстве никогда не могла понять/ ну почему «свежести»?*** *Ну/ это травянистые такие/ оттенки//* ***Видимо я это воспринимала/ это же просто название/ да/ определённых ноток в духах/ для меня это было не свежесть/ я всегда говорила/ «мама/ ну какая свежесть?»*** (*продолжают обсуждать свои любимые ароматы*)

Коммуникативное равенство собеседников, а также отсутствие заинтересованности кого-либо из них в получении необходимого материла становится причиной частых случаев перехвата инициативы, при котором воспоминание одного из собеседников возникает по ассоциации к воспоминанию другого. Приведем пример:

(*друзья Е. и О. летом побывали в Санкт-Петербурге, куда ездили каждый со своей компанией; Е. вспоминает о посещении Эрмитажа*)

Е. *Мы взяли экскурсию/ мне понравилось в этот/ как/ там есть типа золотая комната и бриллиантовая// Ну в общем мы на золотую попали/ но мне понравилось/ там/ и бабулька так интересно рассказывала/ мы посмотрели золото/ и…/*

О. *А мы/ когда пришли/ там очередь тоже была/ мы кстати не пошли на занятия специально в этот день/ чтобы пойти в Эрмитаж/ там очередь была километровая/ вот такая/ а мы/ я не знаю/ может владивостокская черта такая/ что мы очередь никогда…/ Мы пришли/ там делегация какая-то заходила китайцев/ мы с ними затесались/ так подошли к кассе билеты купить/ а нам даже никто ничё не сказал/ народ стоит//*

В ситуациях, когда в непринужденной беседе участвуют три и более коммуниканта, могут возникать своеобразные «цепочки» воспоминаний, последовательно сменяющих друг друга. Например:

(*коллеги-преподаватели вспоминают смешные ошибки студентов*)

А. (*обращается к Б., В., Г., с которыми вместе училась*) *Девочки/ а помните/ на лекциях/ у Елены Александровны/ «человек бобр»//*

Б., В., Г. *(одновременно) А/ «человек бобр»/ точно…/ (смеются)*

Д. *Это кто?*

А. *Елена Александровна/ она нам когда читала лекцию/ писала специально на доске/ «человек»/ и писала/ «добр/ не бобр!»// «Мне потом студенты приходят и рассказывают/ что человек бобр»//*

Е. *А я никогда не забуду свою студентку/ которая мне/ это самое/ сказала «зака́ки»/ вместо «казаки»// «Зака́ки сели на коня»…/*

Д. *А Тамара Георгиевна/ когда читала нам современную зарубежку/ говорила/ «до некоторого времени я на слух произносила/ Оскар Уайльд/ а с некоторых пор пишу/ вот запомните/ что имя Оскар/ а фамилия Уайльд/ потому что на экзамене один студент сказал «Оска/ Руальд»»//* (*все смеются; продолжают вспоминать подобные случаи)*

Несмотря на то, что в двух последних примерах воспоминания собеседников имеют сходную тематику, в них говорится о различных событиях, произошедших в разное время, и их участниками являются разные люди. Вследствие этого приведенные фрагменты нельзя считать единым воспоминанием, поэтому можно заключить, что в коммуникативном событии «непринужденная беседа» жанр воспоминания реализуется в форме отдельной реплики в диалоге, иными словами, представляет собой монологический нарратив.

Таким образом, можем сделать вывод, что форма реализации жанра воспоминания непосредственно зависит от коммуникативной установки собеседников. В ситуации общения информанта и исследователя-лингвиста, заинтересованного в получении определенного материала, воспоминание воплощается в форме целостного диалогического фрагмента, или диалогического нарратива, представляющего собой единство кратких реактивно-стимулирующих речевых партий собирателя и развернутых ре-

чевых партий информанта. В процессе непринужденного общения родственников, друзей или коллег воспоминание, как правило, имеет форму монологического нарратива, то есть отдельной реплики в диалоге, формальными границами которой являются реплики собеседников. Это подтверждает идею о двойственной природе исследуемого жанра, и, следовательно, доказывает невозможность его однозначного понимания как монологического или диалогического.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – №2. – С. 84-99.

Борисова И. Н. Нарратив как диалогический жанр // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 245-262.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.

Букринская И. А, Кармакова О. Е. Опыт анализа нарративных диалектных текстов // Русский язык сегодня. – Вып. 5: Проблемы речевого общения: сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 42-51.

Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике русского литературного языка. Сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 342-355.

Волошина С. В. Информативные речевые жанры в диалектной коммуникации // Актуальные проблемы русистики. – Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: мат-лы междунар. науч. конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 351-358.

Гынгазова Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: мат-лы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 167-174.

Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.

Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 200 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. – М.: Научный мир, 2005. – 493 с.

Краузе М. Позиционирование говорящих в автобиографических нарративных интервью (на материале диалектных записей) // Русский язык сегодня. – Вып. 5: Проблемы речевого общения: сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 230-242.

Лагута Н. В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 3. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – С. 86-101.

Оглезнева Е. А. Тематическое своеобразие жанра «воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 2. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – С. 62-68.

М. А. Кормилицына
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

ТЕНДЕНЦИЯ К «УСТНИЗАЦИИ» ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

В современной прессе наблюдается некий сплав высокого и сниженного, разрешенного и запрещенного, официального и неофициального, устного и письменного общения. Как справедливо отмечает в своей книге «Наш язык в действии» В. Г. Костомаров, все эти несопоставимые явления органичны для газетного текста, потому что позволяют журналисту реализовать генеральную стратегию всех СМИ – «любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся, обеспечить протекание коммуникативного процесса» [Костомаров 2005: 189]. Журналисты стремятся реализовать основную стратегию современных СМИ, стратегию близости к адресату, проявить так называемую «языковую солидарность».

Активности в прессе процесса, который Г. П. Нещименко удачно, с нашей точки зрения, назвала «устнизацией», способствуют некоторые коммуникативно-прагматические характеристики устной речи [Нещименко 2012: 306]. Прежде всего, это «наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве <…> В результате при устном дискурсе имеет место вовлеченность говорящего и адресата в ситуацию <…> При письменном же дискурсе, напротив, происходит отстраненность говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации» [Кибрик 2009: 64]. Именно эту, одну из важных особенностей устного канала передачи информации, журналисты стремятся использовать для реализации своей генеральной стратегии близости к адресату, ведь такого рода контакт особенно значим для усиления воздействия на адресата. В устной форме «порождение и понимание происходят синхронизованно» [Кибрик 2009: 64], что позволяет говорящему мгновенно реагировать на реакцию адресата,

корректировать процесс понимания им сказанного. Поэтому многие журналисты стремятся создать в своих публикациях эффект живого устного общения, доверительной беседы с читателем, используя для этого все возможности языка и, прежде всего, ряд риторических категорий и приемов, в частности, категорию разговорности и прием внутренней диалогичности монологических текстов. Можно сказать, что в СМИ центральным жанром становится гипержанр *разговор* как инвариант многочисленных речежанровых форм [Седов 2011]. Это делает практически все журналистские тексты интерактивными. Правда, в СМИ журналист создаёт «кажимость», видимость живого диалога с читателем, имитирует его, используя для этого разнообразные лексические средства и синтаксические конструкции диалогической речи: вопросно-ответные единства; многочисленные вопросы, обращенные и к читателю-единомышленнику, и к воображаемому оппоненту, и к самому себе; риторические вопросы, обращения. Его цель – сделать читателя активным участником обсуждения проблемы, ее оценки и принятия решения. Эта цель реализуется не только в разнообразных, широко представленных в современной прессе диалогических жанрах (интервью, круглые столы, клубы, дискуссии, комментарии и т.д.), но и в монологических текстах (аналитических статьях, колонках, эссе).

Чаще всего в вопросно-ответных единствах авторский вопрос выполняет эмоционально-оценочную функцию, передает отношение к тем или иным общественно-политическим событиям. Нередко авторы используют прием нанизывания вопросов: задается целый ряд вопросов, близких к риторическим, предполагающих однозначный ответ, который не всегда вербализуется. Зато дается реакция-оценка предполагаемого ответа, что усиливает экспрессию текста: *А разве нам, россиянам, не хотелось бы перенести хотя бы часть этих европейских ценностей в Россию? Что в них заразного или богопротивного?* (АиФ, 2015, №8).

Кроме вопроса-оценки, начинать диалогическое единство могут вопросы-размышления, как будто обращенные автором к самому себе, а на самом деле направленные на активизацию аналитической деятельности читателя. Автор фактически предлагает адресату вместе поразмышлять над обсуждаемой проблемой: *Что сегодня делает наша мама? Работает. Порой на двух, а то и на трех работах. И вы хотите, чтобы у неё вырос сын без банки пива? Конечно, у нас улица воспитывает больше, чем семья* (АиФ, 2015, №9). Порой инициальные вопросы содержат специальные средства прямого обращения к читателям. Это сознательный риторический прием установления с читателем обратной связи путем апелляции к его интеллекту, эмоциям, поэтому столь частотны предложения с личными местоимениями, среди которых наиболее употребительным является инклюзивное *мы,* различные обращения к читателю, выполняющие, как и в живом диалоге, функцию «социального поглаживания». Вот несколько примеров таких контактоустанавливающих конструкций: *Почему же* ***мы,***

взрослые люди**, так хорошо помним «былое и думы»?* (АиФ, 2014, №7); *Но **мы** живем в эпоху медиакратии, когда принятые в общественном мнении и СМИ образы правят миром. И **наш** образ**, признаем честно**, менее радужный* (МК, 10.10.2013); *Хочется, чтобы эти заметки были интерактивными. А что? Телевидению можно, а газете нет? Как это сделать? Да очень просто. Вот **вы закончите** эти заметки читать, **подойдите** к родному человеку и поцелуйте его. Или **обнимите (РГ, 10.11.2014).

Используются в диалогизированном монологе и самые разнообразные конструкции согласия / несогласия. Журналист старается выразить эти смыслы корректно, мягко. Это особенно важно при дистантном общении, потому что слишком категоричное, безапелляционное несогласие может оттолкнуть читателя и привести к сбоям в коммуникации. Эффективнее использовать средства так называемого «возражения под видом согласия», которые являются показателем стремления к сотрудничеству, к поискам точек соприкосновения во взглядах, смягчающим категоричность оценок и позволяющим избежать коммуникативных неудач: *Я всегда ссылаюсь на известное высказывание: «Нельзя кричать «пожар» в битком набитом кинотеатре». Это ограничение свободы слова? Да, это ограничение, но оно определяется ответственностью* (АН, 2015, №12).

Особую роль в создании эффекта доверительного диалога играют риторические вопросы. Основная их функция не запрос информации со стороны автора, а побуждение адресата к активной реакции на эту информацию. Они не только придают аргументам большую убеждающую силу, но и вовлекают читателя в обсуждение проблемы, заставляя и его вместе с автором задуматься над положением дел в стране вместе с автором: *Неужели те, кто участвуют в обсуждении, всерьёз убеждены, что в школе дети выучивают то, что учат?* (РГ, 5.11.2013); *Так возможно ли, идя навстречу «пожеланиям учащихся» и педагогическому популизму, сделать домашние задания в старшей школе добровольными?* (МК, 21.09.2013).

Средством внутренней диалогичности текста являются, безусловно, и различные вводные слова. Несмотря на их основную функцию – выражение мнения говорящего по поводу передаваемой информации, они «объединены прагматически-коммуникативной установкой воздействия на адресата», являясь показателем «сложного взаимодействия точек зрения говорящего и собеседника» [Золотова и др. 1998: 423]. Как справедливо отмечают авторы «Коммуникативной грамматики русского языка», модальные слова со значением предположительности служат для объяснения и «оправдания включения в авторский текст нефактической информации». Слова же категорической достоверности подчеркивают общность жизненного опыта, «расхожее» мнение, очевидную для слушателя логику событий, предваряют возможное возражение слушателя, опирающееся на очевидность» [Золотова и др. 1998: 425-426]: *«Издержками» же невиданной*

коррупционной вакханалии, ***наверное****, можно считать деятельное участие в нём разнообразного уголовного сброда;* ***Конечно****, такое преображение большевизма не могло не поражать* (АН, 2015, №19).

В качестве сигналов устности в прессе обычно используются «сильные» конструкции разговорной речи, наиболее специфичные для нее. Так, широкое распространение в прессе получили парцеллированные конструкции, стилизующие разговорные добавления. Но если в устной речи этот процесс связан со стремлением говорящего подавать информацию порциями, квантами, соответствующими оперативной памяти адресата, то в прессе это уже специальный риторический прием, используемый, не только для стилизации живого диалога, но и для очень важного для журналистики выделения, акцентирования наиболее значимой информации. Чаще всего парцелляции подвергаются сложные предложения, передающие самые разные логические отношения между ситуациями: причинно-следственные, условные, причинные, уступительные, целевые. Этот же процесс наблюдается и в предложениях с пояснительными, уточняющими конструкциями для привлечения к ним особого внимания читателей: *Зачем? Неизвестно.* ***Ответа нет. Чтоб не задавали вопросов.*** *Вот, наверно, зачем* (МК, 27.06.2014); *Ровно так было на юбилее «Маяка».* ***По-теплому. По-настоящему. Без формальности, но с любовью*** (РГ, 10.11.2014).

Назовем еще некоторые сигналы устности, распространенные в журналистских статьях. Это и короткие, неполные предложения, реже прерванные конструкции; и характерный только для разговорной речи порядок слов; и использование в качестве средств, организующих дискурс, разговорных частиц и стереотипных разговорных клише-реакций, «разговорных» метафор. Вот несколько примеров подобных конструкций: *Как говорится,* ***побросала судьба****. <…>* ***Да вроде бы и*** *не весна на дворе…* (МК, 10.08.2013); *Сегодня почти все социальные* ***«гостинцы» пообкусала*** *инфляция* (АиФ, 2014, №50); *Телеканалы нас* ***от столь острых блюд отвадили****, приучая к мысли, что всё в стране делается грамотно и если бы не падение цен на нефть да происки врагов…*(Поиск, 10.07.2015). В последнем примере журналист использует довольно редкую для официальной письменной речи прерванную конструкцию. Ещё один пример «разговорной», поэтому и особенно экспрессивной, развёрнутой метафоры: *Дело в том, что университетский преподаватель – это человек, забивающий гвозди в стену. С 90-х годов этих гвоздей нужно было всё больше и больше. Но сейчас проблема простейшая: нет стены, её нужно возводить заново. Правда, пока построишь – студент уже заканчивает бакалавриат и мы с ним прощаемся* (РГ, 09.12.2014).

Проявлением процесса «устнизации» является широкое проникновение в печатные СМИ некоторых жанров устной неофициальной речи. В современной прессе появляются новые жанры, которые всегда считались

жанрами неофициальной речи и не допускались в газетные тексты. Речь идет прежде всего о жанре «слухи». На это явление обращает свое внимание и В. Г. Костомаров, который пишет: «Характер вида массовой коммуникации приобрели «закулисные» разговоры, распространяющие правдивые или злостные слухи и сплетни: отнюдь не только в шутку их принимают за законный вид массовой коммуникации, даже за один из самых оперативных и действенных каналов массового распространения информации» [Костомаров 2005: 190]. В целом ряде газет появились регулярные рубрики «Слухи, сенсации», «Говорят, что…» и даже в таких серьезных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «Литературная газета» время от времени появляются подобные публикации. Поэтому степень доверия в обществе к публикуемым слухам увеличилась. Этот жанр появляется в прессе, когда в руки журналиста попадает сенсационная, но непроверенная информация, которую очень хочется опубликовать. Газеты приняли на себя функцию продуцирования слухов, превратились фактически в орган, фабрикующий, распространяющий и культивирующий их [Осетрова 2010]. Номинации *слухи, сплетни, молва,* модное словечко *слухмейкеры* помещаются в авторизующие конструкции, предназначенные для точного указания на источник информации. В последних выпусках популярной газеты «Аргументы и факты» эта рубрика переместилась в раздел «Главное», где публикуются обычно самые значимые новости. Все сообщения здесь строятся по единой схеме: запрос информации – ответ-комментарий. Используется стереотипная конструкция *говорят,* типичная в бытовой речи, где она используется для передачи всяческих сплетен: ***Говорят, что*** *бюджет на следующий год урежут на 10%*; ***Говорят, что*** *Россия может отправить человека в полёт вокруг Солнца*; ***Говорят, что*** *антикризисная колбаса из рыбы скоро будет продаваться в магазинах страны* (АиФ, 2014, №51).

Нередко в прессе при передаче информации употребляются авторизующие конструкции без точного указания на источник информации, то есть по сути своей это тоже *слухи,* хотя и в форме информационного сообщения или ленты новостей. С этой целью используется особенно модное сейчас словечко *эксперты: В марте, прогнозируют* ***эксперты «РГ»****, подорожание может ускориться.<…>* ***Эксперты «РГ»*** *напоминают, что в марте начнётся поставка в розничную торговлю товаров, договоры на которые были заключены в ноябре прошлого года. <…> Правда,* ***эксперты*** *уверяют, что нарастающего тренда ожидать не стоит. Цены поднимут один раз, и торговля будет стараться держать их* (РГ, 2.03.2015). Что это за *эксперты* и можно ли им доверять, читателю неизвестно. Иногда о том, что это слухи, а не новости, догадываешься, только обратив внимание на название рубрики, например, в «Аргументах недели» это рубрика «Говорят, что…» (АН, 2015, №48).

Под влиянием устной формы общения журналистами активно используются многочисленные и разнообразные приемы синтаксической компрессии, характерные и первичные именно в устной обиходно-разговорной речи. Такие конструкции позволяют устранять коммуникативно избыточные компоненты при полном сохранении семантико-синтаксического значения единицы. Вместо «тяжелых» номинализованных конструкций появляются конкретные имена, которые требуют событийного прочтения, так называемые «имена ситуаций». Активность этого приема связана не только с экономностью, но и с экспрессивностью, выразительностью подобных конструкций. Примером конденсированных конструкций могут, например, служить конструкции, представляющие собой стяжение предикативной единицы в атрибутивное словосочетание. Они создают непривычные, экспрессивные, часто метафорические высказывания, усиливающие воздействие на читателя:*непредвзятые граждане; энергичные элитные люди; неожиданный премьер, нефтедолларовое счастье, лихие инициативы депутатов, лояльные «трезвенники», телевизионная гармошка.*

Остановимся ещё на одной особенности языка современной прессы, которая тоже свидетельствует об «устнизации» журналистских текстов и ещё недостаточно исследована, хотя и отмечается в некоторых работах [Николаева 2013]. Несмотря на возрастание объема информации, функция информирования в прессе оказывается недостаточной. «Денотативное пространство материала становится вторичным по отношению к его эмотивной составляющей. Эмоциональность, интересная интерпретация – главные критерии успешности текста» [Николаева 2013: 110]. Подобное явление наблюдается и в РР. Об этом мы с О. Б. Сиротининой писали ещё в начале 2000-х годов в статье о структуре разговорного текста [Кормилицына, Сиротинина 2001]. В РР часто главной коммуникативной целью является не передача какой-то вещественной информации, а выражение эмоций говорящих по поводу события. Конечно, журналисты сознательно используют этот прием для экспрессивизации своих текстов, создавая эффект повышенной эмоциональной напряженности, усиливающей выразительность текста. Авторы прямо обращаются к чувствам читателя, пытаясь вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, призывая читателя быть солидарным с авторской точкой зрения: *А почему нам всё время что-то и кто-то мешает? Почему буксует демократия, не идут реформы? Кто виноват? Народ обленился и опустил руки?* (АиФ, 2015, №31).

Рассмотренные нами некоторые проявления тенденции к «устнизации» письменной речи, характерные для современного общения в целом, активныи в современных печатных СМИ. «Устнизация» помогает журналистам эффективнее выполнять функцию воздействия на читателей. Они становятся активными участниками решения проблем, которые поднимаются в журналистских текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. – 528 с.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – №2. – С. 3-6.

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Ещё раз о структуре разговорного текста // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В. А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001. – С. 312-322.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.

Нещименко Г. П. Современное речевое поведение и его отражение в электронных медиальных текстах (в сопоставительном аспекте) // Русский язык сегодня. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – Вып. 5. – С. 296-310.

Николаева А. В. Особенности журналистского текста на современном этапе // Труды кафедры стилистики русского языка. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2013. – Вып. 4. – С. 108-115.

Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. … докт. филол. наук. – Красноярск, 2010. – 45 с.

Седов К. Ф. Дискурс как суггестия. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.

Л. Ю. Матвеева, Л. П. Прокофьева
Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
(Саратов)

РИСУНОК ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (ПОТЕНЦИАЛ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)

Современные исследования звучащей речи чрезвычайно многоаспектны и полифункциональны. Одной из прикладных проблем, имеющих важное теоретическое значение, является выявление способов передачи информации в процессе устной коммуникации. Безусловно, исследования по коммуникации в широком смысле часто имеют в виду лексический материал, но в последние десятилетия появились фундаментальные работы, в центре внимания которых оказываются также невербальные средства, позволяющие продолжить поиск устойчивых критериев, по которым возможно описать (оценить) эмоциональное состояние автора. О роли невер-

балики и интонации идет речь в случаях, когда смысл высказывания, вычленяемый из лексических слагаемых фразы, неполон или не соответствует речевой ситуации. Экспериментальными пока остаются изыскания в области фоносемантики, которые, по нашему глубокому убеждению, способны принять на себя ответственность за выявление глубинных процессов суггестивного характера, скрытых от поверхностного взгляда, но выявляемых при помощи специальных автоматизированных методик. Принципиально возможно построение модели компьютерного анализа речи на базе экспериментальных данных по цветовой ассоциативности звуков русского языка [Прокофьева 2007].

В процессе бытового общения лексический материал и невербальный сигналы, как правило, соответствуют друг другу. Но если ситуация имеет какие-либо ограничения, то самый очевидный фактор – лексическое значение – перестает играть главную роль, которая отводится в этом случае другим компонентам коммуникации. В подобных условиях исследователь задается вопросом исследования значимых компонентов интонации, таких как мелодика и интенсивность голоса, паузация, темп речи и тембр, чтобы выявить их роль в процессе непосредственной коммуникации. Возможно ли делать выводы о коммуникативных намерениях говорящих, рассматривая интонационный рисунок фраз, отличающихся по своему лексическому наполнению? Чтобы попытаться найти ответ на поставленный вопрос, сформулируем гипотезу, что инструментальные методы обработки звучащей речи могут способствовать выявлению эмоциональной составляющей высказывания.

Инструментальные исследования звучащей речи проводятся при оценке прагматической направленности речевого высказывания в рамках производства судебной экспертизы. Исследование смыслового содержания фразы, передаваемого просодическими средствами, является комплексной задачей фоноскопической, лингвистической и психологической судебной экспертизы. По мнению Е. И. Галяшиной, при проведении исследований подобного рода «…необходимо применять аудитивные и инструментальные методы акустико-фонетического анализа речи, использовать специальные познания в области психологии речевой деятельности для достоверного решения выносимых на разрешение экспертов вопросов, касающихся содержательно-смысловой направленности, прагматики и суггестивности текста» [Галяшина 2010: 10]. Не можем не согласиться, что классическая лингвистическая экспертиза текста в подобном случае не может являться исчерпывающей, поскольку текст или, так называемая, «расшифровка» устного высказывания не передает всех просодических нюансов [Галяшина 2006: 44].

Для проверки гипотезы, что инструментальные методы могут позволить выявить одинаковое коммуникативное намерение говорящего в речевых отрезках разного лексического содержания, проведем сравнение инто-

национного рисунка высказываний, содержащих прямо выраженные оскорбления, с негативными высказываниями, лексика которых, однако, не маркируется как бранная или нецензурная.

В качестве материала данного экспериментального исследования выбраны фрагменты записей монологической речи двух мужчин. В одном случае это фрагменты записи телефонного разговора (ситуация общения – обсуждение общих знакомых). Речь участника, обозначенного нами как М1, представляет собой фразы спонтанного диалога, свободного, неподготовленного, стиль общения – неофициальный, эмоциональный. Специфика материала заключается в том, что ситуация, видимо, позволяет использовать различные экспрессивные средства, нередко выходящие за рамки литературного языка.

Речь участника, обозначенного как М2, представляет собой монолог, условно-свободный, частично подготовленный, так как тема разговора была известна говорящему заранее, стиль общения – официальный, эмоциональный. Ситуация общения – обсуждение известных лиц и явлений. Представленные фразы являются фрагментами записей публичных выступлений. Специфика речи заключается в том, что данный формат позволяет использовать различные эмоционально-экспрессивные средства, однако не выходящие за пределы литературного языка.

Для получения интонационного рисунка использовалась программа Praat, созданная сотрудниками факультета фонетики Амстердамского университета П. Бёрсма и Д. Вининком (Paul Boersma, David Weenink), предназначенная для лингвистов, исследующих звучащую речь. Программа позволяет осуществлять многоуровневую разметку звучащей речи, в том числе построение осциллограмм, спектрограмм и интонограмм. Одной из целей эксперимента было изучение возможностей программы для использования в целях фоноскопической экспертизы.

Для сравнения нами были взяты две пары фраз:

1) *«Дурило ты, б...ь»*, являющееся фрагментом фразы *«Дурило ты, б…ь, е…чее»*, взятой из диалога, в котором принимает участие информант М1, и соотносящаяся с нею по контекстному значению номинация *«…ковбой»,* являющаяся фрагментом фразы *«Буш – ср…й ковбой»,* использованной М2 в публичном выступлении;

2) *«Зае…ли уже»*, являющаяся фрагментом фразы *«У меня здесь, б…ь, четыре смс-ки висят, зае…ли уже»*, взятой из диалога, в котором принимает участие информант М1, и соотносящаяся с нею по контекстному значению фраза *«Достали меня…»*, являющаяся фрагментом фразы *«Достали меня эти хачики»*, использованной М2 в публичном выступлении.

Ниже представлено сравнение интонационного рисунка каждой пары фраз.

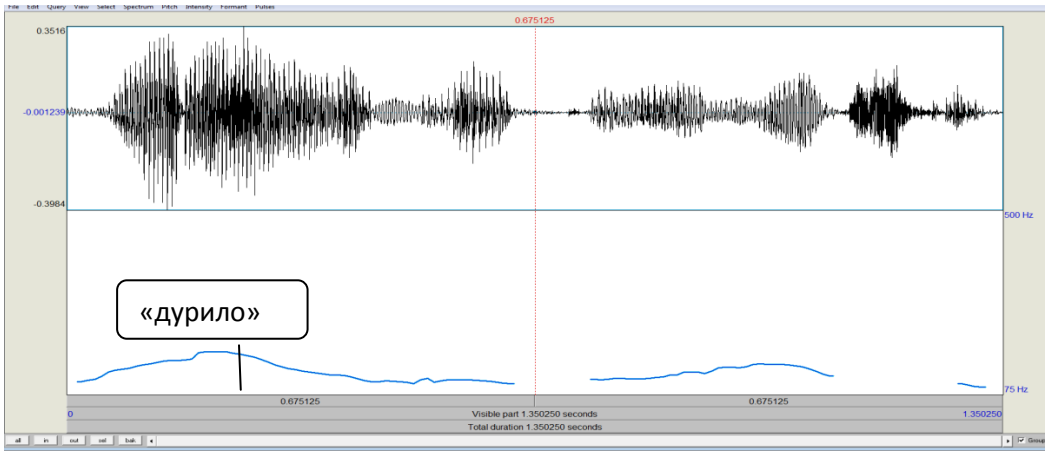

Рис. 1. Интонационный рисунок фразы *«Дурило ты, б…ь»* информанта М1

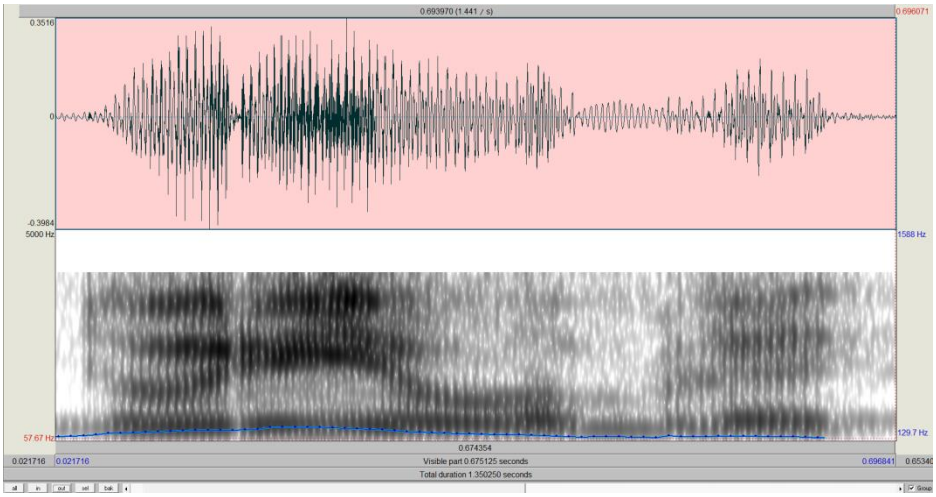

Рис. 2. Спектрограмма слова *«Дурило»* информанта М1

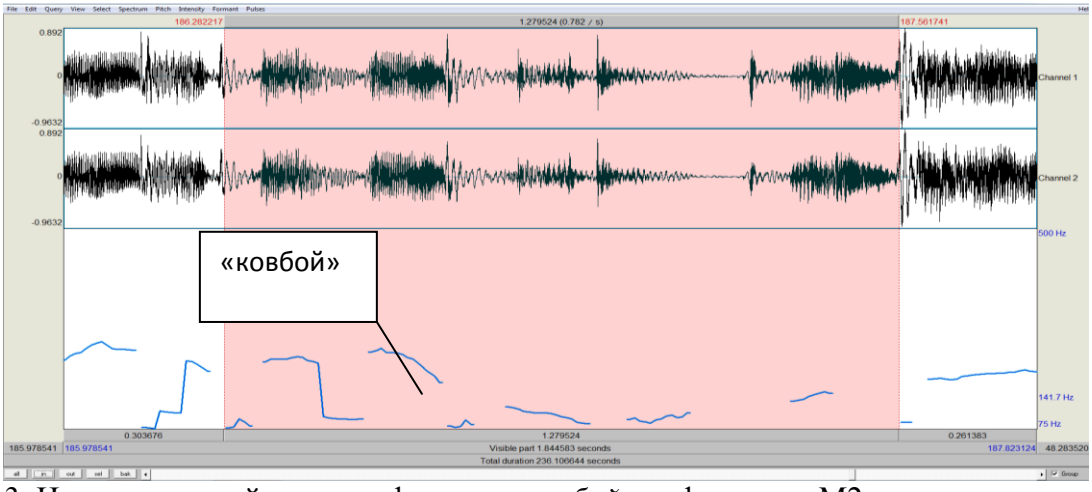

Рис. 3. Интонационный рисунок фразы *«…ковбой»* информанта М2

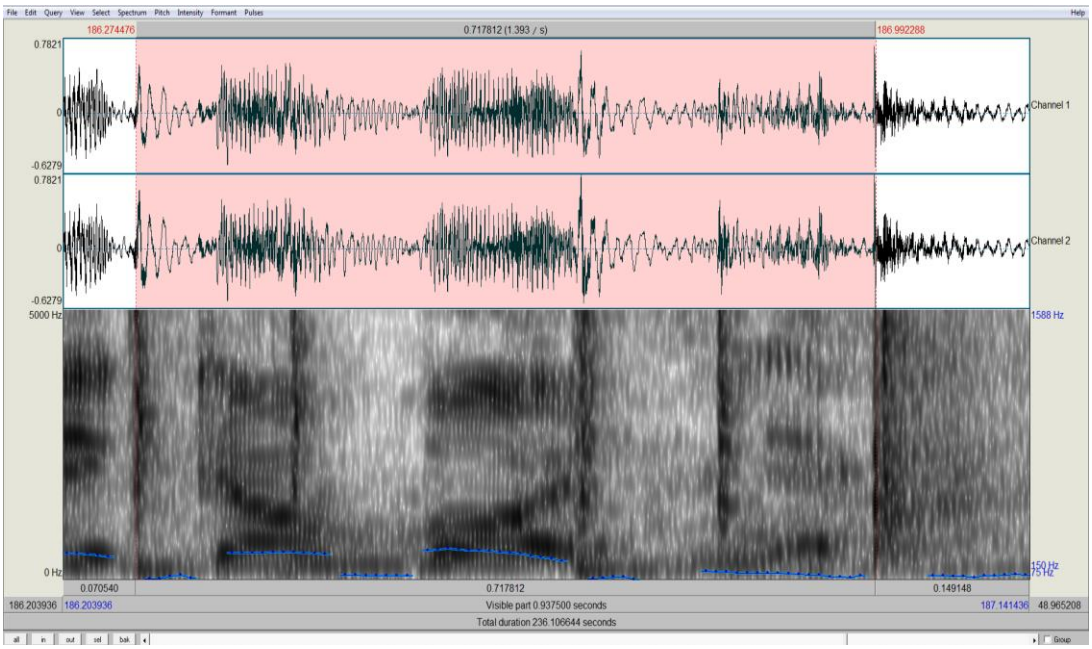

Рис. 4. Спектрограмма слова *«Ковбой»* информанта М2

На Рис.1-4 представлены графики интонации двух соотносящихся по смыслу фраз: *«Дурило ты, б…ь»* и *«…ковбой»*. Каждая из этих фраз в общем контексте разговора имела сходное значение – пренебрежительная характеристика упоминаемого человека, притом что существительное *«дурило»* помечено в словаре как разговорное, а существительное *«ковбой»* не имеет особых помет. Значение существительного *«ковбой»* выводится из контекста конкретной фразы.

Как можно видеть, интонационный рисунок (график интонации обозначается серой линией) этих коротких фраз условно похож, однако на графиках видны некоторые различия в амплитуде частот и плавности мелодики речи. На наш взгляд, различия обусловлены, во-первых, различной речевой манерой говорящих. М1 имеет эмоциональную манеру произношения, при этом мелодика его речи достаточно плавная (Рис.1). Речь М2 также отличается эмоциональностью, но его интонация прерывиста, что и отражено на графике (Рис. 2).

С помощью программы Praat были определены средние частоты голосов информантов при произнесении указанных фраз. Средняя частота голоса М1 при произнесении фразы *«Дурило, ты, б…ь»* составляет около 129 Гц, тогда как средняя частотная характеристика голоса М2 при произнесении фразы *«…ковбой»* составляет около 141 Гц.

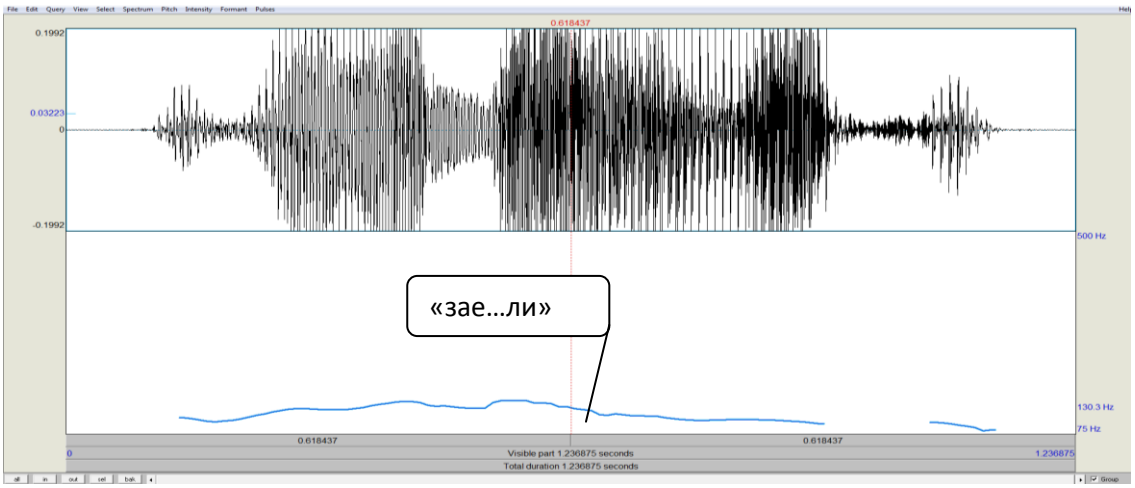

Рис. 5. Интонационный рисунок фразы *«Зае…ли уже»* информанта М1

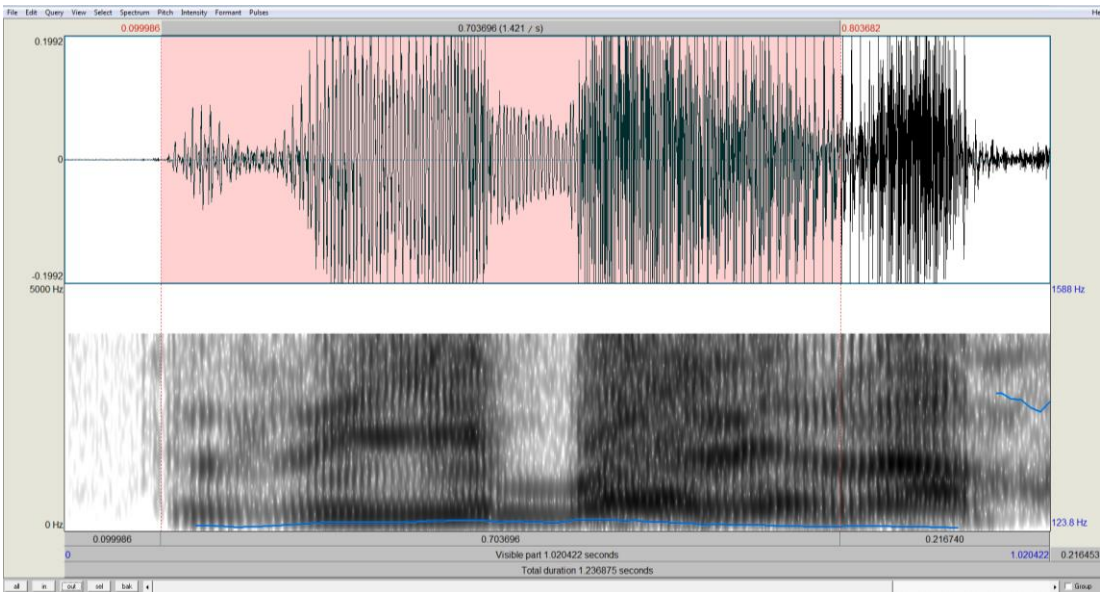

Рис. 6. Спектрограмма слова *«Зае…ли»* информанта М1

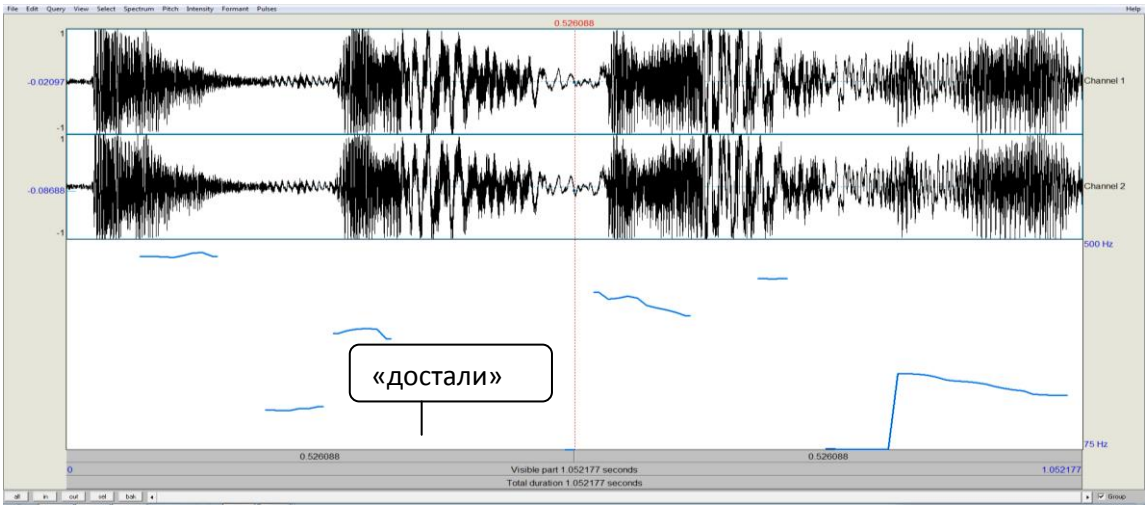

Рис. 7. Интонационный рисунок фразы *«Достали меня»* информанта М2

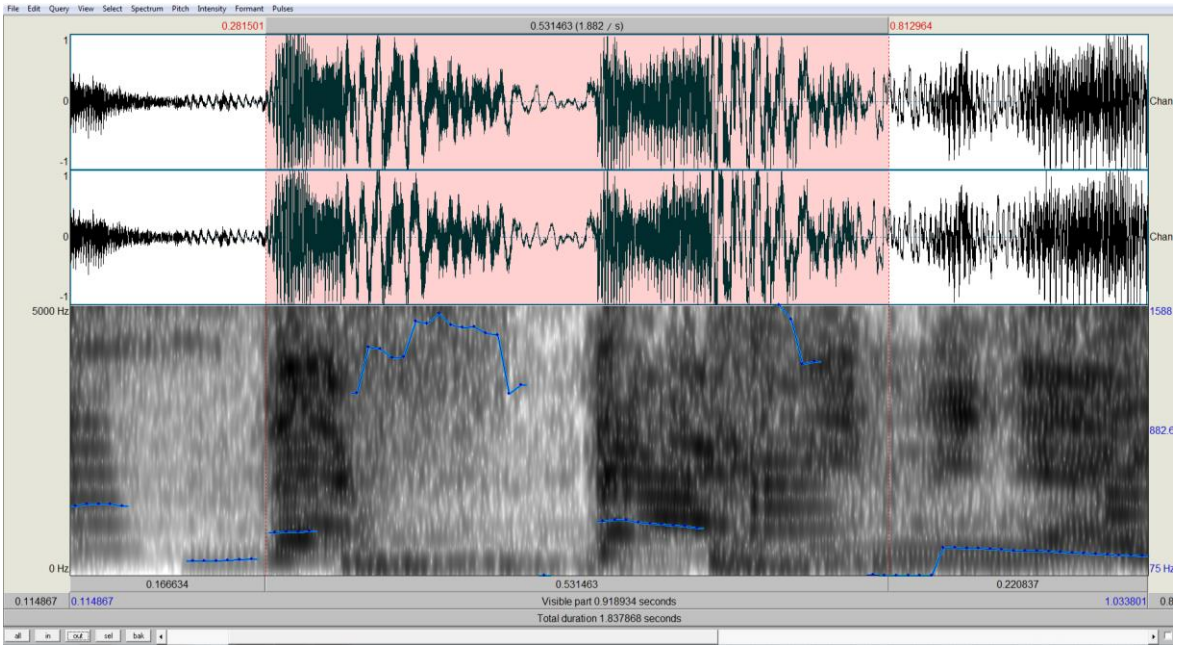

Рис. 8. Спектрограмма слова *«Достали»* информанта М2

На рис. 5-8 представлены графики интонации двух соотносящихся по смыслу фраз: *«Зае...ли уже…»* и *«Достали меня…»*. Каждая из этих фраз в общем контексте разговора имела схожее значение – ‘довести кого-либо до крайне раздражённого состояния; сильно надоесть’, притом что глагол «достать» помечен в словаре как разговорный, а глагол «зае…ть» относится к ненормативной лексике русского языка. Оба этих слова имеют на интонограмме похожий фонетический рисунок.

Интонационный рисунок этих коротких фраз также условно похож, однако, на графиках видны некоторые различия в амплитуде частот и плавности мелодики речи. Как нами было отмечено при описании первой пары графиков, подобные различия могут быть обусловлены различной речевой манерой говорящих, что хорошо видно на Рис. 3 и 4. Средние частоты голосов информантов при произнесении указанных фраз составили около 181 Гц в случае М1 (Рис. 3), тогда как средняя частотная характеристика голоса М2 – около 530 Гц (Рис. 4), что также можно отнести к индивидуальным акустическим особенностям голоса.

Полученные в результате инструментальной обработки фрагментов речи данные позволяют подтвердить выдвинутую нами гипотезу о том, что инструментальные методы обработки звучащей речи могут способствовать выявлению эмоциональной составляющей высказывания.

Вторым этапом эксперимента с выбранным материалом стала попытка фиксации разницы в эмоциональном воздействии между фрагментами звучащей речи со схожим интонационным рисунком. «Являясь неотъемлемой частью человеческой психики, эмоционально-оценочные реакции по своей сути имеют ярко выраженный национальный характер. Представители различных наций воспринимают, понимают и интерпрети-

руют одни и те же факты окружающей действительности далеко не всегда идентично» [Заворотищева 2010].

Сформулируем гипотезу, согласно которой на уровне звучания живой речи формируется общий эмоциональный ее настрой, усиливающийся в определенных отрезках, способных оказать воздействие на целостное восприятие. При этом методики фоносемантического анализа способны выявить этот настрой, зафиксированный на уровне звуко-цветовой ассоциативности.

А. С. Штерн была разработана строгая методика обнаружения связи между коннотативным значением текста и его суммарным фонетическим значением, основанная на оценке отклонения частот звуков от их обычных речевых частот [Штерн 1969]. В спонтанной речи звуки встречаются с определенной частотностью, и носитель языка интуитивно заранее «ожидает» встретить каждый звук некоторое число раз, не осознавая этого, пока доля каких-либо звуков в речи находится в пределах нормы. Повышение же их информативности, подсознательно зафиксированное изменение количества редко встречающихся звукобукв в речевом отрезке (даже при отсутствии таких приемов семантизации текста как ассонанс и аллитерация), проявляется в сознании (подсознании) слушающего, подчеркивая фонетическое значение всего текста. Логичным в этой связи выглядит предположение, что и звуко-цветовая ассоциативность, присутствуя в сознании каждого носителя национального языка, при нормальных частотностях в речи существует в латентном состоянии, тогда как в случае намеренного (или ненамеренного) изменения частотности может активизироваться и переходить с уровня бессознательного на подсознательный, образуя эмоциональный фон, связанный в том числе и с неосознаваемыми ассоциациями цвета речи [Прокофьева, Дурнова 2011]. Здесь же необходимо напомнить, что установленная значимость цветов в коллективном бессознательном носителя русской лингвокультуры [Василевич и др. 2005; Яньшин 2001] в сочетании с полученными на основе исследований русской национальной звуко-цветовой ассоциативности данными позволяют запрограммированной языком и зафиксированной в культуре позволяют минимум зафиксировать у реципиента общую установку на «свое» – «чужое», «хорошее» – «плохое», соответственно, эмоционально окрашиваемое.

Проведенные ранее исследования намеренно семантизированных речевых произведений (заговоров, глоссолалий, мантр, молитв, рекламных слоганов, детских колыбельных и т.п.) показали, что задачи суггестии выполняются именно на фоносемантическом уровне, тем более что лексический уровень во многих проанализированных текстах по умолчанию затемнен, а часто и вообще асемантичен [Прокофьева, Клемёнова 2012].

Проведенный автоматизированный анализ четырех фрагментов речевых произведений М1 и М2 при помощи программы «Звукоцвет» (Информрегистр, №29946) показал существенные различия на уровне фоносе-

мантики, что демонстрирует потенциальные интерпретационные возможности данной методики. Так, фрагмент *«Дурило ты, б…ь, еб…ее»* М1 был оценен как черный на 22,22% (Рис. 9), что явилось почти уникальным примером в нашей работе (второй подобный результат был только при анализе стихотворения К. Бальмонта «Чёлн томленья» и только в отдельных строках с ярко выраженной аллитерацией на *ч*).

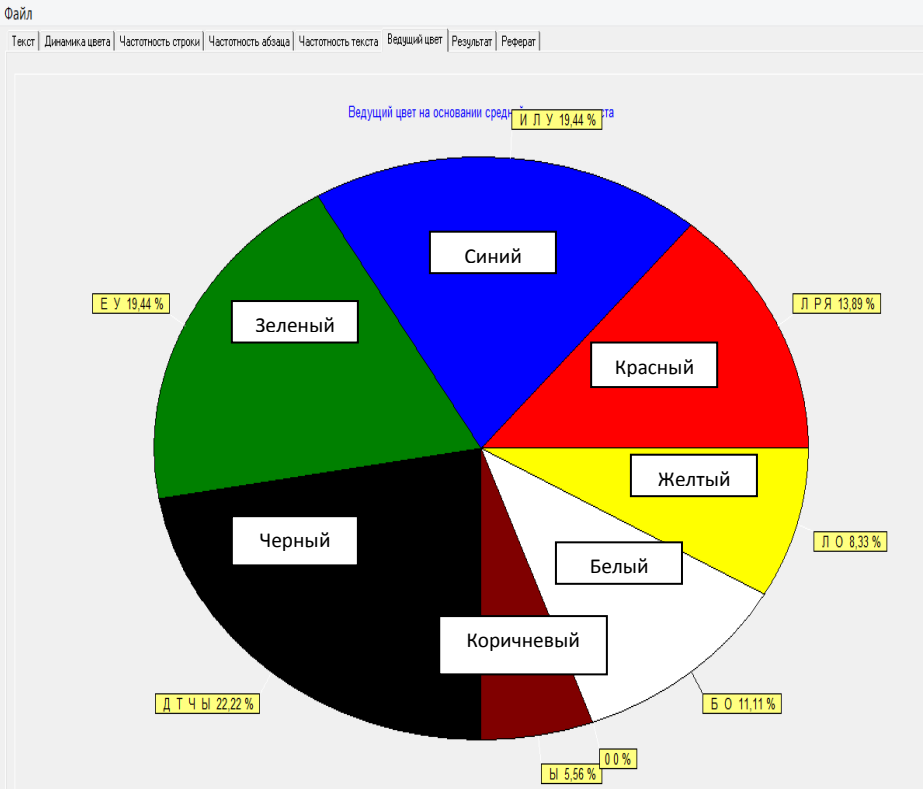

Рис. 9. Диаграмма ведущих цветов на основе анализа фразы *«Дурило ты, б…ь, еб…ее»* М1

Подсчет во фрагменте показал, что собственно приемов семантизации программа не обнаружила, но выделила как высокоинформативные 5 звукобукв (*Д, У, Я, Б, Ы*) из 19. Подобная фоносемантическая «плотность» не редкость в традиционных текстах заговоров, мантр, молитв, часто она встречается в поэтической речи, но мы впервые отмечаем ее в разговорном материале. Справедливости ради надо сказать, что инвективная и ругательная лексика еще не была объектом специального фоносемантического исследования, но даже в первом приближении нельзя не отметить ее существенный суггестивный потенциал, о котором постоянно говорят ее исследователи [Карасик 1992; Жельвис 2001]. Обратим внимание, что ни ударные (синяя) *И,* ни (красная) *Я,* не смогли нивелировать черную окраску текста. Можно предположить, что и психологическое воздействие фразы оставит в сознании рецептора негативное эмоциональное «пятно», распространяющееся на соседние синтагмы и, может быть, речевое произведение

в целом. Хотя без специальных исследований подтвердить или опровергнуть это предположение, конечно, трудно. Как нам кажется, использование личного местоимения *ты* в сочетании с инвективами и стилистически маркированным словом усиливает негативную эмоцию, переводя речь из отвлеченной плоскости в персонализированную (даже вне подобной интенции говорящего!)

Анализ следующего фрагмента речи *«Буш – ср…й ковбой»* М2, содержащего явное ругательство, тем не менее выявил среднюю для носителя русской речевой лингвокультуры бело-сине-красную окраску (Рис. 10), воспринимающуюся более нейтрально по сравнению с первым примером. Программа также отметила высокую информативность нескольких звукобукв (*К, У, Я, Б, Й*) при отсутствии семантизирующих приемов аллитерации или ассонанса. Эмоциональный фон речевого фрагмента умеренный, так как ассоциативные реакции не позволяют идентифицировать его как «чужой» и, соответственно, «враждебный».

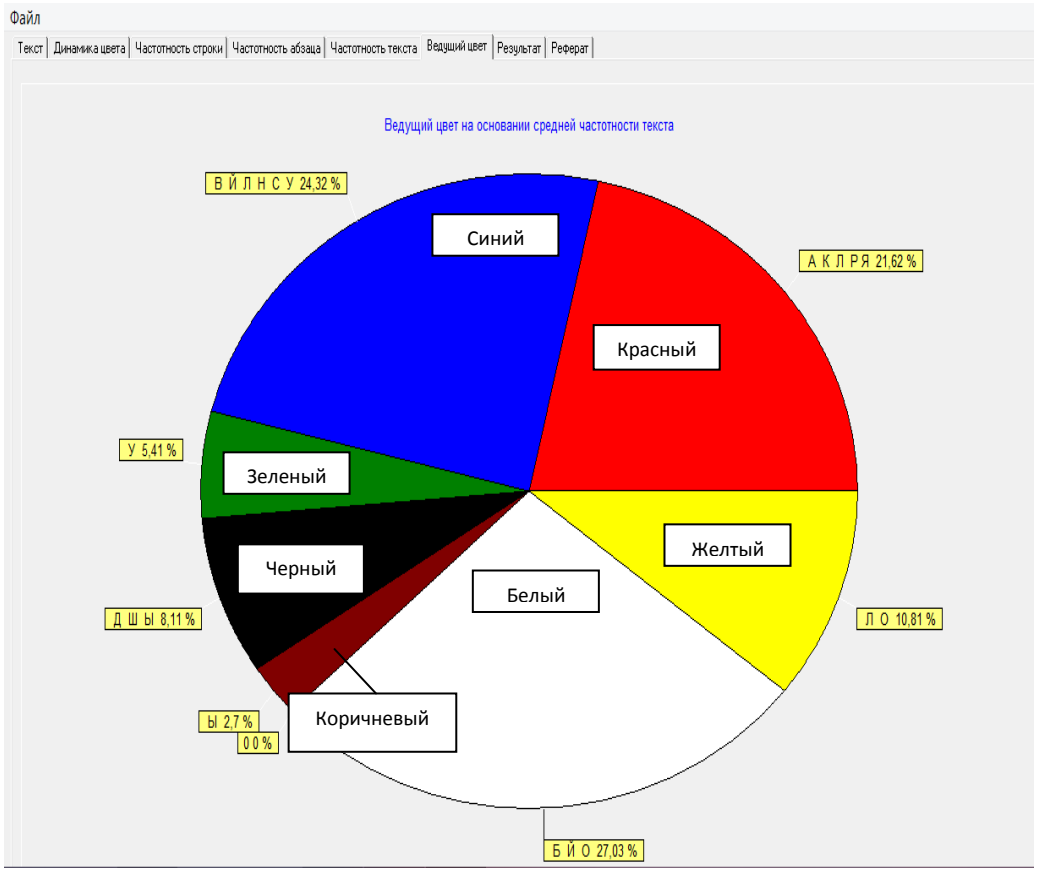

Рис. 10. Диаграмма ведущих цветов на основе анализа фразы *«Буш – ср…й ковбой»* М2

Проведенный экспериментальный анализ живого речевого материала (двух фраз, имеющих сходное значение, но разное языковое представление) инструментальными методами обработки звучащей речи при помощи двух программных продуктов (Praat и «Звукоцвет») продемонстрировал

принципиальную возможность фиксации эмоционального фона речевого произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.

Галяшина Е. И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве // Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Галерея, 2002. – С. 244-252.

Галяшина Е. И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России / Е. И. Галяшина // Эксперт-криминалист. – 2010. – №4. – С. 10-14.

Галяшина Е. И. Лингвистика vs. экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Юридический мир, 2006. – 96 с.

Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 352 с.

Заворотищева Н. С. Инвективы в современной разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. н. – М., 2010.

Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.

Прокофьева Л. П., Дурнова Н. А. Методика фоносемантического исследования речи // Мова і культура (Науковий журнал). – 2011. – Вип. 14. – Т. VIII (154). – С. 12-19.

Прокофьева Л. П., Клемёнова Е. Н. Цвет и звук в политической рекламе // Галеевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции («Прометей»-2012), 6-8 апреля 2012. – Казань: Изд-во Казанского государственного технического университета, 2012. – С. 269-275.

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: автореф. дис. ... докт. психол. наук. – М., 2001.

О. В. Мякшева
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

УСТНАЯ РЕЧЬ ОДНОГО ЛИЦА В ОФИЦИАЛЬНОЙ И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Еще в 1968 г. А. А. Леонтьев писал о том, что «изучение говорящего человека – первоочередная задача лингвистики, если она хочет знать ответ не только на вопрос «как?», но и на вопрос «почему?»» [Леонтьев 1968: 23]. На рубеже XX и XXI веков взамен системоцентрической научной парадигмы приходит антропоцентрическая: «Взамен требования изучать систему или структуру языка выдвигается требование изучать языковую способность идеального говорящего/слушающего, его языковые знания, его компетенцию» [Кубрякова 1994: 6]. В. М. Алпатов дал интерпретацию ситуации в диахроническом ключе: «Можно говорить о том, что в истории науки о языке постоянно идёт борьба в стремлении к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеке, с учётом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей» [Алпатов 2015: 18].

Очевидным надо признать тот факт, что приоритетным из направлений изучения языковой личности выступает коммуникативное. В. И. Карасик считает, что охарактеризовать языковую личность можно «с позиций языкового сознания и речевого поведения», поскольку «речевая деятельность осуществляется индивидом и обусловлена его социопсихофизиологической организацией» [Карасик 2002: 7].

Т. М. Николаева предлагает лингвистике языка противопоставить лингвистику речи и представляет их как два массива: лингвистика речи в её коммуникативном аспекте и лингвистика языка как артефакт, созданная человеком гигантская многомерная и многоярусная махина [Николаева 2015: 16]. Лингвистика речи характеризуется учёным в связи с понятиями «коммуникативный фонд» и «конвой» изолированного высказывания, без последнего, по мнению Т. М. Николаевой, по-настоящему понять смысл высказывания невозможно [Николаева 2015: 16].

Таким образом, современная ситуация «добывания» новых знаний обязывает нас расширить круг интересов лингвистики, учитывать компоненты среды общения, фигур говорящего (обязательно с учётом его жизненного, общекультурного, лингвистического, профессионального и т.д. опыта) и слушающего, включённых Т. М. Николаевой в «конвой» высказывания.

В качестве материала исследования нами были взяты расшифровки диктофонных записей воспоминаний О. Б. Сиротининой, которые легли в основу книги «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек» [Сиротинина 2008] и расшифровки её же интервью, данного журналистам в связи с празднованием 70-летия победы в Великой Отечественной войне. Для конкретного анализа были привлечены близкие по теме и одинаковые по объёму фрагменты звучащей речи: из воспоминаний, записанных в домашней обстановке, и из интервью, взятого у О. Б. Сиротининой в стенах университета. Наиболее очевидное основание сопоставления этих фрагментов – официальность / неофициальность общения.

Попытаемся охарактеризовать сферу и среду общения рассматриваемых продуктов речевой деятельности. *Сферы общения* – публичная и ментальная: и в том и в другом случае говорящий вспоминает события прошлого с целью не только передать широкому кругу потенциальных читателей и слушателей конкретные факты жизни страны в сложнейший период, но и предложить свой опыт в качестве варианта осмысления и этих событий, и жизни вообще.

Характеристика *среды общения*. Воспоминания: автор в привычной домашней обстановке делится своими мыслями о прожитом (с установкой, что они в отредактированном варианте будут опубликованы в книге мемуаров). Второй участник ситуации общения – коллега по профессии, ученица. Автор воспоминаний сам формирует логику изложения, как представляется, он больше заботится не о форме, а о содержании изложения, вопросы второго участника общения связаны только с тем, чтобы мысль была понятна в перспективе будущего «перевода» в письменную форму, они, эти вопросы, корректируют, на его взгляд, ясность изложения.

Интервью: тот же говорящий, но в официальной обстановке, на своей кафедре, интервью берут работники университетской киностудии, оператор посадил Ольгу Борисовну за стол в определенной позе, ведётся и видеозапись (планируется использовать эту запись для создания фильма), то есть звучащий текст сразу должен иметь форму, необходимую для правильного восприятия потенциальными зрителями.

Тема фрагментов – «Университет в годы войны» (фактически разговор мог касаться и предвоенных, и послевоенных лет), проанализировано по 1,5 часа звучащей речи.

Чего мы ждём от устной речи? (Действительно устной, а не озвученной письменной, поскольку её автор предварительно ни в том, ни в другом случае не готовил письменного текста.) Своеобразный порядок слов, самоперебивы, перестройка предложений на ходу, меньшие возможности использования синонимов, однако большие возможности интонации, практическое отсутствие причастий и деепричастий, активность местоимений, частиц, хезитативы, лексические повторы и многое другое, что лингвисты середины и конца прошлого века предлагали нам в качестве списков, ря-

дов, полученных посредством выборок из безликой «коллективной» устной речи.

Однако анализируемые нами фрагменты устной речи не вполне укладываются в эти характеристики. Остановимся на наиболее существенных отличиях между этими фрагментами.

1. Воспоминания формируются преимущественно как нанизывание фраз, ассоциативно связанных между собой, но объединённых одной темой (*сегодня поговорим о родителях, школе, университете, войне* и т.д.). Конечно, встречаются и интроспекция, и проспекция, но не эти явления формируют текст: *мы получали по карточкам хлеб/ сушили его/ вперед получали поскольку мы едем в командировку/ сушили его и значит в рюкзак за плечами мешок с сухарями/ они там перетирались в крошки/ мы эти крошки высыпали в тарелки/ покупали молоко и с молоком это ели/ а тут ничего нет/ понимаете наши сухари кончились/ молока нет и вообще ничего нет/ мы голодные/ буквально.*

Интервью чётко строится по хронологическому принципу (с 1941 и далее до 1945 годов), сведения о семье, её составе, любых не связанных с университетом и войной событиях даются строго в форме вставных конструкций: *у нас в семье одна из моих тётушек/* ***у меня их было три****/ была в это время в такой туристической поездке*; *Но при этом каждую ночь мимо нашего дома/* ***я жила тогда на Комунарной теперь она Соборная/ около Липок****/ шли грузовые машины эээ с военными и их отправляли ближе к западной границе/ и поэтому было вот такое тревожное ощущение//*, какой бы длины они ни были. Как убедительное доказательство последнего тезиса приведём такой пример: *Как раз в 41 году* ***но заранее конечно это было объявлено/ еще пока не было войны но когда война началась/ были специальные заседания по этому поводу/ и решили что всё равно останется/ это положение в силе/*** *открыли филологическое отделение на историческом факультете/ он превратился в историко-филологический.*

И этот пример далеко не исключение. Получается, что О. Б. Сиротинина держит в оперативной памяти значительно бо́льший фрагмент, чем 7+–2 (об этом диапазоне как о физиологической способности человека нам говорят психологи).

2. И в том и в другом фрагменте имеются хезитативы, однако в интервью их значительно меньше. В интервью это в подавляющем большинстве – частицы *вот* и *ну*: ***Ну*** *в общем/ бывшую землю Финляндии/* ***ну*** *которая после финской войны отошла уже к Советскому Союзу и* ***вот/*** *они поехали туда по этим местам/ экскурсия.* В воспоминаниях встретились еще такие заполнители пауз: *значит*, *так сказать*, *понимаете*, *представляете* и т.д. (последние два фиксируют короткую дистанцию между говорящим и собеседником, интимность ситуации): *За что я не любила/ во-первых* ***понимаете*** *я привыкла* ***вот*** *к какой-то дворовой/ дачной компании/ верхово-*

дить поскольку я много знаю/ много читала/ могу рассказать и могу командовать а тут я растворилась в большом классе/ где были люди конечно и поумнее меня и поначитаннее/ и я ***так сказать*** *вовсе не авторитетна в их глазах;//****И вот*** *он 16 октября убежал из Москвы/ на чем он доехал я конечно не знаю/ но он попал в Саратов* […] ***Вот*** *такая была тогда* ***вот*** *паника.*

Наличие хезитативов в устной речи, особенно в официальной обстановке, не только следствие поиска говорящим нужной формы выражения мысли, но и забота об адресате. Цитирую из пленарного доклада Ольги Борисовны на Баранниковских чтениях (2015 г.): «в устной речи разнообразные хезитативы даже помогают общению, создавая возможность воспринимать речь без напряжения. Хезитатив – время на превращение, «перевод» слов в свой предметный код мысли» (подробнее см. в статье О. Б. Сиротининой в этом сборнике).

В интервью в момент поиска нужных слов для точного выражения смысла возможна пауза, вздох, реже – эканье: *и было очень тревожно/ потому что все* (вздох) *дороги были заняты перевозкой* ***войск/ боеприпасов/ беженцев*** *и не было возможности уехать* – пауза во время вздоха позволила, на наш взгляд, вербализовать в дальнейшем весь тематический ряд необходимых номинаций (выделено полужирным).

3. В воспоминаниях чаще выражаются эмоции, и вообще эмоциональная составляющая смысла (что вполне естественно для устной, неофициальной, спонтанной речи) выражена более ярко, причём слова и фразы, содержащие оценки ситуаций, лиц, модусные характеристики, часто из разговорной речи: ***я боюсь соврать*** *но одно из этих двух/; но дело в том что тогда свирепствовала такая* ***напасть****/ которая тогда называлась септическая ангина сейчас она называется по-другому/ но я* ***боюсь соврать*** *как она называется; и вот мы в одном из таких сел были где ну ни/* ***шаром покати.***

Фразы-оценки либо начинают, либо заканчивают высказываемую мысль: *вообще* ***был совершеннейший кошмар*** *и она говорит что когда они ехали/ то впереди сплошное зарево/ позади сплошное зарево/ справа слева сплошное зарево/ все горит всюду летят бомбы и там/ такая была петля огибающая озеро не то Эльтон/ не то Баскунчак; лошадей тоже всех забрали/ трактора тоже все забрали/ поэтому пахали на коровах/ коровы поэтому не давали молока/ слепли/* ***в общем это было страшно.***

В интервью эмоциональность чаще выражается книжными средствами: в интервью *честно сказать* – в воспоминаниях *боюсь соврать*, лексическим и синтаксическим повтором и т.д. Приведём в качестве типичного примера:

Ощущение было…// Во-первых общая обстановка в мире/ победоносное наступление гитлеровских войск на западном фронте/ захват одной/ другой/ третьей страны// И вот ощущение что страшно// Вот-вот что-

то может начаться// Но были всякие успокоительные сообщения ТАСС/ поэтому более или менее шла нормальная жизнь.

В данном фрагменте из интервью с сильной эмоциональной составляющей (эмоции в момент воспоминаний о войне с годами не стали слабее, как заметила сама Ольга Борисовна), волнение автора передаётся, в частности, стремлением к градации текста (будто это отражение учащенного сердцебиения): *захват* ***одной другой третьей*** *страны*, настойчивым повтором ключевых слов (*ощущение, ощущение, тревожное ощущение*), насыщенностью оценочной лексикой разной стилистической природы (*победоносное, страшно, успокоительные, вот-вот, более-менее, тревожное*), частотностью местоимений, частиц (*и вот, вот такое*) и т.д. Эмоциональный компонент делает устную речь менее информативной, но более эффективной.

4. Для устной официальной речи данного говорящего характерен повтор ключевых слов, чаще всего в конце фразы, местоименная замена производится редко. В воспоминаниях такого не наблюдалось, иногда даже приходилось переспрашивать (*Кто он? О чем о нем?).* Примеры из интервью: *Я пошла* ***на почту*** *посылать документы в Москву/* ***на почте*** *документы перестали принимать/ в другие города никакие документы* ***на почте*** *не принимали*; *Педагогический коллектив/ одна была* ***общая кафедра филологии/*** *ей заведовал перешедший из педагогического института профессор доктор филологических наук Александр Митрофанович Лукьяненко/ лингвист/* ***он заведовал общей кафедрой филологии.***

5. Порядок слов. В воспоминаниях при ровном интонационном оформлении деление на тему и рему не выражено ярко, нанизывание фраз не позволяет о нем говорить доказательно, а в интервью, напротив, деление ощущается и интонационно, причём рема всё время оттягивается к концу. Мнение О. Б. Сиротининой: «Основная функция порядка слов в звучащей речи – выражение степени коммуникативной значимости: наиболее значимое выносится вперед, а менее значимое добавляется к нему и почти не слышно. Обычно это размещение значимого (рема) не в конце и не в начале предложения, когда адресат ещё не подготовлен к его восприятию, а в середине предложения… » (см. статью в этом сборнике) – безусловно, но по отношению к звучащей непринуждённой неофициальной, то есть разговорной речи. Типичный фрагмент из интервью: *видят в небе* ***воздушный бой/*** *они сначала решили что это* ***манёвры какие-то/ учения*** *а потом видят* ***что самолёт-то падает и горит/*** *и тогда поняла что это* ***война/*** *экскурсию* ***свернули*** *и вернулись* ***в Ленинград.***

В устной официальной речи постпозиция согласованного определения фиксировалась нами редко, в неофициальной же – довольно часто: *Обход делали* ***двора университетского****/ чтобы никого постороннего там не было// Однажды поймали так сказать постороннего// Оказался что он студент мединститута* ***Московского.***

6. Наконец отметим некоторые морфологические характеристики фрагментов. Их общую, устную природу доказывает частотность местоимений, ср. из интервью: *И* ***у нас*** *было* ***такое*** *ощущение что если* ***нам/*** *позволено учиться в* ***такое*** *тяжелое время/ то* ***мы*** *должны* ***все*** *силы бросить на* ***то*** *что вот* ***всё/ что*** *только можно сделать/ в голову не приходило пропустить лекции без уважительных* ***каких-то*** *причин// А уважительными причинами/ были только/ либо* ***какая-то*** *очень сильная болезнь/ именно сильная/ а так и больные ходили//* и из воспоминаний: ***мы*** *значит шли в сельсовет к председателю колхоза/ и* ***нам*** *значит* ***как-то*** *помогали/ где нам выписывали* ***какие-то*** *продукты из колхоза/* ***нам*** *давали* ***какой-то*** *транспорт*. Предполагаем, что местоимения, особенно неопределённые, указательные, определительные, в устной речи можно считать аналогом хезитативов, роль которых обусловлена стремлением к более эффективному общению.

Как представляется, особенно это заметно в интервью, желание автора полно восстановить картину давнего события вынуждало его прибегать к использованию неопределённых местоимений, лексическому повтору, частицам, что облегчало задачу успешной коммуникации в условиях дефицита времени: *там выступали* ***какие-нибудь*** *артисты/* ***иногда это*** *были* ***какие-то*** *вокальные номера/* ***иногда*** *только музыкальные/* ***иногда*** *с танцами на пятачке небольшом/* ***иногда какой-то*** *юмор/* ***ну в общем*** *эстрадные* ***какие-то*** *своеобразные представления были*. Таким однородным рядам позавидовал бы любой пишущий текст в тиши кабинета.

Яркой отличительной морфологической чертой устной официальной речи является хорошо ощущаемая частотность причастий и деепричастий, которые проговариваются чётко и с замедлением темпа речи: *Тогда была такая традиция что перед началом сеанса люди собирались* ***купившие билеты в кино/*** *в фойе кинотеатра*; *В результате наоборот кроме сразу* ***подавших*** *заявление/ потом появлялись* ***эвакуированные*** *из других мест; и как она потом рассказывала/ в этот день они с утра* ***ещё ничего не зная*** *ещё никому ничего не объявили/ уехали*; *Поэтому мы работали/ выполняли домашнее задание* ***читая*** *то что нужно/ и так далее только с коптилкой*//. В неофициальной речи автора их практически нет.

Успешность общения зависит от способности партнеров по коммуникации найти общий язык, что, по словам Т. Г. Винокур, «значит преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, которое свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего в соответствии с ожиданиями последнего» [Винокур 1993: 60-61]. Эта способность может быть заложена генетически, являться результатом образования, а также следствием ещё многих и многих факторов.

По мнению Ю. Н. Караулова, одного из родоначальников теории языковой личности, «в лингвистике личность не стала пока равноправным

с языком объектом изучения, оставаясь скрытым, незаявленным» [Караулов 2010: 48]. И хотя в последние годы появились очень интересные исследования (см., напр.: [Карасик 2014]), проблема ещё далеко не исчерпана. Проведённый нами анализ речевой деятельности одной конкретной личности, как думается, подтвердил это: многие выявленные в прошлом веке черты устности в той или иной мере могут быть подвергнуты сомнению, особенно по отношению к устной официальной речи.

Как писал К. Ф. Седов, «ход превращения мысли в слово предстаёт перед нами как драматический конфликт между личностными смыслами и значениями, которые навязывает говорящему национальный язык» [Седов 1999: 8]. Думается, данное утверждение распространяется и на форму выражения этих значений, и на условия их проявления. В устной речи автор проанализированных нами фрагментов успешно разрешает этот драматический конфликт, преодолевая естественные для устной формы черты, которые могут затруднить восприятие слушателя. Назовём наиболее очевидные предпосылки успешности такого преодоления: феноменальная память, многолетняя практика чтения лекций без опоры на их письменный вариант (как утверждает Ольга Борисовна, текстов лекций она никогда не писала), теоретическое знание условий эффективной коммуникации в разных сферах и средах общения и отработанный практический навык применения этих знаний.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. – 2015. – №2. – С. 7-22.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.

Карасик В. И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

Кубрякова Е. С. Текст и его понимание // Русский язык. – 1994. – №2. – С. 18-27.

Леонтьев А. А Предисловие // Березин Ф. М. Очерки по истории языкознания в России. – М.: Наука, 1968. – С. 3-24.

Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. – 2015. – №4. – С. 7-21.

Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 180 с.

Сиротинина О. Б. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: Воспоминания. – Саратов: Изд-во Сарат. ун.-та, 2009. – 292 с.

Н. М. Орлова
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

РЕТРАНСЛЯЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ И ТИП РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

В речевой коммуникации есть сегменты, где устная речь тесно соприкасается с письменной и где отчетливо проявляются многие проблемы культуры речи и типов речевой культуры. Один из таких сегментов – публицистический стиль, активно порождающий прецедентные формы, понимаемые нами как единство прецедентного феномена (ментального образования) и речевого способа вовлечения его в текстовое пространство. Будучи обширным полем прецедентности, заголовки публицистических текстов служат и её ретранслятором.

Явление ретрансляции прецедентности широко распространено в межкультурной коммуникации, а также при реализации прецедентного потенциала текстов мировой культурной значимости. Так, ранее нами отмечалось, что прецедентное влияние Библии может не только проявляться в аутентичном тексте, обращенном к ней, но и сохраняться при прохождении через ряд вновь продуцированных текстов, обретая при этом новое смысловое наполнение (см., напр. [Орлова 2013: 103-104]).

Динамическому варьированию могут подвергаться библейские сюжеты, актуализируя те или иные смысловые компоненты своих концептов (в том числе латентные). Это варьирование также является показателем ретрансляции прецедентности. При этом связь с текстом-первоисточником может осознаваться более или менее отчетливо, но в большинстве случаев не утрачивается, по крайней мере, для пишущего [Орлова 2008: 256].

Таким образом, среди прецедентных форм можно выделить первично-прецедентные, возникшие на базе обращения непосредственно к прецедентному феномену (тексту), и вторично-прецедентные, которые продуцируются после осуществления ретрансляции прецедентности. Использование одной и той же прецедентной основы, прошедшей культурную ретрансляцию, характерно для публицистических заголовков.

Обратимся к примерам текстов публицистического типа речи, построенных на вторичной прецедентности (заголовки «Московского комсомольца», «Российской газеты», «Комсомольской правды» и некоторых других периодических и Интернет-изданий, преимущественно 2012-2014 гг.).

Большая популярность прецедентного заголовка романа Маркеса «Полковнику никто не пишет» (Gabriel García Márquez, «El colonel no tiene quien escriba») связана с двумя обстоятельствами. Прежде всего, это широ-

кая известность песни из культового российского фильма. Текст песни, который включает единственную отсылку к первоисточнику и который ни в какой степени не связан с содержанием романа Нобелевского лауреата, послужил ретранслятором прецедентности. Кроме того, множественность интертекстуальных обращений обусловлена существованием многочисленных «полковников» – героев публикаций. Активизация прецедентности наблюдается в периоды, когда в социуме происходят события, связанные с этими реальными персонажами: *Полковника никто не слушал* (отставной милиционер из Кузбасса пожаловался Медведеву и Нургалиеву); *Полковника никто не любит* (задержан офицер, подозреваемый в совращении детей); *Полковнику никто не спишет* (об осуждении полковника за мошенничество); *Полковнику никто не верит* (из серии книг о полковнике Гурове); *Полковнику никто не спишет* (Буданову отказали в досрочном освобождении); *Полковнику никто не спишет* (после гибели Буданова); *Полковника никто не ждет* (также информация о его смерти).

Подобные «скопления» однотипных прецедентных форм характерны также для периода событий в Ливии 2011 года: *Полковника никто не видит*; *Полковника никто не ждет* (формула воспроизводилась многократно – как при жизни, так и после смерти Каддафи); *Полковника никто не душит*; *Полковника никто не слышит*; *Полковника никто не любит*; *Полковнику никто не напишет*; *Полковнику никто не служит* (неоднократно); *Полковнику еще напишут* и т.д.

В журналистике пользуется популярностью прецедентная форма, воспроизводящая заглавие романа Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (Milan Kundera, «Nesnesitelná lehkost bytí»). В газетные заголовки вовлекается двухсловная формула-оксюморон «невыносимая легкость», привлекательная своей парадоксальностью; иными словами, используется распространенная прецедентная форма с заменой компонента в прецедентном высказывании: *невыносимая легкость языка* (об изучении иностранных языков); *обязательств*; *дыхания* (о дыхательной гимнастике); *контрабанды*; *жития* (о старце Амвросии Оптинском); *вырождения*; *теории повседневности* (заголовок научно-популярной статьи по социологии); *украинского бунта*; *потребкредитования*; *ДТП* (sic!) и т. д. Единичны другие способы преобразования прецедентного высказывания, ср.: «Невыносимая легкоатлетичность бытия» (интервью МК с саратовской спортсменкой Ольгой Топильской).

Тексты Маркеса и Кундеры, без сомнения, входят в прецедентную базу носителей многих языков и являются прецедентно значимыми в мировом масштабе. Однако при ретрансляции прецедентности связь с текстовыми феноменами утрачивается практически полностью; мы не можем говорить о редукции прецедентности, о сведении ее к одному-двум ключевым концептам текста. Оба романа характеризуются философской глубиной, сложны по своему содержанию и композиционной структуре, и загла-

вия произведений, занимающие в тексте «абсолютно сильную позицию», отражают эту глубину и сложность, являясь, по сути, важнейшими концептами текстов. Нет сомнения, что их использование для других текстов может преследовать только одну цель: привлечение внимания читателей, – но это лишь в малой степени отражает содержание публикаций. Как правило, некоторое указание на то, о чем пойдет речь в статье, содержится в переменном замещающем компоненте.

Вполне предсказуемо, что название пьесы Бертольда Брехта «Кавказский меловой круг» («Der kaukasische Kreiderkreis») активизируется в качестве газетного заголовка при обращении к событиям на Кавказе. Этому способствует семантическая расплывчатость лексемы «круг». Переменные компоненты, замещающие прилагательное «меловой», отличаются разнообразием вне всякой связи с текстом-источником и заголовком пьесы: *кавказский церковный круг*, *кавказский силовой круг*, *кавказский замкнутый круг*, *кавказский роковой круг*, *кавказский энергетический круг*, *кавказский призовой круг* (о присуждении приза кинофестиваля фильму «Кавказский пленник»), *кавказский нефтяной круг*, *кавказский кровавый круг* и т.п. Притягательность, краткость, благозвучие и широкая известность названия пьесы Брехта приводит к тому, что оно без изменений становится заголовком многочисленных статей, особенно если речь идет о Грузии: грузинские публицисты испытывают некоторую гордость по поводу того, что действие известнейшей драмы немецкого драматурга происходит в грузинских декорациях. Видимо, по сходной причине фестиваль адыго-абхазских театров на сцене майкопского Пушкинского народного дома проходил под девизом «Наш кавказский меловой круг».

Иногда ретрансляция может иметь многоступенчатый характер. Примером такой цепочки является использование выражения «зима тревоги нашей». Восходящее к тексту шекспировского «Ричарда III», оно было использовано Джоном Стейнбеком в качестве названия одного из самых известных его романов The Winter of Our Discontent. Переводчики Стейнбека (Н. Волжина и Е. Калашникова) использовали в названии цитату из перевода Михаила Лозинского; по нашему мнению, это начало пьесы Шекспира на русском языке конгруэнтно по высокому художественному уровню тексту первоисточника (*Зима тревоги нашей позади, К нам с солнцем Йорка лето возвратилось*). Полагаем, никакой другой перевод не заключает в себе такого сильного напряжения, никакое начало пьесы не могло бы стать названием романа на русском языке; ср. с тоже распространенным и вполне удачным переводом Анны Радловой: *Здесь нынче солнце Йорка злую зиму В ликующее лето превратило* (*Now is* ***the winter of our discontent*** *made glorious summer by this son* [or sun] *of York*). В определенном смысле эта цитата по-русски звучит глубже, сильнее и более многопланово за счет перевода «discontent» (скорее – «недовольство», «неудовлетворенность») как «тревога» и грамматико-семантического сближения

«зимы» и «тревоги». В большинстве переводов встречаем текстуально точное описание восхождение на трон Эдуарда IV в результате жестокой политической борьбы: *Сегодня солнце Йорка превратило В сверкающее лето зиму* ***распрей*** (Б. Лейтин); *Итак, преобразило солнце Йорка В благое лето зиму наших* ***смут*** (Мих. Донской); *Прошла зима* ***междоусобий*** *наших*; *Под Йоркским солнцем лето расцвело* (А. Дружинин). Экскурс в историю названия романа Стейнбека отчетливо показывает, что в нем заключена особая многоплановость, затрагивающая всю поэтику произведения: стихи звучат в переломный момент сюжета с оттенком трагической иронии. Ничего даже отдаленно связанного ни с шекспировским текстом, ни с романом Стейнбека (также Нобелевского лауреата) заголовки современной российской публицистики не заключают. Наиболее удачным и приемлемым журналистам представляется, по-видимому, словосочетание «наша тревога», которое реализуется в публикациях на самые разнообразные темы, несмотря на то, что замена компонента разрушает метафору winter of our discontent: *вода тревоги нашей, земля тревоги нашей, берег тревоги нашей, река тревоги нашей, воздушные потоки тревоги нашей* (все публикации по проблемам экологии); *стопа тревоги нашей, еда тревоги нашей, год тревоги нашей* (об итогах и проблемах уходящего года), *турнир тревоги нашей*; *пельмень тревоги нашей* (статья о полуфабрикатах в «Известиях»); *глаза тревоги нашей* (речь идет о детских глазах); *Китай тревоги нашей* (о китайской доле в нефтедобыче); *цвета тревоги нашей* (о цветовом обозначении уровней террористической опасности); *«Булава» тревоги нашей*; *детсад тревоги нашей*; *больница тревоги нашей*; *парк тревоги нашей*; *село тревоги нашей*; *метро тревоги нашей* (о возможности строительства метро в Алматы) и т. д. Нередко встречается точное цитирование, иногда с заменой «зимы» на название другого сезона: многократно в различных изданиях воспроизводятся заголовки *зима тревоги нашей* (о холодах), *зима тревоги нашей* (о событиях на Украине), *зима тревоги нашей* (о неудачах России на Олимпийских играх); *весна тревоги нашей* (прогноз социально-политической активности на февраль-март).

Примеры можно продолжать (ср., например множественность обращений к формуле «скромное обаяние» <буржуазии>, восходящей к прецедентному названию фильма Бунюэля «Le Charme discret de la bourgeoisie» – *Китая*, *мансарды*, *шале*, *расизма*, *генерала*, *СССР*, *среднего класса*, *французской аристократии*, *Парижа*, *диссидентов*, *пиара*, *методологии*, *общества потребления*, *хвойных*, *пестролистных*, *бренд-менеджера*, *Барбары Радзвилл*, *ручных пил*, *сенсорных систем* и т. д.).

Однако, думается, приведенных фактов достаточно, чтобы сделать предварительные выводы.

1. При ретрансляции прецедентности публицистические заголовки порождают вторично-прецедентные феномены (высказывания), слабо связанные с текстом-источником, вплоть до полного исчезновения этой связи.

Существующая тенденция к концентрации в публицистике однотипных прецедентных форм, проявление множественности (multiplicity) использования одной и той же прецедентной основы служит одним из средств выражения стилевой доминанты публицистического типа речи, понимаемой как сочетание экспрессии и стандарта. Стандартная формула перестает по сути быть прецедентной формой, поскольку само ментальное образование (прецедентный текст и его ключевые концепты) становится несущественным (а во многих случаях – несуществующим) для носителей языка. Культурный код и ключ к его пониманию утерян; интертекстуальное включение становится своего рода симулякром, создающим ложное чувство приобщенности к явлениям мировой культуры.

2. Если обращение к прецедентным текстам мирового общекультурного значения характеризует элитарный тип речевой культуры [Гольдин, Сиротинина 2001: 106; Дмитриева 2014: 165 и др.], то в указанных случаях, по-видимому, мы имеем дело с квази-использованием таких прецедентных феноменов, что служит подтверждением реализации в средствах массовой информации преимущественно среднелитературного типа речевой культуры, хотя способ реализации прецедентности в среднелитературном типе обычно описывается в других терминах [Стернин 2013: 7].

3. С точки зрения характеристики общей когнитивной базы носителей языка можно также охарактеризовать эти бесконечные однотипные «интертекстуальные включения» как элементы ложной когнитивной базы: заголовок как прецедентное высказывание существует в публицистическом пространстве вне связи с текстом, используется как готовая формула с непроясненной внутренней формой.

4. Наконец, можно предположить, что использование «чужого» заголовка в целом не равнозначно использованию любого другого «чужого» слова (catchword). Несомненно, цитата, интертекст, прецедентность – неотъемлемая характеристика текста эпохи постмодернизма. Цитирование – чрезвычайно распространенный тип газетного и журнального заголовка. В художественной речи интертекстуальность используется не только как яркое образно-выразительное средство, но также может выступать в функции названия произведения; как всякий художественный заголовок, цитата становится одним из ключевых концептов текста (ср., например, заголовок романа «Унесенные ветром» или катаевский «Белеет парус одинокий»). Поскольку цитата-заголовок заключает в себе основную концептуальную значимость всего озаглавленного текста, перенесение ее в такую же позицию по отношению к другому текстовому пространству возможно лишь при условии глубокой содержательной связи двух текстов. Так, подзаголовок повести Ольги Славниковой «Бессмертный» – «Повесть о Настоящем Человеке» – содержит прецедентную отсылку не только и не столько к произведению Бориса Полевого, но к одному из ключевых концептов советской эпохи (сформировавшемуся, впрочем, в значительной степени

на основе его текста), и этот концепт находит экспликацию и новое осмысление в повести Славниковой.

Однако в большинстве случаев механическое сращение заголовка с текстом, которому он не предназначался, априори обречено на коммуникативную неудачу; ретрансляция прецедентности, осуществляемая в заголовках публицистических статей, – сложный культурный и когнитивный процесс, на пути осуществления которого возможны не только творческие находки, но и потери.

ЛИТЕРАТУРА

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Ягубова М. А. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 212 с.

Орлова Н. М. Рецепция прецедентного текста в художественной речи // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум.– Саратов: Наука, 2008. – С. 256-259.

Орлова Н. М. «Рыдающая Агарь»: смысловая эволюция библейского концепта // Предложение и слово. – Саратов: Научная книга, 2013. – С. 100-106.

Дмитриева О. И., Орлова Н. М., Павлова Н. И. Русский язык и культура речи: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, 2014. – 224 с.

Стернин И. А. Типы речевых культур: Учебное пособие. – Воронеж: Истоки, 2013. – 23 с.

Т. В. Родионова, И. В. Привалова
Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
(Саратов)

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ МЕДИКОВ

Научный стиль речи медицинских работников наиболее ярко представлен в письменной форме (монографии, статьи, диссертационные исследования). Однако и устная форма научного стиля речи (лекции, дискуссии, семинары, производственные и научные конференции) достаточно показательна в плане особенностей организации данного коммуникативного пространства. Для письменной научной речи медицинских работников характерны признаки, маркирующие письменную научную речь вообще, а именно: краткость, четкость изложения, логичность, последовательность,

обилие специальных медицинских терминов. Аналогичные признаки маркируют и устную научную речь. Но, как полагаем, научную письменную и устную форму речи отличают, прежде всего, различные коммуникативные ориентиры – в первом случае визуальное «потребление» конечного продукта, тогда как во втором случае – аудиальное. Поэтому устная научная речь медиков более направлена на участников акта коммуникации, и, следовательно, более «личностна», менее грамматически и синтаксически сложна, и предполагает некоторый ответ на инициированный коммуникативный посыл.

В данной статье представлен анализ некоторых принципов организации устной научной речи определенного профессионального сообщества с учетом особенностей полевой лексико-семантической структурированности этой речи. В качестве материала для исследования использовались магнитофонные записи лекций по различной медицинской тематике, прочитанные профессорами и доцентами Саратовского медицинского университета студентам-медикам старших курсов общим объемом около 25 тыс. языковых единиц.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, независимо от тематики, общим для всех медицинских научных текстов является возможность применения полевого метода изучения в отношении данного языкового материала. Языковая системность прослеживается на разных уровнях, в том числе, и на уровне научной разговорной речи. Данная системность становится особенно очевидной, если предметом исследования становится устная научная речь, ограниченная рамками профессионального сообщества. Устные научные сообщения медицинских работников могу быть структурированы в виде семантических полей или лексико-семантических полей, среди которых доминирующее положение принадлежит лексико-семантическому полю «Болезнь». Полевой метод зарекомендовал себя как эффективный подход в системе методов изучения лексики определенных групп [Моисеева 2005: 7]. Поэтому мы считаем вполне возможным выделение лексико-семантического поля «Болезнь» в качестве основной полевой структуры.

Структура ЛСП «Болезнь» в устной научной речи (далее – УНР) медиков представлена ядром, околоядерной зоной и периферией. Ядро поля, помимо центра (имени поля – *болезнь*), включает в себя синоним к имени поля (*заболевание*), квазисинонимы (*поражение* /сосудов/, *повреждение* /артерии/, *патология, нарушение* /кровообращения/, *аномалия, расстройство* /механизмов терморегуляции/). Интересно, что в отличие от письменной научной речи (далее – ПНР) в ядро вошла еще одна единица – лексема «расстройство» как квазисиноним или контекстный синоним к имени поля «болезнь». Отсутствие этой лексемы в центре поля «Болезнь» в ПНР медиков связано, по-видимому, с тем, что ПНР (в отсутствие адресата) преследует цель наиболее точного изложения информации, исключение

двусмысленности и неверных толкований, в то время как УНР предполагает поправки, уточнения и пояснения непосредственно в момент говорения, если говорящий (лектор) видит по реакции аудитории, что его мысль осталась непонятой или неверно истолкованной.

Возможно представить количественную характеристику обработанного материала. Центр поля «Болезнь» в УНР медиков представлен 8 единицами, что составило 0,6% от числа всех единиц ЛСП. 84 ядерные единицы составили 6% от всех единиц поля. Околоядерная зона включает в себя 568 единиц, или 39,8% от числа всех единиц поля. Периферия состоит из 765 единиц, составляющих 53,6% от числа всех единиц поля. Эти данные, а также количество и процентное соотношение словоупотреблений единиц центра, ядра, околоядерной зоны и периферии представлены в таблице:

распределение единиц ЛСП по зонам	кол-во единиц		словоупотребления единиц ЛСП по зонам	кол-во словоупотреблений	
	число	%		число	%
единицы центра	8	0,6	единицы центра	118	3
единицы ядра	84	6	единицы ядра	768	19,8
единицы околоядерной зоны	568	39,8	единицы околоядерной зоны	1764	44,4
единицы периферии	765	53,6	единицы периферии	1301	32,8

Количество словоупотреблений центральных единиц ЛСП «Болезнь» в УНР медиков представлено следующим образом:

1. заболевание (абсолютный синоним к имени поля) - 47
2. поражение - 19
3. нарушение - 17
4. болезнь (имя поля) - 11
5. повреждение - 11
6. расстройство - 6
7. патология - 5
8. анатомия - 2

В ЛСП «Болезнь» выделяются две ЛСГ: «Виды болезней» и «Субъект болезни». ЛСГ «Виды болезней» в УНР медиков довольно обширна, и включает в себя однородные по частеречной принадлежности лексемы и их синтаксические дериваты. Данная ЛСГ всего насчитывает 78 единиц. Внутри ЛСГ наблюдаются более мелкие подразделения – подгруппы, образованные по принципу отнесения заболевания к той или иной области медицины, занимающейся диагностикой и лечением данной болезни. Ряд лексем внутри этих подгрупп содержат еще более мелкие под-

группы, включающие более детализированные подвиды основного заболевания. Некоторые лексемы в ЛСГ «Виды болезней» могли бы быть отнесены сразу к нескольким подгруппам, поскольку такие заболевания, выраженные лексемами-единицами ЛСП, требуют комбинированного подхода к их лечению и, как следствие, привлечения врачей разных специальностей. Например, среди сердечно-сосудистых заболеваний выделяют: 1) атеросклероз [атеросклеротический], 2) болезнь Лериша, 3) гипертония [гипертонический, предгипертонический] вазоренальная гипертония, злокачественная гипертония, 4) инсульт, геморрагический инсульт, ишемический инсульт, 5) инфаркт, инфаркт миокарда, 6) эндартериит, 7) ангиопатия, 8) артериолосклероз, 9) астма сердечная, 10) гипертоническая болезнь, 11) ишемическая болезнь сердца, 12) сердечная недостаточность,13) [гипертензивный], 14) гипертензия.

Околоядерная зона ЛСП «Болезнь» в УНР медиков представлена шестью группировками: «Симптомы заболевания», «Течение болезни», «Причины болезни», «Состояние больного», «Субъект лечения» и «Лечебно-профилактические учреждения». Одной из самых многочисленных и неоднородных по составу единиц является группировка «Течение болезни», рассматриваемая нами как микрополе (МКП). Это микрополе насчитывает 196 единиц. Здесь также наблюдается в ряде случаев конструкция и детализация единиц. Следующей группировкой, вошедшей в околоядерную зону, является микрополе «Симптомы болезни». Это МКП весьма неоднородно по частеречному составу; оно содержит 187 единиц. Внутри МКП встречаются более мелкие подгруппы, единицы которых подвергаются дальнейшей детализации и конкретизации.

Группировка «Причины заболевания», относящаяся также к околоядерной зоне, насчитывает 146 единиц. Немногочисленная по составу группировка «Состояние больного» рассматривается как МКП, которая содержит 16 единиц. Группировка «Субъект лечения» представлена ЛСГ, состоящей из 12 единиц, таких как: медицинский персонал, врач, врач-специалист, врач-участковый, врач-нейрохирург, педиатр, терапевт, невропатолог, операционная бригада и др. Группировка «Лечебно-профилактические учреждения» представляет собой ЛСГ и состоит из 11 единиц: лечебно-профилактические учреждения, лечебное учреждение, стационар, сосудистое отделение, хирургическое отделение, ожоговый центр, санитарный транспорт, клиника [клинический], госпиталь [госпитальный], санаторий-профилакторий.

Наконец, периферия ЛСП «Болезнь» в УНР медиков представлена 10 группировками: «Методы лечения заболеваний», «Исход болезни, результаты лечения и исследования», «Методы обследования и диагностики болезней», «Методы предупреждения болезней», «Лекарственные средства лечения», «Области медицины», «Медицинская техника», «Система подготовки медиков», «Место изготовления и хранения лекарств», «Докумен-

ты». Самой крупной и неоднородной периферийной группировкой является группировка «Методы лечения», рассматриваемая как микрополе. Оно насчитывает 353 единицы. Внутри МКП наблюдаются многочисленные разветвления, детализирующие и конкретизирующие ту или иную единицу. Группировка «Лекарственные средства лечения» представлена разветвленной ЛСГ, насчитывающей 188 единиц. Поскольку эта ЛСГ включает в себя исключительно номенклатурные названия лекарственных препаратов, мы не будем перечислять все элементы ЛСГ, а приведем лишь названия подгруппы ЛСГ «Лекарственные средства». Общими названиями лекарственных средств являются 4 единицы ЛСГ: лекарственный препарат, лекарственное средство, медикаментозное средство и лекарство.

Группировка «Методы обследования больных и диагностики болезней» насчитывает 79 единиц. Она рассматривается как МКП и состоит из общей группы существительных, общей группы глаголов и 4-х подгрупп: «Физикальные методы», «Лабораторные методы», «Инструментальные методы» и «Комбинированные (смешанные) методы диагностики». Общая группа существительных представлена 7-ю единицами (обследование больного, выявление (болезни), распознавание (болезни), диагноз [диагностический], диагностика, дифференциальная диагностика). Общая глагольная группа включает в себя 5 лексем (смотреть, осмотреть, диагностировать, распознавать (болезнь), пунктировать). Группировка «Исход болезни» насчитывает 43 единицы и рассматривается как микрополе, состоящее из глагольной группы, группы прилагательных, группы существительных и подгруппы «Последствия болезни». Группировка «Методы профилактики болезней» представляет собой МКП и насчитывает 21 единицу. Группировка «Медицинская техника» представляет собой ЛСГ и насчитывает 58 единиц. Внутри ЛСГ наблюдается ряд подгрупп. Группировка «Области медицины» представлена ЛСГ, в состав которой вошло 20 единиц.

Оставшиеся 3 группировки (условно), относящиеся к периферии в УНР медиков, представлены единичными лексемами в исследованном нами материале: «Система подготовки медиков» – медицинский институт; «Место изготовления лекарств» – [аптечный]; «Документы» – история болезни. В другом материале количество единиц этих трех группировок (по-видимому, ЛСГ), возможно, увеличится. Эти последние предположительно условные ЛСГ отнесены нами к таковым в связи с тем, что в каждой из них в материале УНР медиков выделено лишь по одной единице, а одна единица не может образовывать ЛСГ. Но мы правомерно допускаем, что в другом материале или в материале большего объема всегда могут обнаружиться слова и словосочетания, способные по своим семантическим и количественным показателям сформировать эти, названные нами предположительными, группировки – ЛСГ.

Таким образом, УНР медиков имеет свои особенности в полевой организации, которые обусловлены, в первую очередь, учетом особенностей адресата. Нашим материалом исследования были записи лекций для студентов-медиков, которые не являются еще специалистами, поэтому строение поля «Болезнь» имеет свои особенности: по сравнению с ПНР в нем появляются нетерминологические конкретизирующие лексические единицы. Однако, как замечают исследователи, строение полевой структуры зависит также и от сложности системы языка, которая допускает возможность различного выделения группировок [Полевые структуры в системе языка, 1989]. Возможно, что более обширный материал исследования позволил бы представить более детальную организацию ЛСП «Болезнь» в УНР медиков. Но, вне всякого сомнения, ключевые единицы данного поля были бы идентичны тем лексическим единицам, которые были описаны нами выше.

ЛИТЕРАТУРА

Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западнороманских языках. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.

Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. – 198 с.

О. Б. Сиротинина
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Лидия Ивановна Баранникова работала в СГУ сначала как совместитель, а с 1963 г. стала заведовать кафедрой, в рамках которой начала формироваться из ее учеников Саратовская лингвистическая школа, известная не только в России, но и в мире. И, хотя основные труды Лидии Ивановны были связаны прежде всего с диалектологией и лингвогеографией, ее научные интересы и вклад в лингвистику были гораздо шире – это и разговорная речь, и проблемы терминоведения, и многое другое, а еще больше она, не занимаясь чем-либо лично, настраивала своих учеников на исследование проблем словообразования, ономастики и топонимии, истории русского языка и многого, многого другого. Именно она создала разветвленную школу лингвистов, работающих сейчас во многих вузах не только

нашей страны. Именно ей ее последователи (не только непосредственные ученики и не только русисты) обязаны сохранением таких основополагающих принципов, как внимание к реальным фактам речи, их связи с языковой системой, учет социального влияния на речь и язык, роль количественного фактора, а также особым интересом именно к живой, а не только отраженной в письменных текстах речи. Поэтому не случайно, что конференция к 100-летию со дня ее рождения посвящена именно проблемам устной речи.

Однако мне (первой ее аспирантке) захотелось представить на этой конференции не просто какие-то результаты исследования устной речи, но прежде всего обратить внимание на принципиальность различий устной и письменной речи, продемонстрировать это на ряде реально наблюдаемых фактов современного функционирования русского языка. Конечно, я не открываю Америки, все принципиальные различия уже известны, но, надеюсь, что то, как эти различия реально сейчас проявляются, как конкретно происходит взаимовлияние устной и письменной формы русского языка, в том числе в устных и письменных СМИ, и каковы последствия этого, не будет бесполезно.

В истории человечества первична устная речь, хотя какие-то знаки, ориентированные на их восприятие зрением (зарубки на деревьях, рисунки на камне) могли быть и раньше появления устной формы языка. Появление письменности, фиксирующей сообщения на длительное время и позволяющей общаться на расстояниях, превышающих возможности человеческого слуха, привело к созданию двух **разных** форм языка. Различия касаются не только органов производства и восприятия речи с их анатомо-физиологическими ограничениями (устно невозможно представлять таблицу, письменно – оттенки интонации), но и самого существа языковых возможностей, что было осознано лингвистами только с началом работ по автоматическому переводу, т. е. во второй половине XX в. До этого были только гениальные догадки и прозрения в отношении отдельных фактов речи, и, пожалуй, самая потрясающая своей принципиальной объемностью мысль А. С. Пушкина, высказанная им в «Письме к издателю» [Пушкин 1949: 439]: язык письменный и язык разговорный – это два разных языка, что привело к коренному изменению речи персонажей в текстах литературных произведений.

Но только при работе над автоматическим переводом в этом убедились ученые, когда столкнулись с «машинным восприятием» устной речи, и оказалось, что в устной речи «не работают» письменные различия падежных окончаний в типах склонения существительных и т. д. (см., например, работы Т. Н. Молошной). Сравнительно давно уже (однако меньше века назад) установлена принципиально разная роль длины предложений в устной и письменной речи и выявлены последствия [Лущихина 1968], а цена игнорирования этого различия – авиационные аварии (при

переходе на сверхзвуковые скорости), вызванные невозможностью воспринимать длинные команды руководителя испытательных полетов. В устной речи отсутствуют причастия и деепричастия. Сам говорящий из-за ограниченности объема оперативной памяти **не может** выстроить правильную организацию предложений с ними (знаменитое *Любуясь прекрасным видом, у меня с головы слетела шляпа*). Незнание этого (при ориентации на письменную речь как на эталон правильности) приводит к тому, что подобные построения постоянно встречаются в радио- и телепрограммах (особенно часто в рекламе, но, бывает, и в новостных программах – даже в речи журналистов): *Слушая американского, российского и китайского лидеров, складывалось впечатление*, что ….. («Междунар. жизнь» Радио России 25.10.15). Остановимся на некоторых различиях подробнее.

1. Принципиально различны закономерности размещения слов в звучащем и написанном предложении, но обнаружено это тоже было только в 60-х годах XX в. (см. работы [Сиротинина 1965; Адамец 1966; Ковтунова 1967; Лаптева 1967; Кв. Кожевникова 1971 и др.]). До этого даже такие выдающиеся ученые, как М. Н. Петерсон и А. М. Пешковский, утверждали, что порядок слов в русском языке свободный на основании его рассмотрения без разделения прозаической и поэтической речи, речи автора и персонажей художественной литературы. Подобное представление привело к тому, что этот порядок слов фактически исключен из школьного образования. В современной письменной речи (особенно в печатных СМИ) порядок слов часто не учитывается, что не просто нарушает языковые нормы, но и затрудняет понимание текста.

В устной речи порядок слов более свободен (кстати, то же наблюдается в английской устной речи, несмотря на строгую фиксированность порядка слов в английской письменной речи [Скребнев 1985]. В данном случае не так важны конкретные факты размещения слов, как принципиально разные функции порядка слов в русском языке в его разных формах.

В письменной речи это 1) выражение актуального членения из-за отсутствия в ней иных средств (кроме чисто графического и шрифтового подчеркивания выраженной словом информации); 2) организация словосочетаний (наряду с морфологическими средствами оформления согласования и управления) и 3) стилизация звучащей речи, ее фольклорной окраски или иноязычия персонажа и средство так называемой эмфатичности (повышенной эмоциональности) предложения, получившие в целом название *стилистическая функция*.

Отсюда закономерности размещения слов: тема в начале, рема в конце предложения в эмоционально нейтральной прозаической речи и их инверсия в эмфатической речи, особых стилистически окрашенных построениях: фольклорная окраска в сказках (изначально устных: *Жили-были старик со старухой*) и в стилизациях устного рассказа (*Служил на Кавказе один барин*) с постановкой сказуемого перед подлежащим независимо

от актуального членения (вернее, фактически нечленимых на тему и рему). Начиная с А. С. Пушкина функция стилизации разговорности речи персонажей порядком слов стала фактически обязательной в художественной литературе, хотя и в разной степени используемой (от сигналов у А. П. Чехова и его последователей до усиленного воспроизведения у Л. Н. Толстого и его последователей).

Наибольшее количество ошибок в порядке слов письменной речи связано с двумя моментами. Чаще всего это пренебрежение второй функцией – функцией организации сочетаний. В газетах встречаются неправомерные расположения (так называемые непроективные), затрудняющие восприятие и понимание смысла. См., например: *Подобные дела являются своеобразным тестом на человечность для общества* (более проективным было бы размещение *для общества* в начале, так как оно не связано с *человечность* или хотя бы перед *являются*); *Она стала первым подобным в мире оперативным вмешательством*. Нарушена связь *первым* и *в мире*.

Вспомним скандал, разразившийся в связи с плакатом к *70-летию освобождения Ленинграда от блокады немецко-фашистскими захватчиками»*, опубликованное несколько десятилетий назад в «Крокодиле» постановление горсовета: *Обязать владельцев собак держать на привязи*. Нередко и сейчас в газетах читаем: «*В зоопарке живёт самая удивительная лошадь на планете по кличке Эклипс*». И таких несуразных построений десятки. Приведу еще два: *Во Владикавказ прибыла и лучшая группа в стране гляциологов*; *Девушка не смогла убить себя дважды* – выходит один раз убила?

Особенно важно уменьшать непроективность в сложных сочетаниях, следить, чтобы не создавались ненужные словосочетания (как в примере с плакатом). Иногда справиться с этим изменением только с помощью порядка слов не удается, тогда следует перестроить все предложение. Так, в приведенном предложении на плакате *70-летие освобождения Ленинграда от блокады немецко-фашистскими захватчиками* для однозначного понимания надо либо вставить *освобождения* ***советскими войсками***, либо убрать творительный падеж *немецко-фашистскими захватчиками*, превратив его в определение: *от немецко-фашистской блокады*.

Аналогично такое же ошибочное понимание может возникнуть в построении сложных предложений (*Капитан привез медведя, который рассказал нам много интересного – который* морфологически связан и с *капитаном*, и с *медведем*, а своим расположением – именно с *медведем*).

Второй момент – неоправданная надежда на порядок слов в расположении существительных с одинаковой формой (*Мать любит дочь*; *Прыжок зверя опередил выстрел*; *КГБ переиграло ЦРУ* и т. д.). Как эти слова ни располагать, разграничения подлежащего и прямого дополнения не происходит, хотя в последних двух предложениях это очень существенно.

В звучащей речи эти три функции не актуальны. Первые две из-за своей избыточности (актуальное членение и организация словосочетаний осуществляются интонационно с очень большой четкостью), поэтому при восприятии правильно интонированной речи никому не придет в голову объединить *владельцев* и *держать на привязи* в попавшем в «Крокодил» принятом с голоса постановлении «Обязать владельцев собак держать на привязи» из-за перепада движения основного тона (вверх на «собак» и вниз на «держать», создающего восприятие паузы). В письменной речи интонирование ремы (повышенная четкость произнесения и резкое понижение частоты основного тона) только подсказывается порядком слов и специальными рематическими частицами (*даже*, *только*, *и*) или эмоциональным наполнением семантики слова (*чуден*, *понравился*, что далеко не всем известно), тогда как в устной речи выражена самим звучанием – интонационно.

Третья функция (стилистическая) в условиях спонтанной речи почти никогда не осуществляется из-за отсутствия времени на выбор стилистически эффективного. Основная функция порядка слов в звучащей речи – выражение степени коммуникативной значимости: наиболее значимое выносится вперед, а менее значимое добавляется к нему и почти не слышно. Обычно это размещение значимого (рема) не в конце и не в начале предложения, когда адресат еще не подготовлен, к его восприятию, а в середине предложения, хотя в принципе возможно и действительно встречается в любом месте предложения: ***Я*** *купила торт* (в смысле ‘не кто-то другой’; *Я* ***купила*** *торт* – важно, что ‘купила’, *торт* проглатывается; *Я купила* ***торт***, ‘а не пирожные’). Порядок слов не меняется, важно, какое из слов – рема, а она на любом месте выражается интонационно.

Перемещение наиболее значимого в центр предложения то ли породило, то ли, наоборот, явилось следствием типичной для русской интонации конфигурации движения основного тона ⌒, причем начало предложения еще не очень улавливается адресатом, а конец предложения настолько проглатывается (звуковые колебания на осциллограмме доходят до нуля), что при расшифровке диктофонных записей даже звучащих СМИ, тем более РР удается расслышать только при троекратном прослушивании. К сожалению, современные радио- и тележурналисты этого или не знают, или не контролируют свою речь в должной степени.

В результате действия этих закономерностей возникло различие в принципе размещения согласованных определений в устной и письменной речи. Конечно, чаще всего они предшествуют определяемому существительному в любой форме речи, но для устной характерно размещение малозначимых в постпозиции: *брат мой* – в сознании говорящего он именно **брат** (*мой* само собой разумеется и, если произносится, то как нечто коммуникативно незначимое – безударное или явно добавленное как

‘на всякий случай уточняющее’). На письме это появляется только как стилизация или, наоборот, с выделением, обособлением (‘мой, а не мужа’).

Несогласованное определение в письменной речи может быть только в постпозиции (*брат отца*), тогда как в устной, если это важно, скорее будет препозиция (*отца брат*).

Особенно показательны в различиях устного и письменного порядка слов сочетания глаголов с дополнением. В письменной речи, если они не нарушены актуальным членением (*Торт он купил, а про сыр забыл*), то это всегда постпозиция (*купить что кому*), в реальных текстах предпочтительнее при этом с порядком *кому что*, так как связь с прямым дополнением сильнее, поэтому действует и на расстоянии, а для более слабого управления нужна контактность размещения с управляющим словом. В устной речи предпочитается препозиция дополнений, если они важны, а малозначимые обычно просто вообще опускаются (*Ты торт купила*? – *Купила*).

Подчиняясь закономерности размещать всё в зависимости от степени значимости, в устной речи, в отличие от письменной, постпозитивными могут быть и союзы (*если, когда*: *Он приходил когда, что-нибудь приносил*), и вопросительные частицы (*Он приходил разве?*), даже те, что в письменной речи подсказывают рему (*Он приходил даже*): из-за интонационной выделенности полнозначного слова (собственно и являющегося ремой) в устной речи они становятся незначимыми, и если произносятся, то проглатываясь.

2. Менее заметна даже современным лингвистам правильная и вполне приемлемая для восприятия письменной речи, часто практикуемая и насаждаемая пособиями по культуре речи замена терминов, собственных имен и других «индивидуализирующих» номинаций на местоимения или более обобщенные гиперонимы (*Пушкин → он* / *этот поэт* / *этот гений XIX в.*; В Дели → *в этом городе* / *стране* / *там* / *здесь*; и т. д.). В письменной речи такие тематические цепочки помогают избегать повтора слов, и при этом в ней легко устанавливаются связи обобщающих слов с их гипонимами. В устной речи эти связи уже не так наглядны, так как полный текст даже одного предложения из-за ограниченного объема оперативной памяти (7±2) в сознании слушающего не сохраняется.

В результате вполне нормативные построения письменной речи в звучащей по радио или телевидению новостной программе часто оказываются недопустимыми с точки зрения полноты передаваемой информации. Например, характерны в этом аспекте малоэффективные тексты рекламы типа *Вам может помочь* «*Парацельс*». *Этот прибор <…> Прибор разработан российскими учеными. Он запатентован. Прибор помогает при многих заболеваниях глаз. Вы можете подробнее узнать о его действенности и заказать по телефонам* <…> и т. д. Но больше название прибора не упоминается. Как же заказать неведомо что? Ведь в этом ООО может распространяться не один-единственный прибор, а несколько. Ана-

логично звучат рекламы многих препаратов. Я в отличие от многих рекламу не выключаю и приборами, препаратами для лечения глаз интересуюсь, но название «Парацельс» уловила далеко не с первого раза. Получается, что такая звучащая реклама (и оплачиваемая компаниями) в отличие от ее печатного распространения оказывается бессмысленной тратой денег. Подводит ориентация на письменные нормы.

Вся письменная речь ориентирована на зрительное восприятие, что позволяет безболезненно использовать омофоны, без особого риска (при знании правил их употребления), причастия и деепричастия, знаки пунктуации, шрифт (как на слух различить, о чем или о ком идет речь в сочетании *продавец А / алмазов*?), огромную роль для понимания играет и контекст, который можно перечитать.

Звучащая речь больше опирается на конситуацию, благодаря которой одинаково звучащие вопросы *Где же ребёнок?* и *Где жеребёнок?* воспринимаются однозначно, но в зависимости от ситуации, а вот случайно совпавшие по звучанию в не очень четком произношении легко могут подвести. Так, в ситуации наливания гостю кофе, когда был задан вопрос *А какой оклад ей положили?*, в ответ последовал удививший задававшего вопрос ответ *Нисколько* / *я с тортом буду*: было ошибочно воспринято *Сколько сахару положить?* И если быть внимательным к повседневной речи, станет ясно, что подобные неправильные понимания, тем более их риски встречаются очень часто.

К рискам неправильного понимания приводит часто и неоправдавшаяся надежда на общность апперцепционной базы, особенно в отсутствие предметов, о которых идет речь (часто в телефонных разговорах). Так, *Сколько можно*! в значении ‘как можно больше!’ в одном из реальных разговоров по телефону было воспринято как ‘Сколько можно привозить, хватит уж’ и гречка не была куплена, хотя была очень нужна.

Неполнота выражения мыслей, как и произносительная нечеткость, характерны для обиходной речи, и в ней благодаря опоре на общность апперцепционной базы и конситуацию вполне позволительны, но недопустимы в их отсутствие, т. е. в официальной речи, в том числе и в СМИ.

Так, несколько лет назад в московском метро попытались изменить порядок слов в объявлениях, казалось бы, на вполне правомерный с точки зрения норм разговорной речи: не *Следующая станция – Кропоткинская* (тема – рема), а *Кропоткинская* (рема) – *следующая* (тема), но в результате посыпались жалобы (особенно от приезжих), так как фактически они «пропускали» мимо сознания первое слово и «слышали» только *следующая*. Пришлось вернуть официальное объявление.

В тематических цепочках дело не в порядке слов, но опять-таки первое слово в новостном сообщении в сознании не задерживается даже у тех, кто слушает новости целенаправленно, а таковых – единицы. Большинство – как бы «вполуха» (во время еды, уборки, часто разговора). Вот и получа-

ется, что в сообщении улавливается рема, но, где это случилось, остается неизвестным, несмотря на повторения темы в более обобщенном выражении.

3. Из всего сказанного можно сделать вывод, что устная речь, если она действительно устная, а не озвученная письменная, отличается не только меньшей нормированностью. Неизбежно «право» на ошибки, некоторую корявость, связанную с невозможностью не только черновика, но и предварительного продумывания предложения. Каждое из таких «прав» формируется буквально на ходу, отсюда меньшая отточенность в выборе синонимов (они значительно менее разнообразны, чем в письменной речи), так как для поиска нужного слова в устной речи не хватает времени. В ней неизбежно появляются либо раздражающие адресата паузы, либо менее раздражающие их заполнители-хезататативы и даже еще более раздражающие слова-паразиты (однообразные лишние словечки). Часто это даже не привычные хезитативы типа *а–а*; *м–м*, более «грамматичные» частицы *ну*; *вот* и даже потерявшее свою роль показателя неполной похожести *как бы*; но и, казалось бы, совсем полнозначные *так сказать*; *скажем*, *понимаешь* / *понимаете*. *Как бы* даже вошло в моду как своеобразный показатель скромности говорящего, несмотря на всю нелепость его употребления во фразах: *Я как бы приехала*; *Я как бы заболела*; *Я как бы выступаю сейчас на всю страну* – из новостных разговоров со случайными коммуникантами (очевидцами чего-либо, местными жителями, прохожими). Естественно, что в письменной речи такое просто невозможно, а в устной разнообразные хезитативы даже помогают общению, создавая возможность воспринимать речь без напряжения (хезитатив – время на превращения, «перевод» слов в свой предметный код мысли), понимать смысл сказанного, а не запоминать слова (вспомним об ограниченном объеме оперативной памяти).

4. Я постаралась показать именно принципиальность различий письменной и устной речи. Но мониторинг речи (печатных и звучащих СМИ, научной речи и повседневной) показал много неожиданного, даже парадоксального в тех речевых фактах, с которыми пришлось столкнуться в процессе мониторинга, фиксирующего многие факты речи. Известно, что существует языковая мода. Создан даже словарь модных слов [Новиков 2012], а у всякой моды свои законы, в том числе – повторяемости. Своеобразные «волны» деструкции нормы и самоочищения речи заметны в своем чередовании на протяжении и всего нескольких лет, и столетий (по данным ruscorpora.ru). Парадоксальным, на мой взгляд, является не то, где мода рождается (сейчас совершенно ясно, что создается она в СМИ и в Интернете). И не то, что чередование «волн» вызвано взаимодействием СМИ и речи масс: зародившись в СМИ, модное влияет на речь масс, которая в свою очередь в качестве узуальной нормы возвращает его в СМИ, и так «волны» чередуются. Парадоксально то, что массой подхватывается

не только сниженное, что в результате огрубляет речь, но и книжное. Из СМИ в речь массового адресата перешли книжные *нелицеприятно, весьма, крайне, абсолютно, чрезвычайно*, пока мне еще не встречалось в повседневной речи *сугубо*, но с явным увеличением его частоты в звучащих СМИ ожидаю и его появления в повседневной речи.

Обратный процесс (всё учащающееся использование в СМИ сниженной лексики – ее новая «волна») уже не удивляет, так как этому способствует рост общения в соцсетях Интернета. А вот переход в повседневную речь слов книжных, причем далеких от наиболее частотных в СМИ, удивляет, но факт есть факт, хотя он и парадоксален. Диалектологам известно явление гиперурбанизации – ложно реализуемого стремления к литературности речи. Хорошо помню высказывание одной из деревенских старушек: *Некультурно говорить Куда пошла*? *Не надо кудахтать*. *Надо спрашивать Далёко ль идёшь*? Видимо, что-то в этом роде происходит и в повседневной городской речи сейчас (не учитывается, например, морфемный компонент – *лице* – в слове *нелицеприятный*, и оно, диффузируясь, начинает заменять собой *неприятный*).

Не совсем понятного, иногда загадочного в происходящих процессах все еще много. Именно поэтому, видимо, В. М. Алпатов в одной из своих последних статей [Алпатов 2015] основной задачей современного этапа лингвистики считает набор новых фактов речи, способных иногда коренным образом изменить наши представления о языке. И в следующем номере «Вопросов языкознания» уже опубликован подобный пересмотр – убедительное предложение разделить языкознание на лингвистику речи и лингвистику языка [Николаева 2015]. С опорой на высказывания лингвистических титанов прошлого это фактически новое понимание сущности языка как артефакта и речи как то, что всегда исторически предшествует языку [Там же: 14-15], является не индивидуальной речевой деятельностью, а объективной реальностью, которую надо изучать и знакомясь с которой ребенок овладевает языком. Междометия входят в ее коммуникативный фонд наряду с фразовой интонацией, порядком элементов и т.д., пересекаясь с уровневой языковой системой. Основанием такого вывода является изучение огромного фактического материала: списки междометий 13 разных языков (74 списка, в каждом больше приводимых 25) и анализ их окружения, названного в статье «конвоем изолированного высказывания», без которого по-настоящему понять смысл изолированного предложения невозможно [Там же: 16].

Прочитав эту статью, я осознала, что в основном Лидия Ивановна работала именно на лингвистику речи и прививала эти аспекты исследования своим ученикам. Это и мое изучение порядка слов в разных видах речи с вниманием к выражению коммуникативной значимости составляющих предложения в звучащей речи, и к ассоциативным связям в сознании людей в научных изысканиях В. Е. Гольдина, А. П. Сдобновой, и докторская

диссертация Г. Г. Полищук, за понимание ценности которой Лидия Ивановна сражалась и которая уже посмертно была опубликована [Полищук 2011] и получила очень положительные рецензии [Шкатова 2012]. В целом можно сказать, что все ученики и ученики учеников Лидии Ивановны, не забывая о лингвистике языка, много внимания уделяют лингвистике речи.

ЛИТЕРАТУРА

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. – Praha: Academia, 1966. – 99 с.

Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. – 2015. – №3. – С. 7-21.

Ковтунова И. И. Принцип словорасположения в современном русском языке // Русский язык: грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 96-146.

Кожевникова Квета. Спонтанная устная речь в эпической прозе. – Praha: Universita Karlova, 1971. – 168 с.

Лаптева О. А. Расположение компонентов в группе «определяемое одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи // Русский язык: грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 147-165.

Лущихина И. М. Экспериментальное исследование психолингвистической значимости грамматической структуры высказывания // Теория речевой деятельности. – М.: Наука, 1968. – С. 90-101.

Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометиях) // Вопросы языкознания. – 2015. – №4. – С. 7-20.

Новиков Вл. Словарь модных слов языковая картина современности. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 256 с.

Полищук Г. Г. Необходимые и факультативные определения в русском языке: коммуникативная и конструктивная роль / Науч. ред. Д. В. Калуженина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – 300 с.

Пушкин А. С. Письмо к издателю // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах, т. VII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 435-442.

Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1965. 172 с., V изд. – М.: Ленанд, 2014. – 176 с.

Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 169 с.

Шкатова Л. А. Рецензия на монографию Г. Г. Полищук «Необходимые и факультативные определения в русском языке: коммуникативная и конструктивная роль» // Вестник Челябинского университета. – Филология. Искусствоведение. – 2012 – Вып. 71. – С. 138-139.

Е. В. Старостина
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА АССОЦИАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИСПЫТУЕМЫХ

В настоящий момент уже с уверенностью можно говорить о том, что в языкознании сформировались особая отрасль знания – ассоциативная лексикография, это так или иначе отмечают многие исследователи (см. работы Е. И. Горошко, Н. В. Уфимцевой, В. Е. Гольдина, А. П. Сдобновой, О. В. Гусельниковой и других исследователей). Как отмечает В. Е. Гольдин, благодаря этому «открываются возможности использовать в исследовательских целях совокупности соотнесенных между собой данных различных ассоциативных словарей» [Гольдин 2006: 149].

Существует огромное множество возможностей использования результатов ассоциативных экспериментов, при этом возникает закономерный вопрос: какие именно факторы «заставляют» испытуемого выбрать ту или иную реакцию, в чем причина различий одноименных ассоциативных полей, полученных из разных источников, какие факторы являются ведущими и как именно они влияют на стратегии ассоциативного реагирования и характер ассоциативного поля?

В. А. Долинский, описывая основные причины, определяющие выбор испытуемым той или иной ассоциативной реакции, помимо собственно языковых выделяет также такие факторы, как условия эксперимента (обстановка, требования, предъявляемые испытуемым, степень их общности, какие-то случайные факторы и т.п.) и характеристики испытуемых (возраст, пол, образование, профессия, жизненный опыт, психологические особенности личности и т.п.) [Долинский 2012]. Можно сказать, что первая группа факторов достаточно редко является предметом изучения современных исследователей, тогда как вторая изучена гораздо лучше.

Работы, связанные с влиянием возраста на характер ассоциативного реагирования, проводились в основном на материале детских ассоциаций. В ряде работ ассоциации детей сопоставляются с ассоциациями взрослых. Изучение детских ассоциаций на материале русского языка начало проводиться еще тогда, когда отсутствовали какие-либо словари детских ассоциаций, поэтому на первом этапе материалом исследований в основном являлись результаты ассоциативных экспериментов с детьми разного возраста. В настоящее время существует целый ряд ассоциативных словарей, в которых собраны реакции детей в возрасте от 3 до 17 лет, что значительно

упрощает изучение детских ассоциаций. Это Словарь детских ассоциаций Н. И. Бересневой, Л. А. Дубровской и И. Г. Овчинниковой (ПАС 1995, ПАС 2000), в котором представлены ассоциации детей от 6 до 10 лет; Ассоциативный словарь ребенка Т. В. Соколовой (АСР 1996), в нем представлены ассоциации дошкольников 3-6 лет; Ассоциативный словарь подростка Е. Н. Гуц (АСП 2004), в котором представлены ассоциации подростков 15-17 лет; Русский ассоциативный словарь школьников В. Е. Гольдина, А. П. Сдобновой и А. О. Мартьянова (АССШС 2011), в нем представлены ассоциации школьников с 1 по 11 класс, т.е. ассоциации детей 7-17 лет.

Результаты ассоциативных экспериментов со взрослыми носителями русского языка собраны также в целом ряде ассоциативных словарей. Это одноязычные словари, дву- и многоязычные словари, различные аспектные словари. Подробный анализ ассоциативных словарей различного типа содержится в работе [Гольдин, Сдобнова 2008]. Наиболее представительным является, конечно, Русский ассоциативный словарь-тезаурус под ред. Ю. Н. Караулова (РАС), т.к. в нем собраны реакции более чем на 6 тысяч стимулов.

Наличие словарей детских и взрослых ассоциаций дает широкие возможности для их сопоставительного изучения, но только в том случае, если в указанных словарях представлены ассоциации на одни и те же стимулы. Для сопоставления различных ассоциативных источников не всегда, однако, оказывается достаточно простого совпадения состава их стимулов. Как отмечает В. Е. Гольдин, проведение такого рода исследований осложняется тем, что зачастую словари кроме всех прочих различий (состав испытуемых, объем и состав стимулов и прочее) содержат результаты различного типа экспериментов (письменно-письменных, устно-письменных, устно-устных) [Гольдин 2006].

Обобщая результаты работы по изучению детских ассоциаций, можно выделить основное направление их исследования – изучение ментального лексикона ребенка на материале ассоциативных реакций. Тот факт, что структура ментального лексикона не остается неизменной, меняется в процессе взросления ребенка, был доказан еще в самых ранних работах по исследованию детских ассоциаций (Палермо 1966; Maršalova 1982; Уфимцева 1983). Современные исследователи пытаются ответить на вопрос, как именно она меняется. И здесь можно говорить об определенных направлениях данного рода работ.

Существует целый ряд исследований, посвященных изучению соотношения парадигматических и синтагматических связей в реакциях детей и взрослых. В ряде работ доказывается, что в русском и других флективных языках с увеличением возраста испытуемых возрастает число синтагматических связей, т.е. у взрослых чаще, чем у детей, встречаются синтагматические ассоциации [Maršalova 1982; Уфимцева 1983, 2011; Овчинни-

кова 2006], в то время как в аналитических языках (например, в английском) наблюдается противоположная тенденция [Палермо 1966]. Многие авторы, анализирующие результаты ассоциативных экспериментов с детьми, отмечают преобладание у них именно парадигматических реакций (см., например, [Белякова 2010]).

Не все исследователи, однако, приходят к аналогичным выводам. Так, в работе Т. В. Соколовой [Соколова 1999] отмечается, что ведущими способами семантического ассоциирования у детей 3-6 лет следует считать синтагматические и тематические ассоциации, то есть ее выводы не совпадают с выводами большинства исследователей (ср. с выказыванием Н. В. Уфимцевой, которая считает, что «для русского языка типичным оказывается преобладание парадигматических реакций в ответах детей по сравнению с реакциями взрослых и увеличение числа синтагматических реакций по мере взросления» [Уфимцева 1981: 137]).

К подобным выводам приходят Г. И. Николаенко, Т. М. Рогожникова и Э. А. Салихова, в работах которых содержатся упоминания об увеличении с возрастом количества парадигматических реакций [Николаенко 1973; Рогожникова 1986; Салихова 1999].

В работах по изучению роли синтагматики и парадигматики в речи больных афазией отмечается, что в норме у взрослых носителей русского языка преобладают парадигматические реакции (66,2 %) [Лепская, Завьялова 1999]; а эксперименты, проведенные Т. В. Ахутиной, выявили, что в норме количество парадигматических и синтагматических реакций практически совпадает (27,37 % и 24,42 % соответственно), а ведущим типом ассоциаций оказываются тематические (38,89 %) [Ахутина 2014].

Очевидно, что на соотношение русскоязычных парадигматических и синтагматических ассоциаций может влиять не только возраст испытуемых, определенную роль может играть множество других факторов.

Первый фактор – это частеречная принадлежность слова-стимула: на глаголы испытуемые чаще реагируют синтагматическими реакциями, чем на существительные [Уфимцева 2011].

Влияние частеречной принадлежности слова-стимула на соотношение синтагматических и парадигматических реакций иногда действительно оказывается весьма сильным. Так, в работе Н. Е. Кожуховой, которая посвящена изучению онтогенеза вербальных ассоциативных структур глаголов движения у детей 3-16 лет [Кожухова 1991], отмечается, что с возрастом углубляется дифференциация значений слов в процессе сближения вербальных ассоциативных структур у взрослых и детей, но это не приводит к смене стратегий ассоциирования, основным остается синтагматический тип [Там же]. В данном случае, как мы видим, принадлежность стимула к классу глаголов вызывает большое количество синтагматических реакций даже у детей дошкольного возраста.

Существенное влияние оказывает и форма проведения эксперимента: как отмечают многие исследователи, синтагматические ассоциации чаще возникают при проведении эксперимента в письменно-письменной форме, форма эксперимента может оказывать существенное влияние на структуру ассоциативного поля [Доценко 1998, 1999; Бочкарева 1999, 2002; Гольдин 2006; Горошко 2005; Ахутина 2014].

Так, сопоставляя одноименные поля РАС и АСШС, В. Е. Гольдин замечает: «у всех возрастных групп школьников самые частые реакции на стимул *молчать* – не синтагматические (*говорить, тихо* и *тишина*), а наиболее частая студенческая реакция (*долго)* – синтагматическая, и это различие, по-видимому, отчасти объясняется несовпадением форматов проведенных ассоциативных экспериментов, устно-письменного (АСШС) и письменно-письменного (РАС), то есть обусловлено не только разницей в возрасте испытуемых» [Гольдин 2006: 153].

Если рассматривать ассоциативный эксперимент как разновидность коммуникативной ситуации (а с таким подходом к его рассмотрению согласны многие исследователи), то письменную форму проведения эксперимента можно соотнести с речью подготовленной, а устную – с речью спонтанной, неподготовленной [Бочкарева 2002: 155].

Определенное влияние оказывают и индивидуальные особенности стратегии ассоциативного реагирования: в некоторых случаях испытуемый выбирает ту или иную стратегию реагирования, например, предпочитает реагировать только с помощью парадигматических реакций определенного типа [Наумова 1983; Караулов 1999; Гольдин, Сдобнова 2012].

Несомненное влияние оказывает и гендерный фактор [Горошко 2005; Наумова 1983; Уфимцева 2011]. Например, как показало исследование Т. Н. Наумовой, у детей в четырехлетнем возрасте преобладают парадигматические реакции, и у девочек эта тенденция выражена ярче. Этот же тип реагирования превалирует и у шестилетних детей, причем к этому возрасту количество парадигматических реакций уже резко увеличивается у мальчиков [Наумова 1983].

Еще одним фактором является наличие речевых патологий, например, афазий, при которых увеличивается число парадигматических связей по сравнению с нормой [Лепская, Завьялова 1999; Ахутина 2014]. В работах данных исследователей выявляется, что у больных с речевыми нарушениями (афазиями) преобладают парадигматические реакции. Н. И. Лепская и М. В. Завьялова объясняют это тем, что парадигматические отношения раньше устанавливаются в онтогенезе и социогенезе, они наиболее универсальны и автоматизированы. Т. В. Ахутина считает такой вывод спорным, поскольку в других языках (в английском, например) существует тенденция к увеличению парадигматических реакций с возрастом (см., например, [Entwisle 1966]). Исследователь отмечает, что преобладание парадигматических связей может являться «следствием сужения ин-

дивидуальной части лексикона и результатом восстановительного обучения больных» [Ахутина 2014: 111].

Но наиболее важным фактором является, на наш взгляд, то, какую именно классификацию ассоциативных реакций использует исследователь, какие именно реакции он относит к парадигматическим и синтагматическим, выделяет ли он отдельно тематические и фонетические реакции.

Так, например, Ю. Н. Караулов относит к синтагматическим реакции типа *просить – конфета,* т.е. «реакции, в которых синтаксическая связь между членами пары не выявлена, грамматически не оформлена, но с опорой на семантическую или тематико-ситуативную общность стимула и реакции может быть восстановлена» [Караулов 1999: 69]. Такие реакции исследователь предлагает называть «синтаксическими примитивами» [Там же]. Большинство исследователей ассоциативных реакций вслед за Ю. Н. Карауловым относят реакции такого типа к синтагматическим (например, такой подход к пониманию синтагматических реакций отражен в работах И. Г. Овчинниковой).

В ряде работ принято выделять в отдельную группу тематические реакции (типа *ребенок – коляска*), не относя их ни к синтагматическим, ни к парадигматическим [Завьялова 2001; Кожухова 1991; Соколова 1999; Овчинникова 2006]. При этом М. В. Завьялова считает, что тематические ассоциации тоже по сути являются синтагматическими, так как «многие из них основаны на глубинной предикации» [Завьялова 2001: 63].

Спорным является и вопрос о том, относить ли различные фонетические и асемантические реакции к парадигматическим. Например, в работе той же Н. Е. Кожуховой к парадигматическим реакциям отнесены в том числе и эхолалии (то есть повторы слова-стимула) [Кожухова 1991]. Н. А. Гасица, напротив, в своей работе опирается на очень подробную классификацию А. Р. Лурии, в которой различные асемантические реакции выделены в отдельные группы (отказы, экстрасигнальные реакции, персеверации, повторы, рифмы, словообразовательные реакции) [Гасица 1990].

Традиционно под парадигматическими реакциями понимаются реакции того же грамматического класса, что и стимул, а синтагматические реакции определяются как слова разного со стимулом грамматического класса (см., например, [Глухов 2005; Долинский 2012]). В то же время в исследованиях А. А. Залевской было установлено, что принадлежность слова-стимула и полученной на него реакции к одному и тому же грамматическому классу не обязательно свидетельствует о наличии парадигматической связи между ними, а слова, относящиеся к разным грамматическим классам, не всегда связаны синтагматически [Залевская 1994].

Как считают многие исследователи, каждый автор строит свою типологию ассоциативных реакций в зависимости от того, что именно его интересует, данная типология разработана пока недостаточно, поиск различных оснований для классификации ассоциативных реакций еще далеко

не завершен [Гольдин, Сдобнова 2012; Рогожникова 2000; Залевская 1994, 2011; Горошко 2001; Караулов 1994], и главное – необходимо пересмотреть и четко определить основания для разграничения парадигматических и синтагматических ассоциативных реакций [Залевская 1994].

Все вышеперечисленные сложности, возникающие с отнесением реакции к той или иной группе, и разные подходы к решению этих проблем, несомненно, могут повлиять на результаты подсчета количества реакций разного типа и в ряде случаев (в совокупности с другими факторами) привести к диаметрально противоположным выводам.

Конечно же, влияние фактора возраста не исчерпывается только влиянием на соотношение парадигматических и синтагматических реакций в одноименных полях, помимо этого с возрастом меняется и качество реакций. Поэтому довольно большое количество работ, посвященных изучению речевого развития ребенка на материале ассоциативных реакций, ставит перед собой цель выявить типы ассоциативных связей и определить факторы, влияющие на детское ассоциативное поведение, а также установить некоторые закономерности изменения реакций. В целом ряде работ производится сопоставление ядра ментального лексикона детей и взрослых, существуют работы, посвященные анализу детских ассоциаций на материале двух и более языков, что позволяет выявить закономерности, общие для ассоциативной системы любого языка. Но обзор данных направлений возрастного аспекта ассоциаций является предметом отдельного изучения.

Главный вывод, который можно сделать на основе представленного выше обзора, заключается в том, что, несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных изучению влияния фактора возраста на характер ассоциативных реакций, исследователи не всегда приходят к однозначным и очевидным результатам. То же самое можно сказать и о влиянии других факторов, таких, как пол, профессиональная принадлежность, индивидуальные психологические особенности личности. Наличие разнообразных исследований в данных областях не позволяет, тем не менее, сделать каких-то выводов, которые можно было бы считать безусловно верными и обязательными для всех русскоязычных ассоциативных полей. Все это свидетельствует о том, что работа в данном направлении далеко не завершена и проблема влияния разнообразных факторов на характер ассоциативного поля требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Entwisle D. R. Word associations of young children. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1966. – 597 p.

Maršálová L. Psycholinguistická analýza vývinu lexiky (asociačné štructúry v subjektívnom slovníky). – Bratislava: SPN, 1982. – 207 c.

АСП 2004 – Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. – Омск: «Вариант-Сибирь», 2004. – 156 с.

АСР 1996 – Соколова Т. В. Ассоциативный словарь ребенка: вербальные реакции детей 3-7 лет. – Архангельск: ПМПУ, 1996. – Ч. 1: От стимула к реакции. – 254 с.; *Соколова Т. В.* Ассоциативный словарь ребенка: частотный словарь корней в ассоциативном тезаурусе ребенка дошкольного возраста. – Архангельск: ПМПУ, 1996. – Ч. 2: От реакции к стимулу. – 306 с.

АССШС 2011 – Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I-XI классов: в 2-х томах / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.

Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 424 с.

Белякова Л. А. Ассоциации как проявление дискурсивности мыслительной деятельности (на основе данных ассоциативного эксперимента с детьми 6-летнего возраста) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 105-106.

Бочкарева Е. В. Влияние формы эксперимента на ядро ассоциативного поля младшего школьника // Проблемы детской речи – 1999: материалы Всерос. конф. Санкт-Петербург, 24 – 26 нояб. 1999. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – С. 35-39.

Бочкарева Е. В. Динамика ассоциативных связей с опорой на ударный гласный у детей-подростков // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. – С. 154-157.

Гасица Н. А. Ассоциативная структура значения слова в онтогенезе: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1990. – 15 с.

Глухов В. П. Основы психолингвистики. – М: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

Гольдин В. Е. Русская ассоциативная лексикография и исследование возрастной динамики ассоциативных полей // Вопросы психолингвистики. – 2006. – №4. – С. 148-155.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. К проблеме коммуникативного анализа ассоциативных данных // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 7. – Сер. Филология, журналистика. – С. 3-7.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. К типологии ассоциативных словарей русского языка // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №7. – С. 118-121.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: [Электронный ресурс]. URL: http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38.

Горошко Е. И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – №3. – С. 53-61.

Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М.; Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. – 437 с.

Гусельникова О. В. Динамика ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских (на материале концепта «друг») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №6. – Ч. 2. – С. 66-69.

Долинский В. А. Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. – М.: Тезаурус, 2012. – 512 с.

Доценко Т. И. Влияние экспериментальной ситуации на ассоциативное поле младшего подростка // Проблемы детской речи – 1999: Материалы Всерос. конф. Санкт-Петербург, 24 – 26 нояб. 1999. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. – С. 61-62.

Доценко Т. И. Влияние экспериментальной ситуации на процесс и характер ассоциирования // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – СПб., 1998. – С. 57-62.

Завьялова М. В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативных экспериментов с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания. – 2001. – №5. – С. 60-85.

Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Залевская А. А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных экспериментов // Структурно-семантические исследования русского языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 5-13.

Караулов Ю. Н. Ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1994. – С. 190-218.

Кожухова Н. Е. Онтогенез вербальных ассоциативных структур глаголов движения: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Минск, 1991. – 20 с.

Лепская Н. И., Завьялова М. В. Синтагматика и парадигматика в речи больных афазией // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – С. 569-583.

Наумова Т. Н. О развитии значения слова в онтогенезе речи // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: Калин. гос. ун-т, 1983. – С. 109-118.

Николаенко Г. И. Онтогенез системных связей в лексике (Психолингвистическое исследование вербальных ассоциаций): автореф. дис. …

канд. филол. наук / АН БССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1979. – 20 с.

Овчинникова И. Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – №4. – С. 85-92.

Палермо Д. Словесные ассоциации и речевое поведение детей // Изучение развития и поведения детей. – М., 1966. – С. 241-286.

ПАС 1995 – Словарь детских ассоциаций // Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Овчинникова И. Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. – С. 106-254.

ПАС 2000 – Обратный ассоциативный словарь: от реакции к стимулу // Овчинникова И. Г., Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Пенягина Е. Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. – С. 107-303.

РАС 2002 – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2002.

Рогожникова Т. М. Взаимосвязь ассоциативного мира слова и текста // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь, ТГУ, 1991. – С. 45-53.

Рогожникова Т. М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантичного слова: автореф. дис. … докт. филол. наук. – Уфа, 2000. – 42 с.

Рогожникова Т. М. Развитие значения полисемантичного слова у ребенка: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 1986. – 14 с.

Салихова Э. А. Структура ассоциативных полей лексических единиц при детском билингвизме: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 20 с.

Соколова Т. В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3-6 лет: автореф. дис. … докт. филол. наук. – Москва, 1999. – 65 с.

Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования процесса формирования значения // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, КГУ, 1981. – С. 132-144.

Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С 140-180.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2011. – 252 с.

Н. Г. Шаповалова
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

ИГРОВАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ГЕРОЕВ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ

Традиция использования языковой игры как «некоторой языковой неправильности (или необычности) <…>, осознаваемой говорящим (пишущим) и намеренно допускаемой» [Санников 2002: 23], в отечественной анимации восходит к эпохе «сталинской» мультипликации. Тогда, 30-50-е годы XX века, студия «Союзмультфильм» активно привлекала к созданию сценариев известных писателей. Например, сценарий «Лимпопо» (1939) создан К. И. Чуковским, «Зимней сказки» (1945) – Е. Л. Шварцем, «Теремка» (1945) – С. Я. Маршаком, «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» (1951) – Ю. К. Олешей, «Друзей-товарищей» (1951) – Л. А. Кассилем.

В современной отечественной мультипликации эту традицию продолжают сценаристы студий анимационного кино «Анимаккорд», «Мельница» и «Dereza», которые создают мультфильмы по мотивам русского фольклора. Так, сюжеты полнометражных анимационных фильмов «Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (2007), «Три богатыря и Шамаханская царица» (2010), «Три богатыря на дальних берегах» (2012) и «Три богатыря. Ход конем» (2015) основаны на киевском цикле русских эпических народных былин. Полнометражные мультфильмы «Иван Царевич и Серый Волк» (2011), «Иван Царевич и Серый Волк 2» (2015), «Как поймать перо Жар-Птицы» (2013), а также получивший мировую известность короткометражный мультфильм «Маша и Медведь» (2009) отсылают зрителя к русской народной волшебной сказке.

Важно отметить, что, несмотря на различные фольклорные источники и сценаристов, их объединяет неповторимая языковая тональность современной отечественной анимации, язык которой значительно отличается от языка советских мультфильмов. Наше исследование показывает, что он представлен целым комплексом игровых приемов, затрагивающих единицы различных языковых уровней.

Например, обыгрывание графической формы слова выполняет в современной анимации сюжетообразующую функцию [Шаповалова 2010]. Так, первый мультфильм «Богатырского цикла» санкт-петербургской студии «Мельница» – «Алеша Попович и Тугарин Змей» – начинается с орфо-

графических ошибок, сделанных в древнерусской летописи осликом Моисеем: *Век стоит Русь – не шатается.* / *И века простоит – не* ***шолох...*** / *не* ***шилох****...* Раздосадованный летописец рвет пергамент, и зрители становятся свидетелями первого приключения Алеши, которое завершается верно написанной фразой *Век стоит Русь – не шатается.* / *И века простоит – не* ***шелохнется.***

Каламбур [Санников 2002: 490] (*Вспомнил Иван, как в детстве встречал Елену. И как* ***поразила*** *она его в самое сердце. И в голову. В общем, крепко досталось Ваньке*; Волк: *Варвара Краса – Длинная* ***Коса****? О! А где* ***коса****?* / Баба-Яга (достает изогнутый нож на длинной рукоятке): *Вот* ***коса****!*) и хиазм [Там же: 18] (Иван: *У вас* ***капусту солят****, а у нас* ***соль капустят****!*; Царь Афон: *По традиции я снова выставляю своего любимого* ***кона на конь****. Тьфу!* ***Коня на кон***) также способствуют развитию сюжета современных мультфильмов. Благодаря создаваемому комическому эффекту они способствуют созданию многочисленных забавных ситуаций, в которых оказываются главные герои, и поддерживают коммуникативную тональность шутливого пересказа старой сказки «на новый лад».

В то же время рассмотренные игровые приемы вербализуют уникальные характеры действующих лиц, указывают на их происхождение или возраст, отражают переживаемые ими эмоции. Так, обыгрывание графического и фонетического облика слова передает речь персонажей-иностранцев. ***Сабрать*** *дань* ***да*** *утра****,*** – приказано ростовчанам в ультиматуме тугарцев. *Ты* ***увёль*** *мой* ***слён****!* – кричит византийский торговец киевскому князю. Тот же прием способствует созданию уникального хронотопа фольклорной русской волшебной сказки: ***Жывая вада,*** – написано на сосуде с чудесным эликсиром, с помощью которого Кикимора возвращает к жизни убитого братьями Ивана.

Сказочные герои архаичны, простоваты и наивны, поэтому они говорят с речевыми ошибками, присущими носителям просторечия (ср.: Средний брат: *Мы тебе, браток, подсобим, чем* ***смогем***; Старший брат: *Сами мы к ратной службе не* ***годены***; Кикимора: *А мне какое дело?!* ***Пущай*** *болото потешится*; Кикимора: *Я* ***согласная****!*; Царь Долмат: *Давно я об* ***етом*** *коне мечтал. Что* ***хош*** *за него отдам*). Их речь полна каламбуров, которые В. Д. Девкин относит к «одностороннему» юмору, в котором «произносимое (или написанное) для того, от кого это исходит, совсем не смешно» [Девкин 2007: 469] (ср.: Волк: *Да иди ты знаешь куда!..* ***К лешему****!* / Кикимора: *А ты познакомь! Коли не попусту языком мелешь…*; Иван: *Одно слово –* ***волк-одиночка****!* / Волк: *И так мне тоскливо стало. Хоть* ***волком*** *вой*; Маша (о Медведе и Тигре, которые не пускают ее играть с Зайцем, чтобы закончить шахматную партию): *Да не могу я! Эти* ***звери*** *не пускают!*; Маша: *Ох, и* ***заварила*** *я* ***кашу****!*; Маша: *Хорошо, что я пришла! Я же знаю, как лечить. Нужен постельный* ***лежим***; Маша: *Очень, очень постельный* ***лежим****!*).

Подобные высказывания напоминают примеры детской находчивости в возрасте «от двух до пяти» (К. И. Чуковский) и направлены на правдивое воссоздание речи детей – основной аудитории мультфильмов. Их поддерживают соответствующие словообразовательные дериваты (Царь Берендей: *Выходит, непростая то птица была. Жар-Птица –* ***нидзявица****. Вот оно что!*). Наиболее ярко они представлены в многосерийном анимационном фильме «Маша и Медведь», героиня которого – активная и любознательная маленькая девочка, чей образ очень близок аудитории: ***Мужичочек, мужичочек!***; *Ой,* ***бычочек****, мой миленький! Отпусти меня, пожалуйста!*; *Ой,* ***коники*** *и* ***поники!***; *Скачи, скачи, мой* ***поник!***; ***Вкусновато****. Но маловато.*

Важно отметить, что в большинстве случаев сценаристы современных анимационных фильмов пользуются языковой игрой для вербализации уникальных характеров, передачи чувств героев. Контаминация вербализует недоумение [Санников 2002: 164] (ср.: Алеша: ***Буль-бульбабуля!***), «фокус-покус» прием [Там же: 168] – страх (Маша (столкнувшись в лесу с Волком): *Набираем номерок… Набираем номерок…* ***Номираем набирок****… Бежим!*), эллипсис [Норман 2006: 143] – гнев (Царь: *Чтоб после этого у меня никто* ***не смог!***). Окказионализмы отражают доброту действующих лиц (Илья: ***Бурушка! Князюшка!***; *Лучше скажи,* ***Аленушка*** *куда делась?*), их нежность (Летучая Мышь: ***Черноморушка****, все в порядке?*) или хитрость (Князь: *Только за сохранение свою* ***дольку*** *взял!*; Министр: *Кто продолжит твои начинания и закончит твои* ***продолжания****?*). Каламбуры передают юношескую наивность (Алеша: *Я боюсь* ***серьезных*** *отношений?! Да я в зеркале сам себе не улыбаюсь, потому что* ***серьезный*** *такой!*), проницательность (Волк (о министре, который прячется в темной комнате): *Ох,* ***темная*** *личность!*), язвительность (Василиса: *Получу третье высшее образование, и свое* ***дело*** *открою!* / Царь: ***Дело****! Твое* ***дело*** *– детей рожать!*), гневливость (Илья: *Такая девица мне* ***не по вкусу!*** / Мать Ильи: ***Не по вкусу****! Тебе что, с ней щи варить, что ли?*; Василиса: *Я* ***замуж не пойду!*** / Царь: *Почему не пойдешь? Тебе что лень* ***сходить****, что ли? Тем более здесь не далеко*). Эвфемизмы говорят о беспринципности (Князь: ***Что хочу, то и ворочу****!.. То есть* ***действую в интересах державы***) или, наоборот, незлобивости персонажей (ср.: Иван: *Все началось с одной* ***не очень хорошей*** *новости.* / Вороненок: ***Помер*** *наш Ванька!*). На ироничное мировоззрение героя указывают семантическая несогласованность элементов фразы [Санников 2002: 346] (Добрыня: *Открываю глаза: тебя либо* ***нет****, либо ты* ***в опасности***; Волк (о Коне): *Он сам съелся*) и антифразис [Москвин 2007: 128] (Ростовчане: *Непутевый вернулся!* / Юлий (Алеше): *Тебя здесь* ***уважают****…*).

Языковая игра жанрово-ролевыми нормами речевого взаимодействия [Горелов, Седов 2001: 179-187], активно привлекаемая сценаристами «Мельницы», основана на намеренном сочетании традиционных языковых

средств русского фольклора с элементами, чуждыми этому типу дискурса. К первым относятся сказочные формулы (*давным-давно*; *зверь лютый*; *путь-дорога*; *мать сыра земля*; *ни конному ни пешему*; *на том и порешили*; *жить не тужить*). Иногда они выступают в трансформированном виде (ср.: ***Долго*** *сказка сказывается –* ***недолго*** *дело делается*). Им сопутствуют устаревшие слова (Колыван: *Ты!* ***Ирод****! Ты че делаешь? Мы ж договорились!*; Князь: *Вот оно, кольцо-то* ***супостатово***; Князь: *Сегодняшнее* ***вече*** *окончено*; Сказитель: *А по той дороге ехали два* ***витязя*** *красные*; Аленушка: *По какому праву меня схватили и* ***супротив*** *воли сюда доставили?*; Князь: ***Душегуб*** *необразованный!*; Князь: *Ну что? Накоси-выкуси! Знай наших!* ***Аспиды!***), обращения в звательном падеже (Алеша: *Здрав будь,* ***княже*** *киевский!*; Илья: *Ладно,* ***княже****! Не горячись. Разберемся*). Вторую группу составляют элементы просторечия (Тень: *Ключ,* ***идиот!***; Белка: *Ну,* ***типа*** *того!*; Царь: *А* ***че*** *это она плачет?*; Иван (оглядываясь на коня, читает надпись на горючем камне): *Направо пойдешь – коня потеряешь.* / Конь: *Ты чего?!* ***Че*** *уставился?!*; Средний брат: *Щас птицу* ***припрет*** *– и царство его!*; Старший брат: *Не хочу, чтобы всякая* ***мелюзга*** *нами командовала!*), арготизмы (Князь: *А знаешь, че* ***братва*** *сказывает?*), заимствования (Аленушка: ***Деспот!*** / Князь: *Я все слышал*; Тень: *Значит,* ***операция*** *«Преемник» провалена*; Волк: ***Мадам****, ну как вы могли подумать?*; Конь: *Вообще-то я не чтобы его конь. Мы, типа,* ***компаньоны***; Елена Прекрасная: *Не подходи ко мне, гнусный* ***шпион*** *Афона!*; Ворон: *Так… Похоже, это* ***экстренный*** *случай*). Помимо них, каноны фольклора нарушает использование клише делового (Князь: *Два билета в первый класс.* ***За счет принимающей стороны****. И чаю подай! С баранками*) и публицистического (Иван: *А ты – избалованная* ***золотая молодежь!***) стилей речи, а также моделей научного (Аленушка: *И так Царь-Град сумел сохранить себя за свою более чем тысячелетнюю историю*), рекламного (Дерево: *Только сегодня! Только здесь! Суперприз – два полцарства!*; Волк: *Косметика «Лесные прелести»! Ваша вторая молодость станет первой! Натуральный продукт без добавок и консервантов*), военного (Царь Берендей: *Отставить разговорчики!*) и спортивного (Юлий: *Дышите полной грудью*) типов дискурса.

Ту же функцию выполняют прецедентные феномены [Брилева, Вольская, Гудков, Захаренко, Красных 2004: 17]: имена (Кащей: *Я ведь помню* ***Мальчика-с-пальчика****. Очаровательный малыш.* ***Гагаринская*** *улыбка*), высказывания (Князь: ***Русские не сдаются!***; Змей Горыныч: *Это и есть мы: Яга, Кащей и я.* ***Ось зла!***), тексты (Волк: *Там же помните:* ***один серый, другой белый, два веселых волка.*** *Ну,* ***жили у бабуси***; Царь Берендей: ***Ежики зеленые!***; *А на старших братьев очень осерчал. Отправил их в* ***сто одиннадцатое царство****. Подальше от* ***государства***). Они восходят к античности (Волк: *Короче,* ***citius, altius, fortius***) и древнерусским памятникам (Князь: ***Аз есмь*** *князь!*), отсылают зрителя к отечествен-

ному кино, литературе, текстам СМИ. При этом сценаристы «Мельницы» активно сочетают высокую культуру (Кащей: *Но была в этой тирании своя страшная зловещая красота, гармония противоречий, свой* ***лед и пламя****, чет и нечет!*; Кот: *Так, моя группа! Не разбегаемся. Сейчас* ***идем направо – песнь заводим***) с массовой (Добрыня: ***В чем сила, брат?***; Илья: ***Я вернусь***). Это вписывает мультфильмы в контекст мировой (в том числе современной массовой) культуры.

Важно отметить, что их авторы свободно обращаются с используемыми гетерогенными прецедентными феноменами. Сценаристы нанизывают их (Черномор: *Я – злой чародей* ***Черномор!*** / Волк: *А я –* ***Волк зубами щелк!*** / Иван: *А я –* ***муж объелся груш!***), дополняют (Горыныч: *А как он сказал? Ну не может мой* ***друг оказаться вдруг. Вором***), трансформируют (Юлий: *Не смешите мои* ***подковы!***; Горыныч: ***Во сне*** *сила, брат*; Князь: *Я* ***князь*** *или не* ***князь?!***), подвергают каламбурному обыгрыванию (Колыван: *На* ***Кудыкины горы*** *поеду!*; Горыныч: *А куда он уехал?* / Слуга: *На* ***Кудыкину гору***), усиливая комический эффект и превращая мультфильмы в шедевры Постмодерна.

Таким образом, сценаристы современных анимационных фильмов не только поддерживают традицию использования речевого комизма в мультипликации, но и обогащают ее новыми игровыми приемами. В результате анимационное кино студий «Анимаккорд», «Мельница» и «Dereza» формирует уникальный язык отечественной мультипликации XXI века, в котором речевой комизм в них многолик, многофункционален и направлен на активизацию лингвокреативного мышления зрителей с разной коммуникативной компетентностью. А предшествующий опыт игры с языком в речи героев анимации осмысляется в духе господствующего в современном искусстве Постмодерна.

ЛИТЕРАТУРА

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940 [1] с.

Девкин В. Д. «Односторонний» юмор – только для реципиента // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 469-480.

Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

Шаповалова Н. Г. Нарушение языковой нормы как сюжетообразующее средство (на материале романа Д. Быкова «ЖД») // Мир человека: нормативное измерение-2: сборник трудов международной конференции (Саратов, 29-30 апреля 2010 г.). – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 279-281.

О. В. Шестакова
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь)

РУССКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНОМАТОПЕИ

Поливариативность языковой картины мира обусловлена существованием множества ее вариантов (наивная и научная, универсальная и идиоэтническая, статическая и динамическая, индивидуальная и пр.), связанных с различными подходами к концептуализации и категоризации мира (Ю. Д. Апресян, Е. Л. Березович, С. М. Белякова, О. И. Блинова, А. С. Герд, В. Е. Гольдин, К. И. Демидова, Н. А. Закуткина, Е. В. Иванцова, В. А. Маслова, С. Е. Никитина, Л. Б. Никитина, О. А. Радченко, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В. Н. Топоров, Н. Д. Федяева, Е. С. Яковлева и др.).

Сегодня предлагается еще один способ категоризации действительности [Дрожащих 2006; Михалев 2009; Шляхова 2005, 2014; Шестакова 2013; Вершинина 2013; Шляхова, Шестакова 2014; Шляхова, Вершинина 2014] – фоносемантическая картина мира, под которой понимается часть языковой картины мира, эксплицированной в языке фоносемантическими средствами, основным из которых является звукоподражательная лексика (ономатопея) В докладе представлено описание русской концептосферы в сопоставлении с немецкой на уровне ономатопей, которые традиционно рассматриваются как семантически примитивные и мало информативные.

Идеографическое описание семантики немецкой и русской ономатопеи на основе тезауруса О. С. Баранова показывает, что звукоподражательная лексика с разной вероятностью зафиксирована практически во всех областях [Шестакова 2013]:

1. *Реальность* (0,13% в нем., 0,3 в рус.),
2. *Образование* (*формация*) (4,4% в нем., 4,5% в рус.),
3. *Множественность* (8,9% в нем., 8,3% в рус.),

4. *Природа* (8,5% в нем., 8,6% в рус.),
5. *Бытие* (4,1% в нем., 3,9% в рус.),
6. *Организованность* (2,2% в нем., 2% в рус.),
7. *Живая природа* (9,1% в нем., 8,5% в рус.),
8. *Человек (физиологический)* (14,8% в нем., 16,1% в рус.),
9. *Личность* (9,7% в нем., 9,8% в рус.),
10. *Общество* (10,8% в нем., 10,3% в рус.),
11. *Социальная сфера* (14,8% в нем., 16,2% в рус.),
12. *Цивилизация* (12,4% в нем., 11,4% в рус.).

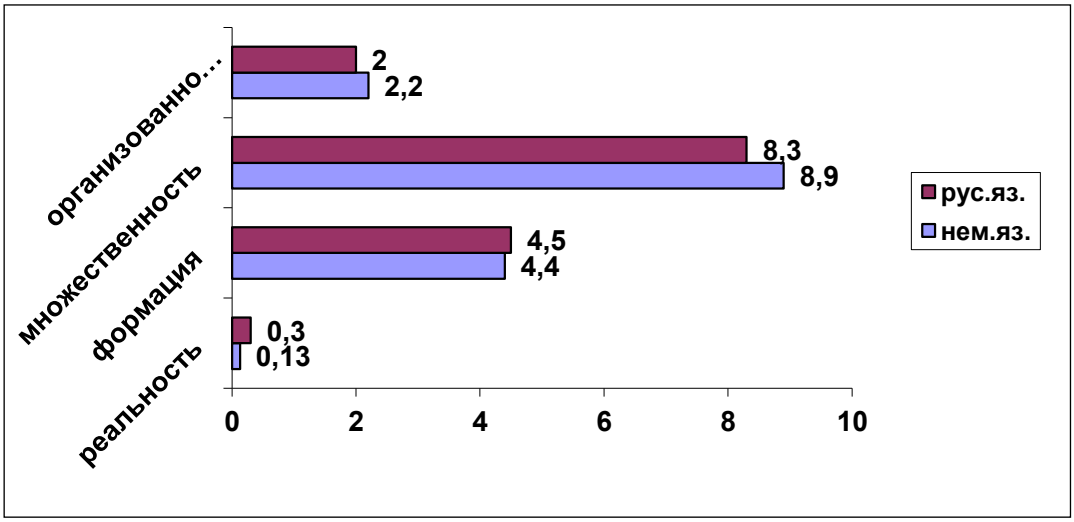

Рисунок 1

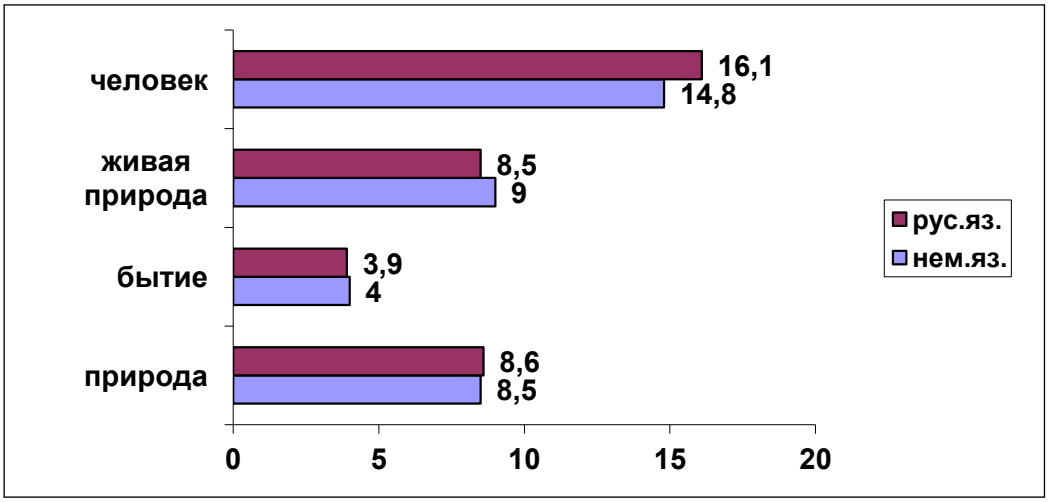

Рисунок 2

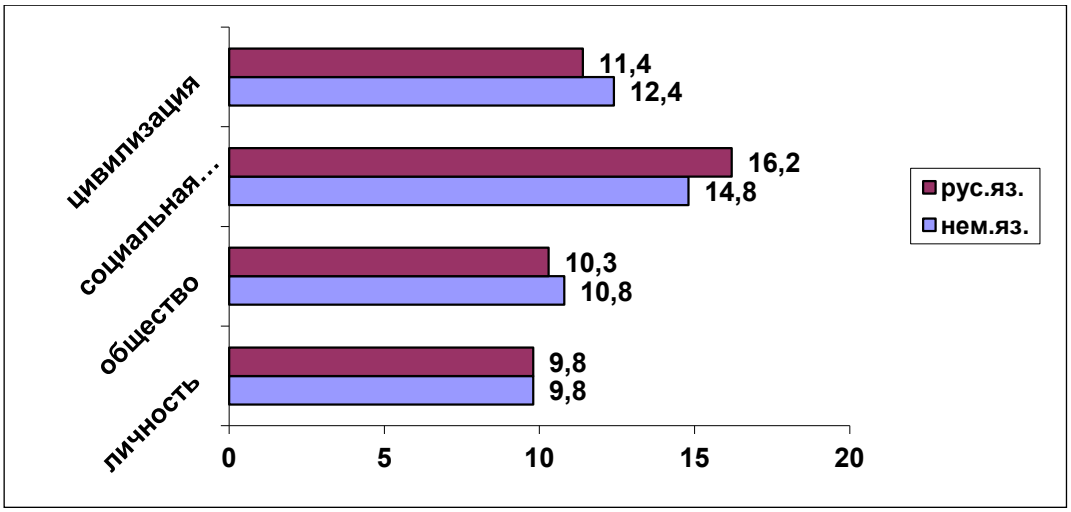

Рисунок 3

Специфика категоризации проявляется в незначительных колебаниях в численной представленности тех или иных фоносемантических групп в исследуемых языках. С одной стороны, колебания в 1-3% можно отнести к статистической погрешности или к несистемной фиксации ономатопей в словарях и специальных исследованиях. В то же время, актуализация того или иного типа звучания или семантического развития звукоподражания отражает идиоэтническую специфику ономатопеи, которая в той или иной степени отражает менталитет этноса, его авто- и гетеростереотипы.

В русском языке в 2-4 раза больше, чем в немецком, представлены фоносемантические группы *следы*, *пятна*; *физическая слабость*; *глаза*; *невнимательность*; *упрямство*; *злость*, *злиться*; *инструменты для охоты*, *рыбалки*; *жизнь общества*; *религиозные отношения*, *обычаи*; *ветхая одежда*; *сверхъестественное*; *преступники*. В фоносемантической картине мира доминирующие смыслы связаны с русским характером и стилем жизни.

Религиозные отношения, обычаи: рус. *раскольник*, *хлыстовство*, *звонарь*, *колокольня*, *звонница*, *обрезание* “обряд” (ср. нем. *Beschneidung* “обрезание”, *Glockenturm* “колокольня”, *Weihrauchfaß* “кадило”). «Стержневым компонентом в менталитете русских является православие, в котором заключены основы традиционной культуры русского этноса» [Ерамасова 2007: 34].

Сверхъестественное: рус. *кикимора*; *кукан*; *барабашка*; *шишкун*; *бабай*; *баба-яга*; *бабака*, *бука*, *бубука*, *бомка* “барабашка”; *Шохря да Мохря* “банный дух”, *Кутыся-Мурыся* “покровитель дома” (ср. нем. *Butz*, *Butzemummel*, *Butzemann*, *Puck* “домовой, гном, барабашка”; *Kuckuck* “чёрт”). У русских «есть особые способности к интуиции и предчувствию, у них больше восточной иррациональности, чем западной рациональности, эмоции всегда преобладают над разумом, а страсти – над материальными интересами» [Сергеева 2005: 292].

Созерцательность, пассивное отношение к жизни; осторожность и фатализм как его крайние проявления находят подтверждение в русской идиоматике (*Чему быть – того не миновать*; *Что ни делается – все к лучшему*; *Значит не судьба*; *Судьбу не обманешь*; *Значит так надо*; *Ничего*; *Судьба такая* и пр.). Убежденность в неизменности, непреодолимости судьбы породили у русских суеверность, осторожность и мистицизм, веру в чудо и «авось». Это породило к тем, кто способен изменить обстоятельства, безропотность, смирение (пассивность) при ударах судьбы. И как оборотная сторона чрезмерной осторожности и фатализма русских – их смелость, безрассудство, любовь к риску, азарт, склонность дразнить судьбу (*русская рулетка*; *русский авось*; *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*), что может привести к ***преступлениям*** (рус. *схватить*, *сцапать*, *защелкнуть наручники* “арестовать”, *гоп-стоп* “вид преступления”, *зацокать* “быть свидетелем”; *хлыстка* “проститутка”, *плюхало*, *хлыщ*, *хлюст*, *болтень*, *бацун* “драчун, забияка”; ср. нем. *bumsen* “арестовать”, *brummen* “сидеть в тюрьме”).

Фатализм порождает ***энергосберегающую стратегию жизни***: «быть в меру трудолюбивым: все равно ведь неизвестно, как, когда и каким образом ты лишишься результатов своего труда! <...> Посвятить жизнь накопительству – крайняя глупость, надо жить здесь и сейчас» [Сергеева 2005: 152-153]. (*Работа не волк, в лес не убежит*; *Всех денег не заработаешь* и др.). В фоносемантической картине мира русские деньги не зарабатывают, а тратят (*трясти (деньгами)*; *ухлопать*, *профукать*, *качать*, *швырять деньгами*) или получают лёгким способом (рус. *сшибить / подмолотить / выколотить / срубить / сшибить / зашибить деньгу / монету / копейку; срубить бабок / капусты*); немцы преимущественно добывают (нем. *aus etw. Geld herausschlagen* “делать деньги”, *den großen [einen fetten] Happen schnappen* “урвать львиную долю”; *Geld abzapfen* “выкачивать деньги”; *auf den Beutel klopfen* “заставить раскошелиться”).

Семантика ***спиртное*** в русском языке (3,5%) в два раза более значима, чем в немецком (1,7%): рус. *клюкнуть*, *бухну́ть*, *зашибать*, *трескать*, *долбануть*, *трахнуть*, *шмякнуть*, *хлопнуть*, *хватануть*, *хапнуть*, *раздавить*, *шарахнуть*, *вмазать*, *цапнуть*, *зашибить*, *тяпнуть*, *гудеть*, *врезать*, *вдарить*, *тюкнуть*, *шваркнуть*, *хряпнуть*, *бахнуть*, *хлобыстнуть* “пить, выпить спиртное”; нем. *einen Zacken haben* “быть под хмельком”, *Sause*, *Sauser* “кутёж, попойка”, *kneipen* “пьянствовать”, *Schwips* “лёгкое опьянение”, *kübeln*, *schnapsen*, *zwitschern*, *gurgeln*, *bürsten* “пить, выпить спиртное” и др.

В немецком языке в 2–4 раза больше, чем в русском, представлены группы *игры взрослых, игровая деятельность*; *досуг, развлечения*; *технологические процессы*; *технические приборы и приспособления*; *функционирование техники*; *интенсивность*; *фигура*; *течение жизни*; *старение*; *скупость*; *напитки*; *имущество, утварь*.

В немецком языке существует большое количество ***технических, научных, специальных терминов***, образованных от звукоподражаний: *Krachtöter* “подавитель помех”, *Brummfaktor* “коэффициент пульсации”. *Klingeln* “детонация”. *Knallschleppe, Knallteppich* “треск при прохождении реактивным самолетом звукового барьера”, *Klirrfaktor* “клирфактор” и др.

В русском языке термины являются преимущественно заимствованиями, в том числе из немецкого: *бремсберг* < *bremsen* “жужжать”, *шурф, шурфовать* < *schürfen* “царапать, скрести”, *кайло* < *Keule* “дубина” < *keulen* “бить (скот)”, *цапфа* “опорная часть оси или вала” < *Zapfen* “затычка (бочки)” и др.

Идеографический анализ ономатопей показывает, что экспликация понятий, связанных с ***техникой***, в немецком языке более чем в три раза превышает данные по русскому языку: *Klipper* “лайнер”, *Töff* “мотоцикл”, *Brummi* “грузовик”; *Bocksäge* “лучковая пила”; *Picke* “кирка”; *Ratsche* “гаечный ключ”; *Schar* “лемех” и пр. Общеизвестно, что немцы дали миру множество изобретений: печатный станок (И. Гуттенберг), глобус (М. Бехайм), порох (Б. Шварц), мотор (Н. Отто), автомобиль (К. Бенц), двигатель внутреннего сгорания (Р. Дизель), радар (К. Хюльсмайер), ротационная машина (Ф. Кениг), вакуумный насос (О. фон Герике), фарфор (И. Бёттгер) и пр. В русском материале актуализированы лишь инструменты для охоты и рыбалки.

Семантика ***интенсивность*** в немецком языке в десять раз превышает экспликацию этой группы в русском языке (ср. нем. *knackfest* “очень твёрдый”, *knackfrisch* “очень свежий”, *knackeng* “страшно узкий” и пр.), что актуализирует трудолюбие немцев и их знаменитый «категорический императив» *Ordnung muss sein* (Порядок превыше всего).

Таким образом, исходя из полученных нами данных, можно утверждать, что ономатопея в немецком и русском языках охватывает с разной вероятностью подавляющее большинство сфер окружающей действительности за исключением некоторых узких специальных областей экономики, права, истории, религии и т.п. В семантике ономатопов восстанавливается целостная картина бытия человека во множестве аспектов его проявления. В русской и немецкой концептосферах обнаружены незначительные количественные и качественные различия. Анализ семантики и количественного состава русской и немецкой ономатопеи, с одной стороны, указывает на универсальный характер экспликации концептосферы посредством ономатопеи, с другой, отражает некоторые идиоэтнические черты русского и немецкого этносов.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка: [Электронный ресурс]. URL: http://www.thesaurus1.narod.ru.

Вершинина М. Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. – Пермь, 2013. – 221 с.

Дрожащих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 32 с.

Еромасова А. А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. … докт. философ. наук. – СПб., 2007. – 41 с.

Михалёв А. Б. Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – Вып.15. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – С. 133-140.

Сергеева А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 320 с.

Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономатопее: дис. … канд. филол. наук. – Пермь, 2013. – 228 с.

Шляхова С. С., Шестакова О. В. Категоризация мира сквозь призму ономатопеи // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания сборник научных статей. Алтайская государственная академия образования имени В. М. Шукшина. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. – С. 75-78.

Шляхова С. С., Вершинина М. Г. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы // Филологические заметки. – 2014. – №1. – С. 183-192.

Русская диалектная речь и традиционная народная культура

Т. Е. Баженова
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
(Самара)

РЕГУЛЯРНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В САМАРСКИХ ГОВОРАХ С ОКАНЬЕМ И АКАНЬЕМ

Проблема изучения лексического богатства говоров территорий позднего заселения – в частности, междиалектных оппозиций, диалектной приуроченности отдельных слов, – является одной из актуальных проблем современной диалектологии. Весомый вклад в разработку этой проблемы внесла Л. И. Баранникова. В своих работах она неоднократно приводила доказательства того, что изучение говоров территорий, непосредственно примыкающих к ДАРЯ, «может помочь в восстановлении фактов далёкого прошлого, предсказать большую или меньшую устойчивость тех или иных диалектных черт, наметить некоторые закономерности дальнейшего изменения диалектных систем» [Баранникова 1977: 4]. Научными трудами Л. И. Баранниковой доказывается не только необходимость лингвогеографического изучения переселенческих говоров [Баранникова 1982: 3-4], но и возможность картографирования их особенностей на всех языковых уровнях.

Самарские говоры относятся к числу «вторичных», и, как многие средневолжские говоры, они отличаются своей разнотипностью, разновременностью образования и широкими возможностями варьирования под воздействием многих факторов. Л. И. Баранникова неоднократно обращала внимание на необходимость особого подхода к изучению территорий позднего русского освоения [Баранникова 1975: 22].

Итогом многолетнего коллективного изучения поволжских говоров стал «Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья», который вышел в авторской редакции Л. И. Баранниковой [Баранникова 2000: 70-103]. Его дополнением являются атласы самарских говоров, составленные самарскими диалектологами в традициях атласа поволжских говоров, получивших творческое развитие.

Картографирование диалектной лексики для «Лексического атласа самарских говоров», состоящего из 75 лексических карт, позволило нам теоретически осмыслить результаты лингвогеографического изучения

нашей территории и проверить методику ареально-типологической характеристики лексических данных, функционально значимых для нашей территории. Лексические карты регионального атласа дали возможность выявить регулярные лексические оппозиции, дополняющие картину диалектного членения самарских говоров.

В Самарской области на сравнительно небольшой территории представлены окающие и акающие говоры. Окающие говоры являются продолжением массива владимирско-поволжских говоров на севере и северо-западе области. Акающие говоры численно преобладают, и значительную часть их составляют говоры среднерусские, которые имеют сходство с восточными среднерусскими акающими говорами. Спецификой самарских среднерусских акающих говоров является то, что некоторые из них сформировались уже на самарской земле на основе севернорусских и южнорусских говоров. В южных и юго-восточных районах области бытуют южнорусские говоры, которые обнаруживают признаки материнских говоров различной типологии.

На уровне фонетики и морфологии к числу основных типологических характеристик самарских говоров относятся следующие: в окающих и в акающих среднерусских с севернорусской основой говорах – сохранение «этимологического» *а* в предударном вокализме после мягких согласных (*п**я**тёрка, гл**я**ди*), твердые *ч* и *шш*, стяжение, *е* в формах местоимений (*он**е**, мо**е**х, тво**е**ми*); в южнорусских и в образованных на их основе среднерусских говорах – системы неразличения гласных после мягких согласных (яканье с признаками диссимиляции предударных гласных), рефлексы фрикативного *г* (*γ*), билабиального *в* (*w*) и др. Изоглоссы этих явлений достаточно четко делят территорию области 1) на окающие районы северо-запада, севера и северо-востока, 2) на районы запада (Самарская Лука) и центра, где сконцентрирована большая часть среднерусских акающих говоров, и 3) на южные, юго-восточные и восточные районы, заселенные преимущественно носителями южнорусских говоров. Картину единообразия нарушают многочисленные островки вторичных среднерусских акающих говоров, имеющих различное происхождение, и группа южнорусских говоров на севере области в междуречье Кондурчи, Сока и Большого Кинеля.

Диалектное членение самарских говоров наиболее последовательно прослеживается в территориальном распределении типов предударного вокализма после мягких согласных в самарских говорах. На карте можно видеть: 1) по северу, западу и северо-востоку области, в центре вокруг Самары – сплошной массив окающих говоров с последовательным различением предударных гласных после мягких согласных; ёканье и еканье встречаются также южнее этой узкой полосы в виде небольших островков, не выходящих за пределы линии, образуемой реками Чагра и Самара; 2) три плотных ареала якающих говоров севернее условной границы меж-

ду оканьем и аканьем по рекам Чагра и Самара: первый – в районе Самарской Луки и примыкающего к ней на юге левобережья Волги (среднерусские говоры с умеренным яканьем и отчасти с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); второй – в междуречье рек Кондурча, Сок и Большой Кинель и на северо-востоке на границе с Татарстаном (среднерусские и южнорусские говоры с яканьем преимущественно умеренного типа, реже – с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); третий – вдоль восточной административной границы в междуречье Большой Кинель – Самара (южнорусские говоры с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); 3) южнее условной границы между оканьем и аканьем по рекам Чагра и Самара: южнорусские говоры с яканьем ассимилятивно-диссимилятивного типа – на юго-востоке (граница с Оренбургской областью); умеренного и умеренно-диссимилятивного типа – на юге (по реке Большой Иргиз); диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного типа – на юго-западе (территория южнее реки Чагра).

Лексико-семантическая система самарских говоров представлена в основном сложными многочленными оппозициями, в составе которых выделяются общеупотребительные (общенародные) и диалектные слова. Основу этой системы образуют общенародные слова (*ухват*, *квашня*, *сковородник*, *брезговать*, *кукушка*, *медведь*, *петух*, *усадьба*, *льдина*, *говорить*, *просватать* и др.), на фоне которых выделяются диалектные лексемы (*рогач*, *дежа*, *чапельник*, *гребовать*, *пустушка*, *ведмедь*, *кочет*, *позьмо*, *чка*, *баять*, *пропить невесту*).

Из числа диалектных лексем выделяются отдельные слова, которые на нашей территории имеют полярную диалектную приуроченность и образуют ареалы. Ареалы этих лексем дополняют общую картину противопоставления северной, центральной и южной части области, составленную на основе лингвогеографического изучения фонетических и морфологических диалектных особенностей.

На уровне лексики лингвистический ландшафт Самарского края очень часто становится ещё более расчлененным и в некоторых случаях приобретает пестроту, но всё же можно отметить упорядоченность в лингвогеографическом представлении отдельных лексем. При картографировании противопоставленных диалектных лексических различий в целом ряде случаев мы обнаружили противопоставление северной и южной половины территории Самарской области, граница между которыми проходит условной линией по рекам Чагра и Самара. Так, например, достаточно компактные ареалы слов *корец*, *рогач*, *дежа*, *чапельник/цапельник*, *ведмедь*, *рубель*, *буряк*, *котная*, *гребовать*, *гутарить*, *балакать*, *играть* ‘петь песни’, *дюже* наблюдаются в южных степных районах области, где бытуют южнорусские говоры и сформировавшиеся на их основе среднерусские говоры. О приуроченности всех этих лексем к южнорусским говорам писала Л. И. Баранникова, опираясь на сведения «Атласа русских говоров цен-

тральных областей к востоку от Москвы» [Баранникова 1965: 7]. На остальной территории в говорах им соответствуют общеупотребительные лексемы *ковш*, *ухват*, *квашня*, *сковородник*, *медведь*, *валёк*, *свёкла*, *суягная*, *брезговать*, *говорить*, *петь песни*, *очень*. Таким образом, изоглоссы лексем, входящих в двучленные оппозиции, соответствуют той условной границе, которая установилась на нашей территории между говорами с владимирско-поволжской основой и говорами с различными южнорусскими основами.

Признаки диалектной приуроченности к материнским основам севернорусских или южнорусских говоров в лексике самарских говоров имеют нерегулярный характер, зато очевидна их связь с другими, преимущественно окающими, говорами Среднего Поволжья. Так, в самарских среднерусских окающих и акающих говорах бытуют слова *бу́шма* ‘брюква’, *волжа́нка* ‘гриб волнушка’, *ке́лья* ‘вечерние собрания молодежи’, *клев* ‘хлев’, *коку́шка* ‘кукушка’, *мо́рда* ‘рыболовная снасть типа ловушки’ и др. [Мызников 2005: 260-470]. Этими лексическими особенностями ещё раз подтверждается генетическое единство самарских среднерусских акающих и окающих (владимирско-поволжских) говоров.

Картографирование показало, что, например, ареалы слов *позьмо* ‘земельный надел, на котором расположены дом со всеми постройками, огородом и садом’, *кортошка* и *картовь* ‘картофель’, *суягная* ‘беременная (об овце)’, *берёжая* ‘беременная (о лошади)’, *осе́йка* ‘недавно’, *полоу́з* ‘постройка для хозяйственных нужд’, *шиш* ‘постройка для сушки снопов’, *шкирд* и *кладь* ‘большая продолговатая укладка снопов’, *гру́хва* ‘брюква’ – группируются на севере, северо-западе и в центральных районах области, где преобладают окающие и акающие говоры с владимирско-поволжской основой, а ареалы лексем *воро́к* ‘огороженное место для содержания скота’, *плант* ‘земельный надел во владении одного хозяина’, *ведмедь* ‘медведь’, *сукотная* ‘беременная (об овце)’, *икры* и *крыги* ‘льдины’, *корец* ‘ковш’, *дюже* ‘очень’ – в южных районах области, где сосредоточена основная часть неодинаковых по своей природе южнорусских говоров и сформировавшихся на их основе среднерусских говоров.

Следовательно, учитывая фонетические и морфологические особенности, ареально дифференцированную лексику самарских говоров можно разделить на среднерусскую, имеющую владимирско-поволжскую основу, и южнорусскую.

Нередко изоглоссы диалектных лексем образуют дисперсные ареалы по всей картографируемой территории и имеют зоны пересечения с другими диалектными и общерусскими словами. Так можно охарактеризовать, например, лексемы *одо́нье* ‘большая продолговатая укладка снопов’, *картоха* ‘картофель’, *буква* и *бу́хня* ‘брюква’, *по́сконь* ‘мужская особь конопли’.

Большая часть картографированной лексики имеет широкое распространение в самарских говорах. Это довольно большая группа диалектных слов: *изба* ‘традиционная жилая постройка, рубленый дом среднерусского образца’, *клев* ‘помещение для домашнего скота’, *городьба* ‘изгородь’, *клушка* ‘курица-наседка’, *по́дловка* ‘чердак’, *по́сконь* ‘мужская особь конопли’, *кули́га* ‘участок, делянка’, *по́роз* ‘мирской бык’, *посиделки* ‘вечерние собрания молодежи в помещении’, *шабёр* ‘сосед’, *зыбка* ‘колыбель’, *калякать* ‘говорить, разговаривать’, *ягода* ‘лесная земляника’, *пирог* ‘белый хлеб из сеяной пшеничной муки’, *кула́га* ‘каша из ржаной муки’, *запо́н* ‘передник’, *запой* ‘сговор, сватовство’ и т.д. Эта лексика активно используется носителями говора, известна городским жителям и носителям других языков. С. А. Мызников также отмечает широкое распространение многих перечисленных слов в средневолжских русских говорах Чувашии и Марий Эл [Мызников 2005: 489-550].

В отдельных говорах зачастую оказываются возможными слова разной диалектной приуроченности. Так, например, в соседстве с другими диалектными и общеупотребительными лексемами в пределах одного села бытуют на нашей территории слова *подловка* и *потолок*, *баять* и *балакать*, *позьмо* и *плант*, *зыбка* и *люлька*, *изба* и *кухня* и др. наиболее очевидные лексические особенности, имеющие полярную диалектную приуроченность в традиционных говорах. Размытость ареально-типологической характеристики значительной части диалектной лексики и преобладание в частных диалектных лексических системах общенародных (общеупотребительных) слов соответствует статусу самарских говоров как говоров переселенческих и преимущественно среднерусских.

Таким образом, на территории Самарской области наблюдается своеобразная ареальная дифференциация диалектной лексики, отличная от её традиционной характеристики в материнских говорах. Об этом свидетельствуют факты диалектных соответствий, сложившихся уже на территории самарского Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 104 с.

Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – №2. – С. 22-31.

Баранникова Л. И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения. – Саратов: Изд-во СГУ, 1977. – С. 3-23.

Баранникова Л. И. К проблеме лингвогеографического изучения говоров Среднего и Нижнего Поволжья // Вопросы русской диалектологии. – Куйбышев: Куйбыш. гос. ун-т, 1982. – С. 3-14.

Баранникова Л. И. Некоторые особенности современного состояния диалектной лексики (в связи с работой по подготовке региональных словарей) // Вопросы русской диалектологии: Труды V-VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. – Куйбышев, 1965. – С. 5-30.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.

И. И. Бакланова, А. Н. Онорина
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь)

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА: К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА)[1]

Беседы с диалектоносителями имеют свою специфику, которая обусловлена ситуацией общения. Как правило, большая часть диалогов нацелена на получение новых лексем. В этой связи важнее всего оказывается информативность бесед с диалектоносителями. Используя терминологию Н. Д. Арутюновой, мы можем говорить, что диалоги, полученные во время диалектологических экспедиций, чаще всего относятся к числу предметных (или диктальных). Цель предметного диалога состоит в получении фактической информации [Арутюнова 1970: 48; Балаян 1981: 63]. В этом случае можно говорить об эффективности коммуникации. Следует заметить, что общение с информантами не лишено и модальной составляющей. Информанты могут высказываться эмоционально, сопровождая свои объективные сведения оценками. В этом случае диалоги назовем модально-диктальными. Вопросно-ответная форма является важной частью диалога.

Задача данной статьи – анализ вопросно-ответных единств в живой диалектной речи с точки зрения их коммуникативного успеха. Материалом для анализа стали записи русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа, сделанные как самим автором во время экспедиций, так и другими иссле-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ» № 14-04-00437 «Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)».

дователями: И. А. Подюковым, А. С. Лобановой, И. И. Русиновой, Е. М. Гордеевой.

В качестве единицы диалога как сложной целостной структуры выступает диалогическое единство, включающее две или более реплики, которые связаны единым содержанием [Дускаева 2006: 45]. Существует несколько терминов для определения связанных между собой вопроса и ответа: диалогическое единство [Шведова 1960: 281], вопросно-ответные диалогические единства [Мишланов 1996: 112], вопросно-ответный комплекс [Дускаева 2006: 51]. Сопоставим их положения и выделим то общее, что составляет вопросно-ответное единство. Н. Ю. Шведова диалогическое единство определяет как единое коммуникативное синтаксическое целое, части которого связаны друг с другом по конкретным правилам синтаксической зависимости. В. А. Мишланов определяет вопросно-ответное диалогическое единство как элементарную коммуникативную единицу – предложение-высказывание, а Л. Р. Дускаева выделяет вопросно-ответный комплекс и определяет его как структурно-семантическое единство, состоящее минимально из двух предложений.

Мы в работе будем использовать термин «вопросно-ответное единство», который определяем как «сложное образование», «единое коммуникативное синтаксическое целое, части которого связаны друг с другом по определенным правилам синтаксической зависимости» [Шведова 1960: 281].

Полагаем, что умение правильно формулировать вопрос дает возможность быстро и точно получить нужную информацию, поэтому особое внимание мы уделим именно вопросам. Актуальность выбранной темы подтверждают и новые исследования, в частности работа Е. Л. Байдиковой, в которой проанализирована коммуникативно-прагматическая функция вопросительных предложений в диалогах молодежи. Диалогическое единство, по мнению автора, – эффективная, значимая единица, а вопрос – это эффективное средство речевого воздействия и транслятор коммуникативных намерений общающихся.

В нашем случае коммуникативное намерение таково, что диалектолог заинтересован в получении разного рода информации, поэтому он вежлив, обходителен, с уважением относится к информанту (обращается на Вы, по имени и отчеству). В исключительных случаях он обращается к информанту на «ты». Таким образом, общение представляет собой неофициальную непринужденную беседу.

В зависимости от характера и объема той информации, которая должна быть получена, вопросительные предложения делятся на общевопросительные и частновопросительные. Общевопросительные предложения отражают полную неосведомленность спрашивающего: *А вы давно здесь живете? А вы засаливали капусту?* Подобные вопросы являются

своего рода зачином темы. Они актуальны, следовательно, в начале разговора.

Анализ диалектных записей показал, что и диалектологи-преподаватели, и студенты-практиканты задают вопросы по определенным темам. Одна из наиболее частотных тематических групп вопросов предполагает в ответе характеристику домашнего хозяйства: 1) ***А раньше хозяйство у вас было?*** *– Как не было? Здесь вот в этот дом уж переехали, дак двух коров держали, и поросят, и гуси, и утки, и кролики, и всякие. А щас у меня дочь баню продала, конюшню продала, одна собака была, и то пропала. 2)* ***А где скот держали?*** *– Конюшни были. Я щас ведь говорю, баня вон щас у нас стоит-то, она тут была срублена. И со стариком баню в Сидорово купили, поставили там вот, в сторонке конюшня. 3)* ***А сейчас вы скотину не держите?*** *– Нет, давно уже не держим. Держали раньше и по две коровы, и свиней держали, и коз держали. Сейчас пенсию мы получаем хорошую.*

Активно задаются вопросы по теме, связанной с названиями пищи: 1) ***Что ели?*** *– Картошку, суп варили, мясо, где кто кого выкормит, рыбу рыбачили. По праздникам самогон делали, блины, оладьи, пироги. 2)* ***Сок березовый ели?*** *– Березовый-то едала сок. Ели березовый сок, это шули* [тонкая полоска, лента], *шули, лента просто и все, сок назывался, под берестой. 3)* ***Нина Егоровна, вы еловые ягоды ели?*** *– Как нет-то, туганы-то* [молодые побеги сосны]*? Туганы назывались, мяконькие, они для здоровья.*

Часто диалектологи задают вопросы, которые касаются названий хлеба и процессов его приготовления: 1) ***А вы раньше хлеб пекли?*** *– А как же. 2)* ***А расскажите нам, какие виды хлеба пекли?*** *– Дак, видишь, хлеба чё. Раньше-то караваи пекли только, ржаной каравай испекёшь. 3)* ***А расскажите нам, как печь?*** *– Как хлеб пекут? – Хлеб пекут? А хлеб пекли, всё, вот у нашей матери, а я все время жила со свекровкой и дома с мамой мне хлеб пекли. Дак им для того, чтобы хлеб испекчи, надо вставать в четыре часа, в четыре часа утра, чтоб хлеб испекчи.* В ответе на вопрос 3 информант как будто переспрашивает диалектолога, на самом же деле он берет паузу для подготовки ответа: ***А расскажите нам, как печь?*** *– Как хлеб пекут? – Хлеб пекут?*

Традиционно (это необходимо для обработки информации) задаются вопросы, выясняющие или уточняющие место работы. Сравним ответы, данные разными информантами на один и тот же вопрос: ***Где вы работали?*** 1) *В правлении робила, потом у девок в магазине робила техничкой. Это уж на пенсию вышла, дак тогда.* 2) *Я работала всю жизнь в животноводстве, дояркой работала, телятницей работала. Дояркой больше всего. С шестнадцатого года я дояркой пошла.* 3) *Проработала зимой в лесу, летом на сплаве: лес отвозили за речку. На работу, помню, за семь километров ходили*. 4) *Семья большая была, детей пять человек, Евгения, Ва-*

силий, Васса, Петро, Ефросинья да мама с бабушкой, а отец умер в 1931 году. Уехал на производство, там его электром стукнуло. Мама нас всех и воспитала. Я четыре класса кончила, в 15 лет уже дояркой работала, на лесозаготовки, на лесосплавы отправляли. Соберут 8 девок да мужика дадут и отправят за 40 километров от деревни лес пилить. Дадут поперечную пилу, один-два раза ширкнет и заглохнет. Летом на лошадях зерно возили, машин-то ведь не было. Так и работали.

Обратим внимание, что кроме сведений, касающихся прямого ответа на вопрос, в высказываниях информантов представлена важная для самого говорящего информация. В ответах актуализируется разное содержание, но, несомненно, такое, которое волнует информанта. Так, в ответе 4 информант отмечает, что из-за большой семьи ей нужно было рано начать трудиться: *Семья большая была, детей пять человек, Евгения, Василий, Васса, Петро, Ефросинья да мама с бабушкой, а отец умер в 1931 году. Уехал на производство, там его электром стукнуло. Мама нас всех и воспитала…* Информанты в ответах на вопрос о месте работы часто называют возраст, с которого они вынуждены были трудиться на тяжелых работах.

Одной из основных задач диалектологов по-прежнему остается выяснение толкований диалектных слов. В этом случае вопросы носят уточняющий характер.

Рассмотрим пример выяснения толкования диалектного слова ***гоныш***, зафиксированного в русских говорах Коми-Пермяцкого округа. Несмотря на то, что слово дано в диалектных пермских словарях, разнообразие дефиниций не дает четкого представления о том, что же понимается под названием ***гоныши***. Во время диалектологических экспедиций мы попытались вновь обратиться к толкованию этого слова.

Слово ***гоныш*** (с коми-пермяцкого «*гонюӧтш*» или «*гонюш*») обозначает *дикую морковь* [Коми-пермяцко-русский словарь 1985: 101]. Возможно, носители русской речи Коми-Пермяцкого округа и сегодня понимают это слово так же. Приведем текст, записанный в 2014 г. в с. Купрос Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа от А. Г. Бычковой (1930 г.р.)[2]: *ели пистики пиканы щáвель затем* ***гóныши*** [Что такое гоныши?] ***гоныши*** *– это такие растения, раньше сено оставляли на лугах, токо зимой, весной свозили. И на этом месте росли* ***гоныши.*** *Такая репочка. Вот эту репочку ели. У меня и в огороде иногда эти* ***гоныши*** *растут, но щас я их не ем.* [Срывали и ели?] *Да, сорвём и едим. Высокая такая трава толщиной вот тоньше пальца, мяконькая она пока ещё не созрела стебель-то.*

В ответе обнаруживается стремление рассказчицы показать описываемый ею предмет (репочку и стебель), т.е. мы наблюдаем принцип «совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения» [Гольдин 1997: 26].

[2] Текст записи разговора приведен полностью, чтобы не было искажения информации.

Ответы информантки показывают, что, во-первых, *гоныш* и *пикан* – это разные растения. Во-вторых, съедобны у *гоныша* корень и стебель. Можно ли определить по описанию данного информанта растение? К сожалению, только предположительно. *Гоныш*, скорее всего, – это либо дикая морковка, либо купырь. У этих растений в пищу употребляются корни. У купыря молодые листья, а также мясистые стебли используют в пищу весной.

Информант И. П. Беляев (1932 г.р.) из д. Онѝ Юсьвинского района не различает *гоныши* и *пиканы*.

[Что из трав ели?] *Если из трав… го́ниш, гониш по-русски как же называецца. Это по-коми-пермяцки* ***пикан****. Очень много сяких разных трау седобных ели*. [Может, покажете гониш?] *Здесь нет, только дикий* ***гониш****, а настояшшый* ***гониш*** *на полях, на лугах, он цветёт белым. Ели сам ствол: очистишь его, и там оно мяхкое-мяхкое, очень мяхкое. Вот это ешь. Сколько мы ели. Война голод это.*

Как видим из примеров, выяснение значения одного слова привело нас к необходимости толкования другого слова (*пикан*), обозначающего, как нам кажется, видовые понятия растений семейства пастернаковых. И гоныши, и пиканы коми-пермяки принимали (да и сейчас принимают) в пищу.

Можно ли назвать вопросно-ответные единства, в которых выясняется значение слова *гоныши*, успешными? И да, и нет. С одной стороны, мы получили подробное описание растения (внешний вид, вкусовые качества), с другой, – стало понятно, что за одним названием в русской речи Коми-Пермяцкого округа скрывается несколько растений. Это явление характерно всей диалектной лексике.

Отдельного внимания, как нам кажется, заслуживает вопросно-ответное единство, начинающееся с вопроса: *как жили раньше*? Функция данного вопроса – заинтересовать диалектоносителя. Ответ подразумевает включение оценочного слова. Нередко ответ на подобный вопрос очевиден: *раньше плохо, шибко плохо жили*. Далее ответ разворачивается, становится модально-диктальным.

Вот пример диалога с коми-пермячкой Н. Г. Полуяновой (1933 г.р.).

[Расскажите, как жили] *А вот так и жыли. После войны дак, во времйа войны-да, мы шестеро были, а мама одна работава, дак по двести грамм давали зёрном и вот это сем чёловек ели двести грамм-то…* [Было время, когда вы хорошо жили?] *А раньше до войны корошо жыли.* [А почему до войны лучше жили? Хозяйство было крепкое?] *Дак а мужыки-то ишо эть тогда были, дак клеб-то было, на трудодней давали клеб-то тогда. А мужыки ушли на пронт. Остались токо одни старйики. Хлеба не было, траву ели, пистики*. [А сейчас не едите пистики?] *А сечас у нас пистики не ростут. Поли не пашут, нет сечас у нас пистики… Плоко жыли, плоко, а корову сё равно сё держали, держали корову-то.*

Информант описывает и оценивает ту жизнь, которая была раньше. Ценность информации таких высказываний исключительная: человек делится важным для него, а не для диалектолога. По совокупности ответов можно создать образ того времени, в которое жили информанты. Иногда разговор о прошлой жизни так волнует информанта, что после каждой смысловой части он заключает «Ой, раньше шибко тяжело (или плохо) жили». Кроме того, возникает ситуация, при которой информант не может «выйти» из этой темы. В этом случае необходимо дать человеку выговориться.

Подводя итог, скажем, что вопросно-ответные единства в коммуникативной ситуации «диалектолог – информант» являются интересными для изучения. Несмотря на ведущую роль диалектолога, следует учитывать и настроение информанта, который, включаясь в разговор, нередко сам определяет развитие темы (тем). В этом случае диалектолог направляет, корректирует беседу. Специфика вопросов определяется задачами экспедиции (сбор лексического, этнографического материала и проч.). Четкая структура вопросно-ответных единств возможна только в том случае, если ответ дан по существу (по-видимому, диктальный). Если же информант, помимо основного, а нередко и вместо основного, дает дополнительные сведения (модально-диктальный), то четкости структуры вопросно-ответного единства нет. Происходит расширение количества тем ответа или смещение темы.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. – 1970. – №3. – С. 44-58.

Байдикова Е. Л. Вопросительные предложения в русской разговорной речи: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2013. – 23 с.

Балаян А. Р. Еще один монолог о диалоге (и полилоге) // Русский язык за рубежом. – 1981. – №4. – С. 62-66.

Баталова Р. М., Кривощекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. докл. …. докт. филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

Дускаева Л. Р. Диалогичность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука, 2006. – С. 45-53.

Мишланов В. А. Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. – 268 с.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – 377 с.

М. В. Боброва
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Пермь)

ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ, МОТИВИРОВАННЫЕ ЛЕКСИКОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЖИВОТНЫЕ», В XVI–XVII И В XX–XXI ВВ. [1]

Мы обращаемся к изучению антропонимии жителей одного региона (в настоящем случае – Пермского края), функционировавшей в различные периоды. Сопоставление позволяет выявить динамические изменения не только в лингвистическом, но также в лингвокультурологическом аспекте, что отвечает современным течениям в лингвистике, реализующим антропоцентрический подход в научном знании.

Материалом для сопоставления послужили средневековые и современные прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «Животные». Данные XVI–XVII вв. (далее – «исторические прозвища», ИП) с этимологиями извлечены из «Словаря имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков», «Словаря пермских фамилий» (40% таких личных именований зафиксированы в документах, но 60% восстанавливается на основе складывавшихся в XVII в. фамилий [Полякова 2010: 90]) и частично описаны составителем словарей Е. Н. Поляковой в монографии «История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках», а также в отдельных статьях. Современные прозвища (далее также СП) собраны преимущественно автором публикации, частично – иными исследователями (извлечены нами из различных источников); к анализу СП указанной тематической группы мы обращались ранее в [Боброва 2015; Боброва, Нечаева 2015]. Ограниченные рамками небольшой статьи, мы отобрали материал лишь тех подгрупп, которые отвечают представлениям о животных в наивной картине мира: «Млекопитающие», «Земноводные», «Пресмыкающиеся» (не привлекались подгруппы «Птицы», «Насекомые», «Рыбы»). Пермские прозвища как в Средние века, так и в настоящее время являются русскими, финно-угорскими или тюркскими (татарскими, башкирскими) по происхождению.

В памятниках отражено не менее 200 уникальных таких онимов, среди современных прозвищных антропонимов – около 240 (без учета повторяемости – более 350 единиц). Показатели, таким образом, соотносимы, но мы сознательно избегаем дальнейших статистических подсчетов и их сопоставления в силу предполагаемой излишне большой погрешности вычислений. Неточность показателей определяется, в первую очередь, тем,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00437а).

что невозможно утверждать о полноте имеющегося материала. Производящая лексика нередко полисемична, и затруднено определение семантики мотивирующих слов (так, например, *Масленико*в восходит к лексеме *масленик*, возможное значение которой – ‘горшок или кадка для масла’, ‘оладья из пшеничной муки, жаренная на масле’, ‘человек, который любит есть жирное’, ‘разновидность куницы’, ‘гриб масленок’, ‘желтый цветок’ [Полякова 2005: 232]). Кроме того, погрешность возрастает, поскольку затруднительно разграничение прозвищ и некалендарных имен (по этой причине в словаре пермских фамилий Е. Н. Поляковой принята формулировка «фамилия от некалендарного имени или прозвища…»). Мы опираемся на данные, этимологизируемые автором однозначно.

Различия ИП и СП значительны. Проявляются они уже в грамматическом строе онимов. Так, ИП редко сопровождаются аффиксами или морфологическим оформлением, нетипичными для соответствующих апеллятивов (ср. ***Конище***); аффиксация (суффиксация) обычно имеет антропонимическую природу, ср.: женские прозвища от именования мужа или отца ***Козлиха*** (< ***Коза*** или ***Козёл***), ***Кротовиха*** (< ***Крот***), ***Хвостиха*** (< ***Хвост***) и под.; мужские антропонимы со свойственным им суффиксом -*к*(*о*) ***Балеюшко*** (из апеллятива *баля*, т.е. ‘овца’, из коми-пермяцкого языка), ***Ревко*** (из глагола *реветь* ‘издавать громкие, отрывистые низкие звуки; рявкать (о животных)’), др. Исключение составляют немногочисленные примеры сложения основ (***Котоног, Верторог***).

В СП, напротив, нередко окказиональное словообразование или морфологическое оформление, которое используется в качестве средства языковой игры и подчеркивает неофициальный характер именования, ср.: ***Супербизон, Гиббонга, Мыша, Зверус*** и под.

В ономастике Пермского края манифестированы различные лексико-семантические группы, однако ведущей в обоих случаях является ЛСГ «Наименования животных». Так, по наблюдениям Е. Н. Поляковой, в XVI–XVII вв. в Пермском крае употреблялось более 80 имен из названий диких и домашних животных [Полякова 2010: 90]. Значительная их часть – русские некалендарные имена, которые, по мнению исследователя, призваны были выполнять защитную (обереговую) функцию. Коми-пермяцкие такие онимы отражают свойственный коми-пермяцкой культуре тотемизм; в частности, соответствующие имена связаны с культом медведя и лошади. Ср. русские антропонимы типа ***Волк, Зверь*** (из диалектного *зверь* ‘медведь’ или ‘лось’), ***Кабан*** и коми-пермяцкие онимы ***Голдырь*** (вероятно, связано с удмуртским *гондыр* ‘медведь’), ***Чань*** (из коми-пермяцкого *чань* ‘жеребенок’).

Помимо этого в онимии пермских памятников письменности представлены ЛСГ «Названия частей тела животных», «Названия животных по биологическим характеристикам», «Звукоподражания (имитации звуков, издаваемых животными) и их производные», «Масть животных»,

«Действия животных»: ***Турба*** из *турба* ‘морда кошки, собаки’, ***Селеток*** из *селеток* ‘годовалый или родившийся в этом году (о животных)’, ***Баксан*** из коми-пермцкого, коми-зырянского *баксыны* ‘блеять, мычать’, ***Коурый*** из *каурый* ‘светло-рыжий’, ***Будало*** из *будаться* ‘бодаться’, др. Кроме того, прозвища мотивировались лексикой периферийных групп, например «Части упряжи животных», «Наименования охотничьих ловушек» (***Подпруга*** из *подпруга* ‘ремень у седла, затягиваемый под брюхом лошади’, ***Каранча*** из *каранча* ‘ловушка для соболей, горностаев, хорьков и других зверьков’) и др.

В СП обнаруживается лексика ЛСГ «Названия животных и их видов/пород», «Названия частей тела животных», «Названия животных по биологическим характеристикам», «Клички животных», «Названия и клички животных – персонажей фольклорных/авторских произведений», «Наименования групп животных», «Звукоподражания (имитации звуков, издаваемых животными) и их производные», «Подзывные слова» (ср.: ***Такса, Котёнок, Мурзик, Змей Горыныч, Зоосад, Гав-Гав, Чыс-Чыс*** из коми-пермяцкого *чыс-чыс* ‘кис-кис’).

Тем самым среди ИП мы не обнаружим лексем из фольклорных и авторских текстов или наименований пород домашних животных, среди СП – неактуальной теперь охотничьей и крестьянской терминологии.

Интересно сравнить объем денотативной части номинаций. В исторических онимах мы обнаруживаем наименования таких животных (в скобках приведем наиболее интересные примеры; этимологии предложены Е. Н. Поляковой): барсук (***Барсук***), белка (***Векша***), боб(е)р (***Гачег*** из устаревшего коми-пермяцкого *гач*), бурундук (***Боронду́к***), волк (***Лыкас***), выдра (***Чува*** из коми слова *чув*), енот (***Мангут***), заяц (***Коян*** из башкирского *куян*), змея (***Горынчик*** из диалектного *горынь* ‘змея’), кабан (***Кабан***), коза (***Козлюк*** из *козлюк* ‘козел, козленок’), корова (***Телят***), кошка (***Кань*** из коми-пермяцкого *кань*), крот (***Крот***), куница (***Кунка***), лиса (***Руч*** из коми-пермяцкого *руч*), лось (***Лось***), лошадь (***Мул***), медведь (***Палаош*** из коми-пермяцкого ‘медведь-шатун’), мышь (***Мыш***), норка (***Чуш*** из коми *чуш*), овца (***Ижик*** из коми *ыж*), олень (***Олешек*** из *олешек* ‘олень; молодой олень; детеныш оленя’), песец (***Песец***), росомаха (***Росомака***), рысь (***Рысь***), свинья (***Сюряпорсь*** из коми-пермяцкого *сюр* ‘здоровый упитанный’ и *порсь* ‘кабан, свинья’), собака (***Кычан*** из коми *кычан* ‘щенок’), соболь (***Соболя*** из *соболя* ‘соболенок, детеныш соболя’), сурок (***Сурок***), тюлень (***Тюлень***), хорек (***Хорёк***). В имеющихся материалах абсолютно преобладают названия животных домашних, диких местных и промысловых, а также лексика, связанная со знаниями о них, их жизни, повадках и т.п., что естественно в средневековых условиях ведения натурального хозяйства, большой роли охоты в процессе добывания пищи. Это прослеживается также в прозвищах из отглагольных апеллятивов, в онимах периферийных групп, мотивированных названиями охотничьих и скотоводческих орудий, назва-

ниями мастей животных.

В современных прозвищах список животных расширен за счет названий таких, которые обитают в иных странах, в иных климатических условиях и известны современникам, главным образом благодаря школьному образованию и СМИ. Мотивирующие прозвища лексемы репрезентируют предметные понятия «кошка», «обезьяна», «мышь», «собака», «заяц», «медведь», «зверь», «коза», «лошадь», «свинья», «боб(е)р», «хомяк», «овца», «корова», «белка», «еж», «крыса», «суслик», «крокодил», «лиса», «слон» и др. Зоонимы в СП связаны представлениями об относительно большом (и большем, чем в ИП) ряде животных, значительная часть которых (здесь – аналогично ИП) – те, которые являются домашними и/или обитают в непосредственной близости от человека. Показательно, что здесь присутствуют названия видов, обитающих в иных условиях (ср. в СП ***Крокодил***, ***Скунс***, ***Удав*** и под.), но менее/не востребованы наименования таких животных, которые имеют промысловое значение (например, «соболь», «тюлень»), или таких, с которыми обычно не сталкивается обыватель (например, «росомаха», известная прежде всего охотникам как расхититель запасов и добычи).

В то же время среди мотивирующих основ СП можно наметить ряд наименований представителей не местной фауны, которые теперь уже закрепились в русской культуре, в каких-то случаях даже проникли в русскую фразеологию и обнаруживаются в прозвищах представителей любых социальных и территориальных групп: это частотные единицы типа *крокодил*, *мартышка*, *макака*, *слон* и под. И очевидна обособленность, так сказать, «культурно неспецифичных (немаркированных)» для русского языка зоонимов типа *гиббон*, *кенгуру*, *лемминг*, *панда* и др., обычно единичных в употреблении и актуализируемых в школьном и молодежном антропонимиконе.

Однако имеются и сходства.

В обоих случаях немногочисленны (но среди СП более частотны) антропонимы-словосочетания, ср.: ***Белая Коза***, ***Худой Рог*** (***Худые Рога***), ***Чистый Рожок*** (***Чистые Рожки***) – ***Коза Брянская***, ***Котёнок Биб***, ***Лошадь Пржевальского***, ***Старая Мышь*** и др.

Представлены наименования животных семейства грызунов, парнокопытных, кошачьих, псовых/собачьих/волчьих, пресмыкающихся, непарнокопытных, медвежьих и др. Только среди СП использованы названия приматов (причем такие прозвища частотны), названия отдельных представителей указанных семейств (например, в числе непарнокопытных – бегемота: ***Бегемотик***).

Имеется сходство в использовании лексики, связанной с животными определенного вида. В частности, значительно число онимов, восходящих к представлениям о кошке, козе, лошади (ср. среди ИП: ***Жеребец***, ***Кобыла***, ***Кобылка***, ***Конь***, ***Конище***, ***Конек***, ***Мерин***, ***Мул***, ***Чань***). Но в палеографиче-

ских источниках это также корова, овца, свинья, в СП – собака (ср.: ***Собака, Лайка, Такса, Мопс, Пудель, Кутя***). Иначе говоря, в прозвищах обеих групп видовые названия манифестируют представления о распространенных домашних животных.

Итак, СП демонстрируют трансформационные процессы не только в функциональном аспекте (известный переход прозвищ из официального антропонимикона в неофициальный), но также в формальном и содержательном.

СП разнообразнее, и прежде всего – за счет формальных средств, среди них многочисленнее окказиональные образования. ИП более традиционны по формальным особенностям (чаще отвечают имевшимся языковым закономерностям и нормам).

В ИП проникли понятия о предметах, имеющих хозяйственную ценность (так, мотивирующие их зоонимы называют домашних или промысловых животных). Производящая лексика отвечает традиционной языковой картине мира и отражает прагматичность мировидения номинаторов, их непосредственный жизненный опыт. Актуальная лексика в СП включает часть таких понятий как базовые (ядерные), но нередко она выходят за пределы традиционной «освоенной части мира» и представляют сферу «внешнего (неосвоенного) мира», область номинаций фактически разрастается до области знаний, широта которой обусловлена социальным статусом номинаторов. Прозвища позволяют говорить о «культурной специфичности/неспецифичности (маркированности/немаркированности)» лексики тематической группы «Животные» в различные периоды ее функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

Боброва М. В. Современные пермские прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «Животные» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2015. – №1. – С. 136–139.

Боброва М. В., Нечаева Л. С. Репрезентация семантической группы «Животные» в диалектной лексике тематической группы «Болезнь» и в современных прозвищах Пермского края // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 21 апреля 2015 г.). – Пермь: , 2015. – С. 196–206.

Полякова Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках: Монография. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – 280 с.

Полякова Е. Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. – Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. – 463 с.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 464 с.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЖАНРЫ ДИАЛЕКТНОГО МОНОЛОГА

Комплексное изучение говоров, осуществляемое в совокупности языковой, коммуникативной и культурологической специфики, стало в последнее время весьма актуальным. Из всех названных направлений, имеющих богатую историю изучения, наиболее молодым является коммуникативная диалектология, которая все больше завоевывает популярность среди лингвистов. Надо заметить, что это направление плодотворно развивается в тех научных центрах, где собраны представительные корпуса диалектных текстов (Саратовский университет, Томский университет, Вологодский университет, МГУ, ИРЯ РАН и др.).

Как известно, личностное общение – главная часть полевой работы диалектолога, тратящего немало времени на поиски нужного респондента – интересного человека и хорошего рассказчика, который наиболее полно репрезентирует изучаемый социум и со стороны языкового идиома, и со стороны культуры, этики, мировосприятия. Изучением языковой личности с конца прошлого века занимаются многие лингвисты, но при этом только диалектологи сравнивают диалектную языковую личность, относящуюся к традиционному типу культуры, с языковой личностью элитарного типа. Так, Е. В. Иванцова, представитель Томской диалектологической школы, пишет, что при всех различиях отмечаются многие черты, которые их сближают. Это, прежде всего, способность создавать тексты, «отличающиеся высокой степенью содержательности, логичности и связности», богатые по тематике, с представительным лексиконом, характеризующиеся образностью и экспрессивностью [Иванцова 2011: 108-109].

На протяжении последних лет мы изучаем диалектную монологическую речь в разных ее проявлениях и за эти годы, записывая самых разных рассказчиков, убедились в высоком уровне речевой и коммуникативной культуры диалектоносителей.

Монологи-воспоминания отличает особый стиль речи, который мы назвали *беллетристическим* [Букринская, Кармакова 2012]. Ему свойственно преимущественное использование репродуктивного регистра. При анализе диалектных текстов, целесообразно, на наш взгляд, опираться на концепцию коммуникативной грамматики [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004]. Авторы главным образом рассматривают художественные и публицистические тексты, однако эта методика продуктивна и при анализе устной речи. Напомним, коммуникативные типы речи – регистры –

обусловлены пространственно-временной позицией говорящего, его точкой зрения и коммуникативной интенцией. При этом основными являются три регистра: репродуктивный (в более ранних работах называемый изобразительным), информативный и генеритивный.

При использовании репродуктивного регистра коммуникант воспроизводит (репродуцирует) средствами языка «фрагменты, картины, события действительности как непосредственно воспринимаемые органами чувств…, локализованные в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» [Там же: 402-403]. Помимо репродуктивного регистра беллетристическому стилю присуща и эстетическая организация текста, которая достигается чаще лексическими средствами – использованием образных выражений, фразеологизмов, пословиц, сравнений, эпитетов, фольклорных элементов, словообразовательными средствами – наличием слов с суффиксами субъективной оценки, индивидуальным словотворчеством, синтаксическими – бессоюзием, однородными членами, неполными предложениями.

По нашим предварительным наблюдениям выделяется несколько типов развертывания текста: 1. линейно-документальный и 2. линейно-ассоциативный. При первом типе развертывания рассказ не имеет побочных отступлений от основного сюжета, его можно сравнить с документальным кино, где кадр за кадром регистрируются подлинные события и лица; как правило, отсутствует диалоговость, почти нет обращений к слушающему, редки переходы от прошлого к настоящему, не отмечена оценка происшедшего с позиций настоящего, нет и комментария о судьбе персонажей, упоминаемых в рассказе. Для второго типа текста характерно наличие ассоциативно возникающих сюжетных линий, многоуровневая диалогичность – разговор с собеседником, разговор с самим собой [Краузе 2006], оценка прошлого с позиций современности.

Названные типы построения текста могут проявляться в нарративах одного и того же рассказчика. В 2006 г., собирая материал для описания говоров белорусско-русского пограничья, в д. Лобок Невельского района Псковской области мы познакомились с удивительным человеком – Екатериной Яковлевной Тищенко, 1923 г. рождения. Она оказалась блестящей рассказчицей, обладающей хорошей памятью и яркой, выразительной речью. Екатерина Яковлевна сохранила неизбывный оптимизм, несмотря на все жизненные испытания и беды (войну, смерть дочери и мужа), и в своем возрасте не утратила общественного темперамента, принимая участие во всех сельских мероприятиях, переживая за современное состояние родной деревни. Е. Я. Тищенко обладает способностью порождать различного рода политематические тексты, которые характеризуются композиционной целостностью, логичностью, экспрессивностью; её речь послужила материалом для многих наших работ [Букринская, Кармакова 2011; 2014].

Информантка принадлежит к традиционному типу культуры, которому свойственно сохранение архаического типа сознания. Она хорошо помнит старинные обряды, бытовавшие в данной местности. В записях ее речи помимо монологов-воспоминаний о военном времени, жизни послевоенной деревни содержится большое число этнографических зарисовок, таинственных и суеверных рассказов, фольклорных текстов (быличек и бывальщин). В записях можно выделить тексты следующих жанров: рассказ-случай (*Про женитьбу*, *Ревность*), рассказ-повествование (иногда достаточно развернутый – *Об освобождении родной деревни*, *О жизни после войны*), рассказ-пластинка (*Про Сталина и Гитлера*), таинственный рассказ (*Мама приходила*, *Отец сына забрал*, *Сон*), этнографические зарисовки (*Егорий и Михайло, Масленица*, *Белый понедельник*, *Гаданья*), суеверный рассказ (*Зло зря не проходить, Залом*, *Как корову сглазили*), былички и бывальщины (*Поросенок-оборотень, Свадьба едет*, *Спор двух колдунов*).

Напомним, что важнейшими чертами диалектного повествования являются событийность, антропоцентричность, эгоцентричность [Гольдин 2009: 6]. Этими общими признаками обладают и монологи Е. Я. Тищенко. Информантка в зависимости от темы рассказа по-разному строит свой монолог. В нарративах о войне она выступает как документалист, свидетель и участник, чьими глазами показаны события. В большом по объему спонтанном тексте об освобождении деревни советскими войсками практически нет параллельных сюжетов, отступлений от основной темы, монолог разворачивается в четкой временной последовательности, которая усиливается повтором наречия *потом* и частицей *ну*. Даже в том случае, когда один из слушающих задаёт вопрос, рассказчица лаконично отвечает, предупреждая, что сначала завершит свой рассказ: *докажу пе́рва своё*. В монологе присутствует достаточно много деталей, важных для понимания обстановки. Интенция говорящего – правдиво, почти документально передать то, что пришлось испытать ей и ее близким во время войны. В монологе мы не находим дидактичности, обобщений, жизненных сентенций.

По-другому Е. Я. Тищенко строит монологи, повествующие о чем-то сверхъестественном, необычном. В суеверных и таинственных рассказах, а также фольклорных текстах она является не только свидетелем или транслятором чужих историй, но и личностью, которая оценивает происходящее, осмысляет события, выходит на уровень обобщения жизненного опыта, утверждения универсальных нравственных устоев.

Ниже приведем текст, который мы отнесли к жанру суеверного рассказа. В подобных рассказах повествуется о разнообразных случаях наведения порчи (через заговор, опасный предмет, пищу), об исцелениях с помощью знахарей, нарушениях человеком запретов, установленных традицией, и их последствиях, о способах защиты от порчи (оберегах). В рассказе информантки описываются два случая «расплаты» за зложелательство (тексты

приводятся в упрощенной транскрипции, с сохранением лишь основных фонетических особенностей говора).

Зло зря не проходить

У нас вот у Зуях была женшишына, она сейчас умерла. Когда поүибла моя дочь, обычно… я сёння (ня) плачу, но тады я плакала. Она пришла лошадь запряүать. А Сашка [зять] *мой үово́рить: «Иди. Вот сбруя, веди, запряүай». А запрячь она не умела, а чтоб попросить, слово обярнуть, что ты мне помоүи, … помоүи мне запрячь. А тады как понесла руүаться и үово́рить: «У вас такое үоре случилось, дай, Yосподь, вам и друүое то». Я вот так үоворю: «Ай-ё, как это ты моүла, у тебя слово повярнулося». И үоворю: «Я клясть ня буду и руүать ня буду, и детьми твоим шчапа́ть ня буду. А табе отдай Yосподь то, что ты желаешь мне».*

Сем үодоу у үүле лежала. И тут дачники, приезжал мальчик… такие. Ина никоүда никоүо по имени не зва́ла. Уж всё прозвишша такеи. И в обшшем зловредная была. Вот она за свои үрехи вси и поплатилась. «Димка»,– үоворить, пришел пьяный внук. Она үоворить: «Димка, прости ты меня. (*Она слепая лежала, забрала ее дочка в Ленинүрад.*) *Я на вас дуже руүалась». – «А я, тётя Марина, уже забыл».*

Теперь друүая есть у Шеляковине. Ну, знаешь, бриүадиром работала, ведь не красное солнце. Усим никак не уладишь, хотя я делала тольки усим добро. Начисляла я чэстно усим. Но она се́рдилась и понесла, всяк меня обруүала. Я сказала: «Лен! Я руүаться ня буду, а табе дай үосподь».

Вот нынче уж ей семьдесят үодоу, убилась, зломала ноүу́ у бядре и сяүодня ня ходють [ноги], *и ослепла, ня видеть ничаво. Дак, я үоворю,* ***чужое үоре зря не проходить, никоүда, никоүда не кляни никоүо, никоүда не руүай никоүо. Это усё вярнется на тебе самою.*** *Это уж действительно по моей жизни.* ***Нельзя, нельзя руүать и нельзя клясть. Потому что это ве́рнется тебе самой.***

Интенция этого рассказа состоит в желании поделиться жизненным опытом, высказать свои этические суждения о правильных отношениях с людьми, в стремлении предостеречь слушателя. Текст разворачивается в репродуктивном регистре с информативными вкраплениями пояснительного характера, иногда перебивается ассоциативными сюжетами (о дачниках, о внуке Диме), а завершается выводом (выделено полужирным шрифтом), т.е. переходом в генеритивный регистр, который содержит «обобщение, осмысление информации, соотносящее её с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства…» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 404].

Приведем еще один текст Е. Я. Тищенко, мы назвали этот жанр таинственным рассказом. В этот жанр включаем истории о загадочных и порой страшных событиях, которые могут иметь различное истолкование, как реалистическое, так и сверхъестественное. Этот жанр занимает промежуточное положение между бытовыми рассказами и быличками / бываль-

щинами. К таинственным рассказам относятся повествования о мистических знаках потустороннего мира, необычных снах, предсказаниях.

Сон

А Люсю вот видела раз во сне, один ядинственный раз и больше послѝ тоγо никоγда ня вижу.

Вроде я приезжаю в Ленинγрад, как я и была, γоворю: «Ну, как ты, доченька, тут пожиγаешь?» Она: «Да я хорошо живу, Сашка со мной жить ня хочет». А мужа звали Сашка... Я γоворю: «А γде он?» Ина мне и показываеть: «Во, в тей квартиры». А там вот так дом и вот так [показывает]. *Она – «В тым γлѐ живеть». Я γоворю… Вот как з вам сейчас γоворю: «Наплюнь ты на яγо. Тебе таких десять Са́шков будеть, как етот Сашка!» А я не хотела дуже, чтоб она замуж шла, она была высокая, не такая, как я, и красивая была деушка. «Ну, тобе, γоворю, здесь десять таких Са́шков будеть».*

И вдрух я спрашиваю: «Доченька, скажи, а как это с тобой случилось?» А ина: «Что случилось, так надо было, мама, так надо было. Вот это со мной и случилось, и никоγо не вините. Так надо было».

Я γоворю, да, и вдрух я спрашиваю: «А ти видишь ты своих ро́дных там каγо?» Ина γоворить: «Всех, мама, вижу, но мне к им ходить не надо. Нажимаю кнопки, ихныи комнаты открываются двери. Я всех их вижу».

И я вдрух прочинаюсь. И послѝ тоγо больше никоγда ня видела.

А вот туγда она мне так рассказала. Я γоворю… я γоворю: «γлухе́и, сляпэ́и живуть же в γороде, и всё хорошо, а ты?» Она γоворить: «Так надо было». Наверно, судьба, ина такая была. Так надо было.

Истолкование сна может иметь как реалистическое, так и сверхъестественное объяснение. В сюжете видится реальный план – поездка в Ленинград (дочь жила там и там же погибла), плохое отношение к зятю, и мистический – разговор во сне с дочерью о том свете.

Текст представляет собой развернутый диалог. Сон начинается с воспоминания информантки о поездке в Ленинград. Но уже первый вопрос звучит двусмысленно: *Ну, как ты, доченька, тут пожиγаешь?»* – где? – в Ленинграде? на том свете?

Далее речь заходит в иносказательной форме о расставании дочери с мужем: он теперь живет отдельно, в другом месте – *в тым γле*, так как смерть разлучила их. После этого вполне правдиво звучат слова матери, которые она говорила дочери и при жизни: *Наплюнь ты на яγо. Тебе таких десять Са́шков будеть, как етот Сашка!* Далее идет ассоциативный перебив об отношении информантки к замужеству дочери и повтор основной фразы: *Ну, тобе, γоворю, здесь десять таких Са́шков будеть».*

Новый поворот сюжета начинается так: *И я вдрух спрашиваю*. В рассказе эти слова употребляются трижды, всякий раз вводя нечто важное. В первом случае после них следует вопрос о гибели: *Доченька, скажи, а как это с тобой случилось?* Мать не знала подробностей трагедии: дочь,

которая уже была в декрете, *подбило ґоночным велосипедом*, она ударилась головой о камень, что и явилось причиной смерти. Дочь во сне отвечает, принимая судьбу как нечто предначертанное свыше: *Никоґо не вините. Так надо было.*

После второго повтора *И я вдрух спрашиваю* идет вопрос о родственниках: *А ти видишь ты своих ро́дных там каґо?»* Ответ дочери напоминает фрагмент из фантастического фильма: *Всех, мама, вижу, но мне к им ходить не надо. Нажимаю кнопки, ихныи комнаты открываются двери. Я всех их вижу.*

И в заключение: *И я вдрух прочинаюсь* [просыпаюсь]. *И послѝ тоґо больше никоґда ня видела.* После чего Е. Я. Тищенко, вспоминая сон, еще раз повторяет ответ дочери: *Так надо было.*

Подводя итог сну, рассказчица коротко констатирует: *Наверно, судьба ина такая была. Так надо было.* Она воспринимает сон как реальную встречу с дочерью, о чем свидетельствуют слова: *Вот как з вам сейчас ґоворю.* Рассказ имеет рамочную композицию, при которой в начале и в конце повторяется одна и те же фраза: *И больше послѝ тоґо никоґда ня вижу.*

В тексте использован в основном репродуктивный регистр с характерным для устной речи, диалектной и фольклорной, совпадением ситуации темы и ситуации текущего общения [Гольдин 1997; Лихачев 2001], отмечаются изобразительные повторы. Все перечисленные черты придают тексту большую экспрессивность.

Еще раз подчеркнем, что такие жанры, как суеверный и таинственный рассказы, характерны именно для деревенского социума. Они демонстрируют архаическое мировосприятие, важнейшей составляющей которого является магия, возможность общения с потусторонними силами, граница между двумя мирами у деревенского жителя проницаема и зыбка.

Таким образом, диалектная языковая личность отличается от литературной выбором тем, наличием особых жанров, таких, как таинственный и суеверный рассказ. Можно предположить, подобные рассказы существуют и в просторечной среде, при условии сохранения традиционного сознания ее представителями, но это требует отдельной проверки.

ЛИТЕРАТУРА

Букринская И. А. Кармакова О. Е. Речевой портрет жителя провинции // Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15-17 ноября 2010 г.). – Саратов: ИЦ «Наука», 2011. – С. 84-92.

Букринская И. А. Кармакова О. Е. Опыт анализа нарративных диалектных текстов // Русский язык сегодня. – Вып. 5: Проблемы речевого общения. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. – С. 42-51.

Букринская И. А. Кармакова О. Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014. Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 155-164.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. … докт. филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Филология и журналистика. – 2009. – №1. – С. 3-7.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с.

Иванцова Е. В. Культура устного общения в традиционном говоре и элитарная речевая культура: полярность или единство? // Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15-17 ноября 2010 г.). – Саратов: ИЦ «Наука», 2011. – С. 106-111.

Краузе М. Уж это я помню! Диалогичность и верификационные стратегии в нарративах диалектоносителей русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. – С. 106-107.

Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 2001. – 566 с.

А. И. Буранова, Е. Г. Трещева
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

САРАТОВСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ КОРПУС: НА ПУТИ К СОХРАНЕНИЮ НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезис о глубокой и тесной связи между языком и культурой говорящего на нем народа известен давно и закрепился в научном сообществе. Взаимопроникновение языка и культуры заметно на самых разных уров-

нях, будь то уровень языковых знаков или уровень надтекстовый, включающий весь спектр коммуникативных целей и способов их выражения в той или иной типовой ситуации общения. Именно поэтому многообразие форм какого-либо национального языка – это не просто его структурная сущность как объекта научного исследования, это также и отражение его включенности в разные культурные коды, которыми владеют носители данного языка.

Русский язык, как язык национальный, государственный, как язык, распространенный во многих странах, представляет собой многокомпонентное образование, включающее целый ряд коммуникативно-функциональных разновидностей. При этом традиционно в центре внимания оказывается такой вариант русского языка как язык литературный. Однако диалекты – не менее важная часть русской речевой культуры: «Русские народные говоры – это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее культурное достояние России» [Крючкова, Гольдин 2010: 188]. Именно поэтому перед научным сообществом остро стоит задача сохранения ярких образцов речевой культуры в виде доступного и представительного научно-образовательного ресурса.

В лингвистической практике последних лет все большую популярность набирает корпусный подход, позволяющий языковедам, культурологам, этнографам обращаться к представительным текстовым массивам, спроектированным таким образом, что они открывают широкие исследовательские возможности. Подобные массивы носят название *электронных текстовых корпусов*.

Задача такого собрания текстов – не только представить максимально большое количество текстов на данном языке или его коммуникативном варианте, но и сопроводить эти тексты так называемой *разметкой*, или, иными словами, информацией лингвистического, культурно-исторического, лингвогеографического, социологического характера, которая потенциально может заинтересовать исследователя. Такие текстовые коллекции ценны также тем, что дают представительную, статистически надежную базу для лингвистического исследования. Они не «заточены» под решение какой-то одной узкоспециальной задачи, а предоставляют доступ к объективной текстовой выборке, которая позволяет взглянуть на языковой идиом в его реальном функционировании.

В настоящее время на материале русского языка имеется ряд электронных текстовых корпусов, описывающих русский язык как в синхронии, так и в историческом развитии. Вместе с тем нельзя не отметить, что большинство корпусных проектов ориентировано на литературный русский язык, в то время как важно включать в такого рода базы данных в том

числе и его территориальные варианты, тем более что для них гораздо острее стоит проблема их сохранения.

Актуальность такого ресурса как электронный корпус диалектных текстов обоснована еще в 70-е гг. XX века: в это время уже осознавалась необходимость при изучении диалектных черт обращаться к большим надежным текстовым массивам. Так, о важности такого подхода говорят Н. А. Лукьянова и М. И. Черемисина, отмечая, что «количественные измерения словарного состава диалектного языка и его отдельных микросистем можно осуществить лишь на основе текста (количественное соотношение общерусских и диалектных слов, частотность – нечастотность отдельных элементов словаря, продуктивность – непродуктивность языковых элементов и т.п.). Выявление многих семантических закономерностей и процессов также невозможно без наличия текста, письменного воспроизведения речи носителей говоров» [Лукьянова, Черемисина 1974: 139].

Такая задача решается в Центре изучения народно-речевой культуры им. Л. И. Баранниковой Саратовского государственного университета, сотрудниками которого в рамках проекта по сохранению русских народных говоров создается мультимедийный ресурс, получивший название Саратовского диалектного корпуса (СарДК). Его важной чертой является ориентация на *репрезентативность,* или, иными словами, способность корпуса отражать реальные лингвистические и социокультурные особенности той формы коммуникации, которую он призван моделировать. Так, основной целью СарДК является представление народного говора как целостного культурного функционально самодостаточного образования: «Текстовый диалектный корпус должен служить моделью традиционной сельской коммуникации на диалекте, а если он включает текстовые материалы одного говора, то – моделью коммуникации в конкретных условиях жизни данного речевого коллектива» [Гольдин, Крючкова 2006: 71].

На данный момент Центр располагает представительным архивом диалектных записей, отражающих функционирование одного говора Вологодской области (говор куста сел Мегра Вытегорского р-на) и трех говоров Саратовской области: говоров сел Белогорное (Вольский р-н), Земляные Хутора (Аткарский р-н) и Орлов Гай (Ершовский р-н). Уже разработаны структура корпуса и алгоритм поиска по размеченному тексту [Батраева, Гольдин, Крючкова 2009; Батраева, Трещева 2012] – чтобы разрабатываемый ресурс не просто открывал доступ к диалектным аудиозаписям и соответствующим им текстам, а предоставлял также и возможность поиска в нем различных лингвистических явлений. Несмотря на то, что на настоящий момент поисковый механизм в корпусе реализован не до конца, электронный массив диалектных текстов позволяет проводить лингвистические исследования, подкрепленные представительным количеством образцов диалектной речи.

Подобные исследования не могут не затрагивать и социокультурных условий, в которых сложился и функционирует говор. Более того, учет социокультурного окружения помогает правильно интерпретировать некоторые особенности диалектной коммуникации, а языковой материал, в свою очередь, выступает в роли источника сведений о традиционном укладе жизни представителей народной культуры.

Наиболее ярко такое взаимопроникновение языка и культуры проявляется в речевом поведении представителей малых сообществ. В составе СарДК это может быть проиллюстрировано на примере особой социокультурной ситуации, которая сложилась в с. Белогорное Саратовской области [Буранова 2012]. Говор развивается в ситуации противопоставления двух религиозных общин: последователей официальной церкви (т. наз. «церковных») и старообрядцев, что оказывает влияние как на лексический состав, так и на содержание речи диалектоносителей. В частности, концептуально и коммуникативно значимой для большинства жителей села Белогорное оказывается тема религии. Эта тема не только активно обсуждается носителями говора, но и сопровождается ярко выраженной оценкой межконфессиональных различий. Причем особый взгляд на многие аспекты религии формируется в каждой конфессиональной группе: зачастую религиозные представления последователей разных конфессий могут быть полярно противоположны, что непосредственным образом отражается в речи. В частности, интересно отметить, что последователи традиционного православия довольно толерантно относятся к представителям других вер (кроме старообрядческой):

поженились там и на/ можно сказать и/ на мусульманках некоторые// и всё сходится// так вот/ мне какая разница// вот// Господь примет всё//

Старообрядцы, напротив, не признают других вер и относятся к ним с пренебрежением:

церковна вера это не вера// их ведь семьдесят семь вер// это вот баптисты вот эти/ Иегова вера/ да какие это веры?// да разве это веры?

Противостояние двух социокультурных групп отражается и в различных способах номинации отдельных жизненных реалий. Так, в роли наименований мест религиозных отправлений в речи «церковных» функционируют разные лексемы в зависимости от того, о какой реалии идет речь. Так, лексемы *лавра, храм, храмик, церковь* и *часовенька* используются при описании реалий, связанных со своей конфессиональной группой:

***церковь** вот топереча нам господь дал;*

*в **церковь**-то мало ходят церковных-то людей-то;*

*на Троицу вот всегда ходите в **храмы**.*

И, напротив, в отношении мест религиозной обрядовости, используемых представителями иной, старообрядческой, общины, употребляются единицы *молельный дом* и *моленная*:

вот где сельский совет/ это вот у них моленная;

надо всевышнему// чтоб он услышал// надо поставить крест/ где молельный дом-то этот.

В речи старообрядцев присутствуют эти же лексемы:

ну ясное дело/ нас вот видели сколько в ***моленной****-то;*

закрыли у нас эту ***молельную****// очень преследовали.*

Лексема же *церковь* в речи старообрядцев приобретает дополнительную социокультурную коннотацию: это не просто обозначения сооружения, где проводятся службы «церковных», но и указание на другую веру:

в ***церкви*** *причащаются/ у нас нет;*

в ***церкви****-то они неправильно всё учат.*

Противостояние двух религиозных общин особенно явно прослеживается при анализе тематической группы «Обозначение человека в зависимости от вероисповедания». У представителей обеих общин существуют специальные лексемы для обозначения представителей противостоящей веры. Представители традиционного православия называют старообрядцев *кулугурами*, и эта лексема имеет негативную окраску:

у нас эти люди/ у нас эти вот/ эдаки/ вот мы православные/ мы всё дозволяем// мы дадим и пить/ и покормим/ и чего кто попросит всё даем// а у ***кулугур****/ у них особо/ чашку они воды не дадут;*

а то/ видишь/ они ***кулугуры****/ они-то не идут в церковь/ они вообще пренебрегают.*

В то же время старообрядцы именуют последователей традиционного православия *еретиками* и *церковниками*, используя данные номинации в отрицательно-оценочном смысле:

а с ***еретиком****/ тоже есть написано/ с* ***еретиком****/ вот не пить/ и не есть/ и не вкупе богу молиться.*

Как видно, языковые особенности в достаточной мере зависят от социокультурной среды, а значит, при создании компьютерного ресурса, содержащего диалектный материал, необходимо построить его таким образом, чтобы исследователь мог изучать лингвистические особенности в контексте сведений социокультурного характера.

При этом важен вопрос о способе представления различной по своей сути информации: ведь в такой корпус необходимо наряду с текстами включать и экстралингвистические факты, которые помогут в интерпретации языкового идиома как целостного лингвокультурного образования. В качестве структурной единицы СарДК выбрано такое образование, как модуль, соответствующий одной диалектной аудио- или видеозаписи и включающий в себя информацию, которая позволяет представить цельную картину общения на диалекте. Модуль содержит аудио- или видеофайл законченной беседы диалектолога с информантом, ее текстовую расшифровку, грамматические сведения о единицах, входящих в данный текст. Кроме того, в модуль входит информация о самой записи (год записи, место,

условия), социолингвистических характеристиках информантов (пол, возраст, профессия, является ли коренным жителем и т.п.), жанровых и тематических параметрах текста. Все это позволяет построить **модель диалекта как целостной системы** [Крючкова, Гольдин 2008, 2010].

Принцип строения модуля диалектного корпуса СарДК можно описать через последовательность этапов его создания.

1. Создание звукового или видеофайла, фиксирующего беседу с носителем диалекта: в рамках диалектологических экспедиций под руководством кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ проводятся беседы с диалектоносителями, при этом необходимым требованием выступает создание максимально естественных условий общения с информантом.

2. Подготовка метаинформации: в модуль включаются сведения об диалектоносителе (ФИО, дата рождения, пол, род занятий), а также информация о записи текста (дата записи; место и условия коммуникации; тематические и жанровые характеристики беседы; данные о собирателях, об ответственных за подготовку модуля); указываются биографические данные информанта; в отдельных случаях корпусные сведения дополняются фотографиями и картами. Все это дает возможность описать диалектоносителя как целостную языковую личность, представителя традиционной народной культуры.

3. Расшифровка аудио- или видеозаписи: беседа с диалектоносителем переводится в текстовое представление. Это очень трудоемкий процесс, который требует от создателей корпуса учета особенностей устного дискурса при переводе устной речи в не характерную для нее письменную форму.

4. Тематическая и жанровая разметка: на данном этапе каждому смысловому отрезку речи приписываются специальные маркеры темы и жанра, поскольку эти параметры важны при интерпретации диалектного текста. Следует заметить, что наличие данного вида разметки является специфической особенностью СарДК.

5. Нарезка аудио- или видеофайла на фрагменты и расстановка маркеров границ этих фрагментов в соответствующем тексте расшифровки: для формирования поисковой выдачи важно поделить звучащий текст и его расшифровку на фрагменты, необходимые и достаточные для представления контекста, иллюстрирующего заданное пользователем явление.

6. Автоматическая морфологическая разметка, в ходе которой текстоформам приписываются грамматические признаки.

7. Ручное снятие морфологической неоднозначности, добавление в разметку дополнительных сведений о текстоформе, обусловленных спецификой диалектной коммуникации (литературное соответствие, сведения о нестандартном употреблении, о вхождении в состав неоднословной единицы – идиоматического выражения или аналитической формы). К приме-

ру, к стандартным грамматическим признакам, размечаемым автоматически, добавлены пометы *idiom*, *analit*, *nstand*, *ind*, маркирующие соответственно такие особенности текстоформ, как вхождение в состав идиоматического, устойчивого сочетания (*всё равно*, *на всякий случай*) или аналитической формы (сложные грамматические формы составного будущего времени или сослагательного наклонения (*буду делать*), нестандартность леммы либо грамматической формы (*гаманок* («кошелек»), *на рек**и́***), окказионализм (*грунт* вместо *гурт*) и др.

8. Подготовка текстового представления в особом компьютерном формате, приспособленном для отображения размеченного текста в веб-интерфейсе.

Таким образом, готовый модуль содержит в себе заключенную в отдельные файлы разностороннюю информацию об основной единице корпуса – диалектной записи.

Важной задачей при создании СарДК остается такая формализация описания говора, которая позволяет отразить особенности, отличающие его по разным аспектам от литературного языка, а также обеспечить пользователям корпуса возможность найти контексты с диалектной спецификой, но при этом не допускать излишней интерпретации языкового материала.

В общем и целом, думается, такой подход обеспечивает представление говора как полноценной функциональной системы, отражающей культурно-языковое своеобразие данного социума и многообразие форм бытования русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Батраева И. А., Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Поисковый механизм Саратовского диалектного корпуса // Компьютерные науки и информационные технологии. Материалы международной научной конференции 1-4 июля 2009 г. – Саратов: Изд-во СГУ, 2009. – С. 24-27.

Батраева И. А., Трещева Е. Г. Автоматическая обработка диалектного материала для включения в электронный текстовый корпус // Компьютерные науки и информационные технологии: Материалы Междунар. науч. конф. – Саратов: Издат. центр «Наука», 2014. – С 48-51.

Буранова А. И. Особенности речевой репрезентации темы «религия» в конфессионально-неоднородном говоре (на материале говора с. Белогорное Саратовской области) // Русская речевая культура и текст: Материалы VII Международной научной конференции (16-18 мая 2012 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. – С. 19-24.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. – Самара: Самарский ун-т, 2006. – Ч. 1. – С. 71-80.

Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 7 (14). – М.: РГГУ, 2008. – С. 268-273.

Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурной языковой политики в России // Инновационная Россия. Сборник работ лауреатов и дипломантов Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Держава – 2009». – М.: ФОРУМ, 2010. – С. 187-198.

Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Понятия «язык», «речь», «текст» в диалектологических исследованиях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1974. – С. 130-140.

С. С. Земичева
Томский государственный университет
(Томск)

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ В ЛЕКСИКОНЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ[1]

В. Е. Гольдин относит звукоподражания к лингвистическими средствам реализации принципа иконичности, который проявляется на разных уровнях диалектной коммуникации и понимается как «придание говорящими предельного сходства своей речи с тем, о чем в ней повествуется» [Гольдин 2001: 51].

Доклад посвящён анализу ономатопеи в речи носителя сибирского старожильческого говора В. П. Вершининой (1909-2004) и является частью проводимого автором исследования чувственного восприятия диалектной языковой личности. В качестве источника использовались 4-х томный «Полный словарь диалектной языковой личности» под ред. Е. В. Иванцовой (Томск, 2006-2012) и записи спонтанной устной речи информанта, сделанные диалектологами Томской лингвистической школы (около 10000 стр.).

Звукоподражаниям принадлежит заметное место среди номинаций звука: зафиксировано 75 единиц (что составляет около 30% всех звукообозначений). В то же время доля звукоподражаний в масштабах идиолекси-

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-54-00004 «Языковая личность диалектоносителя: лексико-семантическое поле восприятия»

кона в целом достаточно мала: по оценке Е. В. Иванцовой, последний насчитывает 22 500 лексико-семантических вариантов [Иванцова 2002: 37], т.е. ономатопы составляют 0,3% лексикона. Бóльшая часть единиц (55%) относится, в соответствии с данными источника, к диалектным, общерусские звукоподражания составляют 39%, число просторечных обозначений незначительно (6%).

По семантическому критерию (на основе контекстуального употребления) выделяются звукоподражания человеку, артефактам и животным. Рассмотрим каждую из групп подробнее.

Звукоподражания чаще всего характеризуют человека; единицы этой группы могут обозначать звуки физиологической сферы (17 номинаций), речь (9), физические действия (8), эмоциональные реакции (6).

Номинации физиологических звуков обычно связаны с болезнью: ***«Крхо! крхо!»*** *– какой-то прям сильный, кашель такой хрипáтый; Шура у нас шúбко простыла. Прямо* ***ш-ш!*** *– ночью свистит; А… спит, а так:* ***«с’-с’-с’-с’!.. с’-с’-с’-с’!»*** *– свистит вроде. Я говорю: однако, у ей чё-то тоже неладно.* Узуальные звукоподражания в идиолексиконе могут обозначать также внутренние ощущения, связанные с нарушением нормального самочувствия: *Звенит в ушáв –* ***у-у****! Гудок гудит; Вот итойдёт* [сердечный приступ]*, как это так:* ***«тук!»*** *– сердце как… прямо даже почувствую я. И сразу легче станет.* В других случаях обозначаются звуки, издаваемые при повреждениях человеческого тела: *А мне помню, как прокóлют* [пузыри после ожога]*, так* ***хлюп-хлюп****, как вода всё равно на пол.*

Употребляются обозначения дыхания и некоторых других физиологических процессов: *Митрий Михалыч-то, гыт, пошёл плясать, плясал-плясал, да* ***«Ух, ух!»*** [изображает глубокие выдохи] *– на диван упал!* [смеются] *Ауа; Колет* [дрова] *да перьдúт:* ***пук-пук-пук.*** Звучание физиологической сферы может восприниматься как нарушение этикетных норм: ***«Ы-э! Ы-э!»*** *– икать* [начал]. *Она: «Хватит тебе рыгать-то... икать-то!» – она на него.*

Звукоподражательные обозначения речи представлены 9-ю диалектными единицами. Номинации *ты-ты-ты, тры-ты-ты* обозначают собственно процесс речи: *Уж она раньше:* ***«О, ты-ты-ты-ты»,*** *а тут чё-то недовольна*. 5 единиц (*ва-ва-ва-ва, вот-вот-вот-вот, дяп-дяп-дяп, а-а, о-о*) указывают на речь неразборчивую, невнятную: *У Вали свёкор, он не может говорить, и язык:* ***«Вот-вот-вот-вот…»*** *– и всё.*

Звукоподражания могут передавать и некоторые дополнительные характеристики речи: *Ну, леслú… леслúвый человек. Который он не самостоятельный, а который такой леслúвый,* ***«ти-ти-ти-ти-ти».*** Диалектоноситель имитирует и индивидуальную речевую манеру односельчан, например, склонность к жалобам и причитаниям: *Как Мотя же тоже:* ***«Уа-ай-вай-вай!»*** *руку!*

Ономатопы передают также звуки эмоциональной сферы (6 единиц). При этом смех обозначается общерусскими единицами (*ха-ха, хо-хо*), номинации плача имеют диалектный или просторечный характер: *Он возьмёт да у ей в булку запиха́т туды́, ложки-то. Она и́шшет, и́шшет: «Кирилл, ты не видал, куды́ я ложки-то девала?» Кирилл: «**Хо, хо-хо**!»; Я думала, Мотя там – прям рёвом ревёт вот, горькими слезами плачет, а… ревёт прямо! **«И-ви-ви-ви…»; Я говорю: «Ты чё, ты чё?» – «Ы! ы! ы!»** – заплакала, заплакала и ушла.*

Звукоподражания могут обозначать звуки, сопровождающие физические действия человека, в частности, звук шагов (*топ-топ*), сдувания чего-либо (*фу*), стук в дверь (*стук, зык, стук-зык*): ***Стук-стук,** а она, гыт, кода́ побъёт, он… пробо́й выпадывал у ей. А тут и пробо́й не поддаётся нам, и ничё, и ключа нету. **Стук-зык, стук-зык** – никого ничё, ну и отправились мы, домой.* С помощью звукоподражаний имитируется также поглощение пищи (*хрум-хрум*) и алкоголя (*бо-бо-бо*): *Ну в обшем, она четыре ли пять ли стопок – **«бо-бо-бо!»** – бутылку она выпила у меня.*

Для речи носителя народно-речевой культуры типично использование имитации звуков сплёвывания против сглаза, имеющей символическое, охранительное значение (отмечено 7 случаев): [Кошка мышей ловит?] *Да кто ё знат, ловит ли не ловит, ну нету. <…> **Тьфу-тьфу,** нету.*

К сфере звучания артефактов относятся 19 единиц. Как правило, один и тот же звук по-разному обозначается в разных высказываниях. Так, звук работающего двигателя трактора, автомобиля имитируют 5 единиц – *тыр-тыр-тыр, ты-ты-ты, тыры́-тыры́-тыры́, тры-ы, тры-ы; ту-у! ту-у!*: *А он* [трактор] *у его ши-ибко заводится, так «**тыр-тыр-тыр**!»* Разнообразны подражания звуку быстро едущей машины (*жжють, фю-фи́ть, ф-фык, фю-ю*): *Только мы из зау́лка-то, как переулка-то выезжать, а Илья на тракторе – «**жжють!**» – проехал.* Обозначения *бах, пух, хып* изображают звук выстрела: *Ой, выскочил с ружьём-то за ворота́, да так **хып! хып!** − вверьх-то стреля́т.* Несколькими единицами (***вж³ж³, зю-зю, скыр-скыр***) обозначается скрежет, возникающий из-за трения железных частей кровати о стиральную машину: *Машина та́мо-ка – вишь, у меня «Малютка» де стоит* [под кроватью]. *<…> А она легла, ну чё же – от така́ толшыной! То́лста. <…> она станет навора́чиваться, она* [машина]*: **вж³ж³! вж³ж³!***

Номинируется также звучание разнообразных бытовых объектов: *Задела, а там **«дзынь»** бутылки; А потом это, слушаю — **бу-ух** чурка* [упала]*!* Окказиональное звукообозначение используется для имитации скрипа двери: ***Уа-а-уу!** Голосом ревёт* [дверь]. Повторяющиеся, навязчивые звуки артефактов могут вызывать у говорящего раздражение: *Налью воды только* [в умывальник] – ***кап, кап, кап!** Кода́ не ка́пат. <…> **А так как за душу тянет.***

Среди звукоподражаний животным представлено 11 обозначений звуков домашних животных и птиц и 3 номинации звуков диких животных и птиц. Чаще всего употребляются обозначения мяуканья: *Она **«мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу»** – ну никакого споко́я нету; **«Мя-ау, мя-ау»** – вот э́дак вот ходит* [кот]*, надоел.* Как ясно из примеров, эти звуки чаще всего оцениваются негативно.

Имитация звуков собаки отмечена в четырёх высказываниях, дифференцируется характер звука (вой, лай, рычание): *Дак… ушла Нина Васильевна <…> А она* [собачка] *у двери сидит и воет. Прям воет: **«У-у-у!»**; Я взяла его* [пса]*, да хотела за шею-то взять, а он так от на меня: **«Гав-гав-гав»** – за́ руки прям; А… счас мале́нько, как-то помале́нечку, и то – **«р-р-р…»** – я привязываю его. Не желает.* Контексты свидетельствуют, что собака в ряде случаев воспринимается как потенциально опасное животное.

4 номинации обозначают звуки кур. Как и в литературном языке, используются разные звукоподражания для петуха, курицы и цыплят (хотя по форме единицы идиолексикона могут отличаться от общерусских): *А петух на эту, на конюшну залетел: **«Ку-ку-ку-у!»,** – там поёт; Она гыт: «Я пошла сено давать, а там: **«Кок! Кок!»** – курица»; Я говорю, гладишь – вытянулся, **«пи-пи»** − и пропал, гыт* [цыплёнок]. Включаясь в ритуал гадания, кудахтанье приобретает символический смысл: *И выпустят петуха с курицей. Кото́ры подерутся курица с петухом, дак, значит, мужик будет бить жену. А если не будет, дак тода́ дружно – если попьют, да наговаривают: **«Ка-ка-ка-а, ка-ка-ка-а…»** – «Ой, хороший муж будет, хорошо будем жить!»* В приведённом примере, с одной стороны, актуализируется брачно-эротическая символика птиц [Славянские древности…, т. 3: 60], с другой – важен и характер звука («дружное», согласное звучание курицы и петуха).

Имитируются не только голоса животных, но и некоторые другие издаваемые ими звуки. В частности, зафиксировано диалектное обозначение шума, производимого грызунами: *А там у меня сухари были, мешочек сэлофа́новый, насушенный и там положено. Слушаю – там: **«скыр-скыр-скыр-скыр!»** Пошла – там уж дырку прогрызли. Мыши.*

Звуки диких зверей и птиц обозначаются с помощью общерусских звукоподражательных единиц: *Мало их* [кукушек]. *А раньше-то. **«Ку-ку, ку-ку…»** – ой, немыслимо!* Звуки диких животных могут вызывать неприятные чувства, что обусловлено, видимо, и характером звука, и его источником (волк — опасное животное): *Едешь, а они* [волки] *За Чи́стым та́мока воют-воют! Ой, так прям: **«У-у-у!»** – жутко прямо даже.*

Таким образом, звукоподражания в диалектном идиолексиконе чаще всего характеризуют звуки человека (особенно сферу его физиологии, а также физические действия, речь), несколько реже – артефактов и домашних животных, очень редко – диких животных. Отсутствуют обозначения звуков растений, неживой природы. В большинстве случаев звуко-

подражания отличаются по форме от общерусских. Обозначаемые звуки, как правило, вызывают у диалектоносителя негативные эмоции. Анализ явления идиолектной ономатопеи позволяет выявить некоторые специфические концепты, сохраняющиеся в сознании носителя народно-речевой культуры (сплёвывание как символическая защита от сглаза, звуки домашней птицы как предвестник семейной жизни).

ЛИТЕРАТУРА

Гольдин В. Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. – №7. – Тексты устной речи. – Бохум, 2001. – С. 49-58.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. − 309 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Международные отношения, 1995-2012. – Т. 1-5.

Е. В. Иванцова
Томский государственный университет
(Томск)

«НАИВНАЯ ГЕОГРАФИЯ» В КАРТИНЕ МИРА ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОНА[1]

Изучение языковой картины мира как «исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженной в языке совокупности представлений о мире» [Зализняк: эл. рес.] входит сейчас в круг наиболее актуальных проблем современной лингвистики. Активно исследуются наивная картина мира, особенности обыденных представлений носителей языка в сфере лингвистики, литературоведения, психологии, анатомии, геометрии и т.д. Важность этой проблематики, думается, связана с перестройкой лингвистической парадигмы, выдвигающей в качестве главной задачи науки познание человека как «меры всех вещей» и стремящейся к переходу от фактографического описания языка к реконструкции стоящих за ними мировидения и миропонимания.

В статье рассмотрена сфера наивной географии, отражающая пространственные представления носителя традиционной русской народно-речевой культуры. Материалом исследования послужили тексты спонтанной речи сибирской крестьянки В. П. Вершининой (1909-2004), жительни-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-14-70006 а/р.

цы Томской обл.[2], общим объемом около 10 000 стр., и созданный на их основе идиолектный словарь топонимов[3]. В индивидуальном лексиконе исследуемой языковой личности зафиксировано около 300 номинаций разного рода географических объектов. Среди них – названия государств и их отдельных регионов, областей и входящих в них районов, городов, деревень, сел, поселков, а также улиц, площадей, переулков и частей этих населенных пунктов, наименования морей, рек, проток, озер, болот, возвышенностей, участков сельскохозяйственного назначения.

В отличие от научной картины мира, формирующейся в процессе систематического обучения, наивная географическая картина мира (ГКМ) малограмотного носителя традиционной культуры складывается на основе таких источников, как усваиваемые с детства представления микросоциума (*Всё бегали… бегали к Сухой речке* [в Троицу]*, туды́, де ко́нплекс – веночки вили да… В реку пускали. Если утонет, дак умрёшь*[4]), личный опыт индивида при освоении новых сфер жизненного пространства (*Я была в городе, а там знако́мы тоже, ну наши деревёнски были, они переехали на Степановке живут; «Ты была в Ло́скутовой в больнице?» Я грю: «Неужели нет, была. Сколько раз была»*), сведения, полученные от партнеров по коммуникации (*Она вышла взáмуж, в Стрежево́м работала, тáмо-ка на вахте, и сошлась с одним*), информация из СМИ (*А где-то… в Петербурге, ли где-то… слыхала, поди? <…> Суд был, а на суд, гыт, ни один вкладчик не пришёл. <…> Это вот на днях передавали* [по радио]*, позавчарáа)*; в редких случаях – из прецедентных текстов («*Начинáтся молитва, сон Пресвятой Боуоро́дицы. Мáти Марéя, де спала ночавáла? В городе Ирусали́ме, во по́льческой церькви, в алтаре на престоле…»*).

Разнородность источников, приоритет личных сенсорных впечатлений и высокий уровень субъективности информации, усваиваемой рядовым носителем языка также преимущественно от рядовых говорящих в бытовом общении, обусловливает своеобразие наивных географических представлений диалектоносителя.

Отличия от научной картины мира носят как количественный, так и качественный характер. Обращает на себя внимание лакунарность наивной географии. Разумеется, рядовой говорящий, тем более малограмотный житель села, знаком далеко не со всеми существующими географическими объектами. В лексиконе крестьянки не зафиксированы широко известные названия многих стран (Канада, Индия, Бразилия, Мексика, Аргентина,

[2] Речь В. П. Вершининой является предметом многоаспектного изучения ученых Томской лингвистической школы в рамках проекта, посвященного феномену диалектной языковой личности. Подробнее об исследуемой личности и результатах анализа ее речевой практики см. в [Полный словарь.., т. 1], а также на сайте Лаборатории общей и сибирской лексикографии ТГУ losl.tsu.ru.

[3] Словарь топонимов является частью «Идиолектного ономастикона сибирского старожила», включающего все разряды имен собственных в словарном запасе В. П. Вершининой (Томск, 2015, в печати).

[4] Речь информанта приводится в орфографической передаче с отражением некоторых диалектных особенностей произношения. Фрагменты связного текста отделяются точкой с запятой. В квадратных скобках даны пояснения или вопросы диалектолога. В диалогах указываются инициалы собеседников.

Англия, Италия и проч.). Из стран выделены *Америка, Советский Союз / Россия, Китай, Куба* и *Ирак,* Европа представлена только *Германией,* а бывшие союзные республики СССР – лишь *Украиной, Литвой, Казахстаном* и *Арменией.* В пределах России отсутствуют номинации *Урал, Байкал, Поволжье* и мн. др., нет наименований ряда крупных российских городов.

Кроме того, налицо явно выраженная **диспропорция** зафиксированных в дискурсе названий **макро- и микрообъектов**. Вообще нет упоминания континентов и частей света, а также океанов. Выделение крупных объектов начинается со стран (их 11, полный перечень дан выше); далее отмечены обширные территории уже в пределах нашей страны – регионы, края и области (*Сибирь, Восток* ‘*Дальний Восток*’*, Подмосковье, Кемеровская область*… –12) и затем по нарастающей все более мелкие – города (36), сельские населенные пункты (56), их части и улицы (63). Таким образом, число известных диалектоносителю топонимов обратно пропорционально величине объекта.

Отметим также, что состав номинаций географических объектов в лексиконе рядового индивида вместе с тем одновременно шире официальной научной номенклатуры, поскольку в него входит множество неофициальных наименований. У В. П. Вершининой это в первую очередь названия микрорайонов Томска, хорошо известные жителям областного центра (*За Исто́ком, Каштáк, Дзержи́нка, Шáрики, АРЗ/А́РЗА*…) и устаревающие обозначения частей родного села (*Горка, Горёвка, Татары*…). Таким образом, для наивной ГКМ характерно совмещение официального и неофициального маркирования территории.

Индивидуальная «географическая карта» отражает разную степень расчлененности пространства для говорящего. В соответствии с принципом эгоцентрической организации последней центром такой карты является место проживания индивида. Членение пространства в идиолектном ономастиконе можно схематично представить в виде ряда концентрических кругов. «Ближние» круги (к которым относится территория родного села Вершинина с его окрестностями, областного центра – Томска, а также Томской и Кемеровской областей) насыщены топонимами.

Число топонимов в границах собственного села невелико. Диалектоноситель в повседневном общении почти не пользуется названиями улиц в адресной функции, поскольку собеседникам и так известно место проживания односельчан. В качестве ориентиров в Вершинино выделяются названия четырех частей села (*Горёвка, Горка, Татары/Татарский край, Чебоксары*), трех улиц (*Победа*, *Садовая, Советская*) и гидроним *Мочи́ще.* Вместе с тем в окрестностях села имеют обозначения 29 участков местности, различающихся рельефом, растительностью и предназначением в крестьянском хозяйстве (*Грязну́шки, Ела́нь, По́дбор/По́дбором, Кузнецо́во, Пова́рнишное болото, Татарский ко́лок…*). Значимыми для номинации

оказываются прежде всего места сбора ягод и грибов, заготовки сена и дров, используемых с разным назначением водоемов: *От Пова́рнишно болото называлось – мы пойдём туды́ <…> Это, смородина... ки́слица, кра́сна смородина – ой, от така́ прям, да сла́дка така́! Ведра́ми набирали; А на Лугу, если там, у нас По́дбором – как в Яр едешь, там вышка была, дак там, эти были, рыжики да эти, волнушечки. Ну, там лесочек такой сосновый, в лесочке; Ну, Мысо́к затопило, трава хоро́ша будет там, всё говорят; То далёко-предалёко тепе́рича…* [заготавливать дрова]. *Раньше-то За Чи́стым было; Кто-то говорил: но́нче, гыт, рыбачить ходил, на Тугоя́ковку – дак воды нету, до земли, гыт, всё, лёд промёрз.*

Еще шире представлены сельские населенные пункты Томской и граничащей с ней Кемеровской областей. Они важны в первую очередь как обозначения места жительства многочисленной родни и знакомых; названия сел являются средством маркирования своих и чужих, коренных жителей и приезжих: *Пе́рва жена* [у брата] *была калта́йска у него, с Калта́ю; У нас была у тя́ти… у ма́ми сестра, там за Косого́ровой, в Мина́евой была, они всегда приезжали, ка́жный Петров день!; Там подруга у меня в Магада́евой – за Ло́скутовой, туды́ под горку там она живёт…; У меня родня в Яру́ были.*

Топонимика Томска в ономастиконе языковой личности представлена 14 названиями районов и микрорайонов (*Академгородок, Бакти́н/Бахти́н, Степановка, Шарики, Южная*…), 47 названиями улиц и переулков (*Алтайская, Банный, Батенко́ва/Батенко́вска, Белинская, Кузнечный взвоз*…); 4 наименованиями водных источников (*Белое озеро, Киргизка, Томь, Ушайка*); отмечено также множество пригородных поселков.

В областном центре осваиваются те части города и улицы, где живут родные и знакомые, расположены постоянно посещаемые рынки, магазины и больницы: *В этой, Ниверсите́тской рошше. У нас там жили Александра, тётка моя жила; А туды́ же далеко поттю́, до це́рьквы-то, к Марусе далёко! Она как раз от по Олег Кошевого-то на углу живёт; А у нас знако́ма была… врач была знако́ма. <…> Ну, тут на Бели́нской, шесь они жили. А называли Банный переулок его; А тут, все… все суды́, на большой* [базар] *попась трудно, а тут на автобусе приедут – раз! на Пе́рво То́мским счас, ли на Южной ли, на Держи́нке… ну тут дополна́; Ну а его по блату, там знакомый врач у его, увезли и поло́жили в больницу к этому, на плошшадь Революции, меднистит***у***т поло́жили.*

Область неосвоенного пространства резко отличается от освоенного (см. подробнее [Иванцова 2008]). Даже ближайшие населенные пункты, в которых В. П. Вершинина неоднократно бывала – город-спутник Томска Северск и соседние сёла Батурино, Ярское – представлены в сравнении с областным центром и Вершинино единичными топонимами. В Северске упоминается только улица *Солнечная*, в Ярском – *Гора* как часть села. Периферийная часть карты, к которой относятся другие регионы России,

а также страны ближнего и дальнего зарубежья, не только фрагментарна, но и отражается в нерасчлененном виде.

Таким образом, системность и полнота описания, к которой стремится география как наука, во многом противопоставлена прагматической ориентированности наивной ГКМ. В ней тоже есть элементы своеобразной системности, но дающие не полное представление об объектах, а отражающие важные для языковой личности объекты и их свойства.

Если в научной ГКМ объекты разного масштаба иерархически соотносятся друг с другом, сведения о них содержат системное описание природных условий, состава населения, истории, культуры, промышленности и т.д., то в прагматически ориентированной наивной ГКМ такие представления весьма разнородны. Степень их детальности определяется включенностью в личную сферу индивида и варьируется от привязки к классу географических объектов (Америка ‘государство’, Улан-Удэ ‘город’) до наличия детальных знаний об участках местности около родного села, близлежащих поселках и деревнях, ряде районов и улиц Томска.

Представления об объектах зоны лично освоенного пространства получены в перцептивном опыте, а потому конкретны и детальны. В качестве примера приведем описание деревни Лариной, располагавшейся неподалёку от Вершинино: *Ну, Ла́рина-то в яме была, нет, там… А там как гора кака́-то така́, и всё камни каки́-то там, как скалы каки́-то, камни, в Лариной-то, стена така́. А тут речка, красиво по деревне переходила речка. Была, ну тоже там, я сколько раз была, это, мы сено косили. У нас както не хватало сена в этом… У нас был пай у тя́ти – больше бере́знику было, это, а косить сено мало. Дак он покупал в Ла́риной. Косили мы там. Лога-**а**-лога, помню, косили всё. И там ночевала в Ла́риной ездили, та́м-ка мы ночуем. Косили всегда. Ико́нов носили туда*.

В этом и всех подобных случаях за упомянутым говорящим наименованием стоит яркий, зримый образ объекта. В коннотации таких топонимов могут входить также компоненты ‘исчезнувший объект’ (*Вот Смокотнина́ кака́ была хоро́ша деревушка, де вот Поля-то* [жила]*? – тоже её раскуро́чили так всю, расташшыли кто куды́ чё*), ‘устаревшее/новое название’ (*Потому что она не прописана в городе, на Пятом-то* [Почтовом]*, в Се́верским теперь зовут*), ‘мотив номинации’ (*Всё топит, а дорогу-то топит* [в половодье]*, всегда. От Бату́риной там, Переливы де это называ́тся, как мостик там был*). Часть образа объекта составляют также знания о соотносимых с данным топонимом топообъектах (магазин, мост, завод, остановка, тюрьма и т.д.).

Географические реалии из зоны неосвоенного пространства относятся к территории за пределами среднеобского региона. Некоторые из них имеют культурные коннотации, закрепленные в коллективных представлениях носителей русского языка. Так, Германия связана в сознании русских с Великой Отечественной войной (*Наши-то ислободи́ли Германию-то, его*

взяли там уж, он [двоюродный брат] *после довоёвывал*); а взятие Берлина советскими войсками в 1945 г. – с окончательной победой России в этой войне (*Как с сорок первого году до сорок пятого прошёл до Берлину. Раненый был*); Чечня в годы перестройки воспринимается как регион активных военных действий (*Передавали сёдня, и вчара́ передавали: погибло в Чечне-то чё-то. Сколько всё… И фамилии называют…*), Чернобыль (Черно́пыль) – как место крупной промышленной аварии, отразившейся на здоровье ее ликвидаторов (*В Яру́ там парень служил в арьмии, где-то недалёко где Черно́пыль, отправляли в Черно́пыль его. И он облучился*), Чёрное море и Сочи для диалектоносителя – это курортная зона, место отдыха и лечения (*Я говорю: «Ты кода́ в отпуск пойдёшь?» А он гыт: «В августе, наверно, поеду отдыхать, гыт, к Чёрному морю»*).

Отдельные сведения о тех или иных географических объектах, усвоенные рядовым носителем языка через бытовое общение, случайны, отражают факультативные признаки, характеризующие их культуру, экономику, население и т.п.: *Андрюша пришёл. Едет мать его, Аня…<…> она едет в Китай, по путёвке; А это, в Китае едят змéев-то; А у ей дочка, Алла. Они уезжали в Кубу, на Кубу. <…>. Так вот, она мне открыточку прислала <…>. До двенадцати лет всё на работу там не берут, не принимают. <…> Двенадцать лет исполнится ребёнку, тода́ пожалста, работай. Белютни́ платить фермер не будет платить тебе.*

Вместе с тем большинство топонимов неосвоенной области пространства воспринимаются диалектоносителем как абстрактные, десемантизированные знаки. Использование подобных наименований представляет собой, по существу, цитатное употребление и связано с категорией чужой речи: *Лю́дын-то служит* [сын]*, в арьмии – де-то в Бурятии, ли где; Вот этот* [платок] *ишь какой красивый. Знашь, откэ́дова? С Го́рькова прислали; Потом она и говорит: «Витя уехал с женшыной. У женшыны ребёнок, и он сошёлся с ей уехал. В Казахстан»; И он этот, мальчик-то, вздумал жениться. Андрюша-то. <…> Де-то с Улан-Удэ ли каку́ ли взял бабочку, Свету.* За такими топонимами языковая личность не видит реального образа объекта. «Опустошенная» семантика топонимов неосвоенного пространства предполагает только соотнесенность с классом географических объектов (‘город’, ‘страна’ или ‘часть территории страны’) и, как правило, компонент ‘отдаленность’. Топонимы освоенного пространства противопоставляются им как близкие. Ориентиром при этом является место жительства личности, от которого ведется отсчет: *А Фалалеев куды́-то в командировку ездил… долго, недели две, ездил далёко – в Улан-Удэ; Ему нигде не повезло, я́зви тебя, если правда на Сахалин-то* [отправили служить]*: далёко же! Да ху́до. А это, все же побли́жности слу́жут; А у ей сын де-то далёко, в Ленинграде ли где ли, Юрка, а дочка-то тут-ка, в Томске; По области дож передали. А в Томске без осадок. Ну а мы далёко ли от Томска-то?; А он* [племянник] *в Кемеровской области, но тут*

не так далеко… в Сосновке… совхоз «Ленинский». Ну, ско́ко тут кило́метров?

В отличие от научной картины мира, наивная ГКМ включает оценочные элементы. Типична позитивная оценка своей «малой родины» (*Ну, Верши́нина-то на славе была, на горе тут-ка да всё, да в центре, а там чё? Тут и река, и всё, а там-ка* [о деревне Лариной] *захолусье де-то*). В городе положительно оцениваются озелененность, широкие улицы (Северск), в деревнях – место расположения на возвышенности, в окружении соснового бора, большие крепкие дома, чистота окружающего село лесного массива (Тимирязево, Смокотнина). Оценка также в основном носит прагматический характер, но включает и эстетические элементы: *Вот Смокотнина́ кака́ была хоро́ша деревушка, де вот Поля-то* [жила]*? <…> Хоро́ши дома́ были, двухэта́жны там были – я помню, раза два-три там бува́ла. <…> Ну, там как тайга была, сосновый бор*; *Знаю я Тимиря́зево. Мы с Мишенькой лежали там в больнице долго. [Там такой хороший воздух.] А лес-то какой красивый, да чистый-то какой.*

Наивная ГКМ наследует от обыденного мировосприятия приблизительность, неточность. Это ее свойство имеет многообразные проявления:

– пространственная удаленность объектов оценивается на основании субъективных признаков «близко/далеко»;

– неполная освоенность официальной географической номенклатуры отражается в ее искажениях (*Восток* ‘Дальний Восток’; *Го́рьков* ‘город Горький’, *Бе́ленцева* ‘улица Беленца’: *Не ездили они в Го́рьков-то, я говорю: «Поди, одна ездила?»; Как улица-то, я всё забува́ю её? [Беленца́.] Бе́ленцева*)*;* широкой зоне вариантных наименованиях различных типов (города *Адинжа́н/Андижан, Белова/Белово, Ирусали́м/Русали́м,* деревни *Ки́слова/Ки́словка, Бату́рино/Бату́рина,* ул. *Каменная/Ка́менская* и др.: *Она ездила в да́льны рейсы всё, Валя-то. В Адинжа́н ездила, в Москву ездила; Тут побли́жности ездит* [проводница]*, в Белый Яр да в Андижан; А она живёт на… тут де-то, на Южной, Эпи... как улица? Эпице́нко ли Пице́нко ли* [об ул. Осипенко]); неточной привязке к официально установленному виду объекта (*С сыном живёт. Она на* Комсомольской [официально – Комсомольский проспект]*; Она ездила, он де-то в Красноярской области…* [о Красноярском крае] *его там поймали, он уехал*). К проявлениям этих же особенностей наивной ГКМ можно отнести смешение близких по звучанию неполно освоенных топонимов (*Маруся Де́мешева уехала она тут – ну, в* Павлодар *ли в* Краснодар *ли, куды́-то не знаю, куды́ она... куды́-то уехала; А Коля говорит, что он на Чукотке служит, а поехал – де, он, в* Минске*, ли куды́? Н. Н. В Омске. В. П. В О́мска*)*;* значимо также отсутствие определенного деления сельских населенных пунктов на сёла и деревни. Лексема *село* низкочастотна в речи В. П. Вершининой; населенные пункты, официально носящие статус села (*Верши́нино, Варю́хино, Кола́рово* и др.), называются ею деревнями независимо от величины и нали-

чия церкви; соотносится с этим пониманием и традиционная грамматическая форма женского рода (*Верши́нина, Варю́хина, Кола́рова* и под.);

– территория и объекты, располагающиеся на ней, нередко воспринимаются как нерасчлененные, номинируемые одним и тем же обозначением. Так, *Держи́нка/Дзержи́нка* – это район улицы Дзержинского с расположенным на ней базаром в Томске*, Линия* – название микрорайона и остановки общественного транспорта там же и т.п.

Таким образом, наивная ГКМ, отраженная в ономастиконе и дискурсе диалектоносителя, лакунарна, диспропорциональна, эгоцентрична, конкретна, прагматически ориентирована, включает оценочные элементы, для нее не характерна точность, свойственная научной ГКМ. Она во многом субъективна и опирается в первую очередь на личный перцептивный опыт индивида. Вместе с тем в современных исследованиях отмечается, что научная картина мира создается при участии всех форм сознания – как теоретического (научного и философского), так и внетеоретического (религиозно-мифологического, художественного) и дотеоретического (обыденного) [Михайловский, Светов 1993: 17]. Реконструкция наивных географических представлений позволяет нам, с одной стороны, увидеть истоки формирования научной картины мира, с другой – лучше осознать особенности наивной картины современного рядового носителя языка. Как представляется, многие ее черты близки к описанной – независимо от того, является ли этот рядовой носитель языка носителем диалекта, городского просторечия или литературного языка. Выявленные черты наивной ГКМ во многом соотносятся с выводами исследований, посвященных картине мира носителя традиционной народно-речевой культуры в целом (см., например, [Гынгазова 2007, Кузнецова 2015]), а также с интерпретацией «наивных карт» в рамках геоконцептологии – междисциплинарной научной области, изучающей ментальные репрезентации геопространства и экстериоризацию их во внешней среде с помощью доступных субъекту семиотических систем [Зелянская 2014].

ЛИТЕРАТУРА

Гынгазова Л. Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. – Томск: UFO-PLUS, 2007. – С. 78–109.

Зализняк А. Языковая картина мира // Энциклопедия Кругосвет: [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html.

Зелянская Н. Л. Геоконцептология и региональная идентичность // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 4 (28). – С. 73–79.

Иванцова Е. В. Топонимия русского старожила Сибири: освоение пространства // Человек – текст – эпоха. – Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 160–173.

Кузнецова С. С. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности: дис. … канд. филол. н. – Томск, 2015. – 228 с.

Михайловский В. Н., Светов Ю. И. Научная картина мира: архитектоника, модели, информатизация. – СПб.: Петрополис, 1993. – 155 с.

Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006-2012. – Т. 1-4.

Ю. В. Каменская
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В отечественной лингвистике изучение языковой картины мира многоаспектно, и внимание исследователей все чаще обращается к такому свойству языковой картины мира, как вариативность. Специфика языковой категоризации и концептуализации знаний о мире рассматривается в рамках научной картины мира, художественной картины мира, религиозной картины мира и т.д. Одним из основных, базовых вариантов общенациональной картины мира является диалектная картина мира, которая обладает рядом особенностей (Радченко О. А., Закуткина Н. А., Белякова С. М., Нефедова Е. А., Демидова К. И. и т.д.).

Продуктивным представляется выявление специфических особенностей диалектной картины мира в рамках дискурсивного подхода. Возможность изучения диалектных текстов внутри коммуникативной ситуации успешно осуществляется в настоящее время благодаря активно создающимся диалектным текстовым корпусам (наше исследование проводится на материале Саратовского диалектного текстового корпуса, подкорпуса «говор села Белогорное Саратовской области»). Нам представляется, что моделирование диалектной концептосферы, выявление особенностей актуализации базовых концептов и системы концептуальных оппозиций является не только важным этапом описания, но и значимым элементом реконструкции национальной картины мира. Объектом нашего интереса является социальная сфера как фрагмент диалектной концептосферы.

Внутри социальной сферы нами рассматриваются такие феномены, как *социальные группы, социальные отношения, социальные действия*.

Как показывают наши наблюдения, одним из продуктивных способов выявления особенностей диалектной концептосферы становится выстраивание системы бинарных оппозиций. Эта система включает как базовые, структурирующие оппозиции (например, оппозиция «свой-чужой», «прошлое-настоящее»), так и частные («город-деревня», «праздники-будни», «власть-народ», и т.д.). Важным свойством системы является участие частных оппозиций в процессе актуализации базовых оппозиций. Например, оппозиция «свой-чужой», проявляющаяся при описании социальных отношений между сверстниками, реализуется в рамках оппозиций «прошлое-настоящее», «молодежь-пожилые»:

Раньше-то мы сидели на фатерах// Ну как/ снимали вот/ Покров осенью/ снимали фатеру(…) Да/ и вот с лампами сидели/ кто прял/ кто вязал/ кто чего// (…) *А сейчас ничего этого нету// Где молодежь? Вон/ как передают/ все в подъездах//* (…) *Да палати были раньше-ти у всех/* (…) *Полежишь с нем на палатях/ ну там поцелуешься ли/ чего ли/ наговоришься/ слазишь/ идет домой провожать и ни… и ничего то… мы 12 сидели девчонок и ничего плохого не слыхали-то ли голодные были// Я что сравниваю// А сейчас/ б…/ как вылезет/ так уж скорей играться/ то ли чего// У нас из 12 одна только ну как согрешила и родила потом// Да/ а то это не знали/ правда// То ли какие-то ребятишки-ти были путны/ а сейчас только послышишь вот скорее бы только// И вы не слыхали еще слова мотанились/ мотанились// Сейчас дружат/ а без дружбы-ти… А тогда мотанились/ а ничего плохого не было// Молодежи было! С того конца идут поют в клуб/ с того – поют/ с того – поют/ мы идет поем// Сейчас не услышишь! Если и запоют кто-то/ скажут пьян!*

Концептуализация отношений внутри социальной группы «молодежь» происходит с помощью выстраивания оппозиции, противопоставления ее группе «мы» (поколение, к которому принадлежит диалектоноситель). Противопоставление может проходить по нескольким параметрам, охватывающим основные социальные аспекты: наличие/отсутствие морально-нравственных принципов, соблюдение/несоблюдение четко регламентированных социальных отношений, следование/неследование определенным нормам поведения. Таким образом, происходит актуализация базовой оппозиции «свой-чужой» посредством обращения к частной оппозиции «молодежь-пожилые», где положительно оцениваемым членом оппозиции оказывается та социальная группа, к которой относит себя информант. В анализируемом контексте при актуализации оппозиции «свой-чужой» наблюдается также имплицитное использование частной оппозиции «город-деревня». Репрезентация этой оппозиции происходит благодаря фразе «*Где молодежь? Вон/ как передают/ все в подъездах//*», поскольк-

ку локальная номинация «*в подъездах*» характерна для городской среды и неактуальна для сельской местности.

Социальные отношения в диалектной концептосфере не отличаются большим разнообразием, что обусловлено, по нашему мнению, слабой структурированностью диалектного социума, его неиерархичностью. Четко выделяются отношения между родственниками, отношения между соседями/односельчанами, отношения, обусловленные религией, отношения человек-государство.

Как показывает наш материал, степень концептуализации различных типов социальных отношений в диалекте неодинакова. Высокая степень концептуализации свойственна фрагменту концептосферы, связанному с отношениями между родственниками и соседями, слабо концептуализированным оказывается фрагмент, связанный с отношениями человек-государство.

Вероятно, самой высокой степенью концептуализации в диалектной концептосфере обладают семейные отношения, в том числе, отношения, возникающие в результате замужества/женитьбы. Процессы концептуализации в этом случае проходят в рамках базовой оппозиции «свой/чужой», что проявляется, например, в специальном выделении терминов родства родственников по линии мужа (реже – по линии жены). Номинации кровных родственников (*мать, отец, дети* и т.д.) находятся в левой части оппозиции, они «свои», а родственники «по закону» (*свекор, свекровь, невестка, сноха* и т.д.) – в правой, они «чужие». Нередко на речевом уровне подчеркивается ритуальный, этикетный характер разницы в отношении к своим родственникам и к родственникам со стороны мужа:

пускай она чёго хочет/ дочка/ делает/ хоть она пьёт/ курит иль чего ли/ а ты всё равно/ язык без костей/ дочка/ не обломится// ты тоже/ дочка/ слушай// ты слушаешь меня/ да? ты всё равно её зови/ дочка/ мамой// поняла? лицемерь// я пятнадцать лет/ дочка/ жила/ лицемерила//

Отклонение от этого правила, перенесение некровных родственников в другой член оппозиции всегда маркируется, порождает рефлексию:

... у меня вот свехор и свекровь/ Царство им Небесное/ От свекра никогда грубого слова не слыхала// А мама вот покойная/ вот свекровь она всё время моих внучат этих детей всё время растила/ ну мы рядом тут жили/ да//. И золовки/ вот…// Золовка одна умерла/ Галя/ сейчас тут одна живёт// У нас никакого скандала не было// Мы надевали/ знаешь/ кому что налезет// Платок/ платок/ вот// А некоторые/ они сразу замуж вышли/ они сразу с золовками разделяются/ это вот мой платок/ это вот/ и скандалят/ и уходят//

Информант называет свекровь – «мамой» (не в функции этикетного обращения, а в функции номинации в свободном рассказе), оценка родственников мужа безусловно положительная, но при этом хорошее отношение к родственникам мужа нуждается в специальной мотивации («*А*

мама вот покойная/ вот свекровь она всё время моих внучат этих детей всё время растила», «От свекра никогда грубого слова не слыхала»). Деактуализация оппозиции «свой-чужой» в рамках оппозиции «свои родные/ родные мужа» всегда в рассказе специально маркируется, мотивируется, то есть является чем-то выходящим за рамки нормы. Положительная оценка своих родителей (особенно матери) не аргументируется, является априорной.

Социальные отношения, обусловленные родственными связями и статусом соседей, имеют много общего вследствие определенной монолитности диалектного социума в недавнем прошлом, общинного характера отношений:

ну я сейчас знаете чаво скажу/ мы тогда как-то веселее жили/ как-то веселея/ обща/ друг дружку не обижали/ нет ничаво и грабежа такого не было/ мы как-то обща/ а сейчас вот прям меня подирает это дело/ ну чово молодёжи мало/ чово молодёжи мало?// пожалуста живите!/ живи зарабатывайти!// ну!// на свою жизнь/ а сейчас нет/ а мы тогда обща/ все семьи вот сколько/ нас/ было/ моей лет-то?/ шесть человек у отца было и мы как-то все дружно жили и с соседями дружно жили и всё/ а сейчас чуть и всё и папку с мамкой забывают//

Особенностью концептуализации современного периода является фиксация разрушения как отношений внутри семьи, отношений между родственниками, так и соседских отношений:

вот// мы живём сейчас/ лебедь/ рак и щука//

– Это как?

– вот так вота// лебедь вот в облака// видишь/ лётают на машинах // «я себе»// сдал… «уродились семечки/ я сдал/ купил вон/ иномарку/ вон/ езжу я вон на машине/ на «Ниве»/ езжу»/ вот председатель/ видишь? ездит// да/ сельсоветский председатель тоже на «Рафике» ездит/ «я тоже купил для себя машину»/ шофёра имеет// понял? ну? чё заставило? а денежки… наши денежки/ трудовой/ тракторист-то… их… пахал/ культивировал/ сеял их/ семечки/ а он сдал их/ купил сам себе машину/ а тебе/ ты работал/ вота// и всё/ поняла? вот она где зарплата-то// вот она где зарплата…

В данном контексте актуализируется еще один тип социальных отношений – человек/власть, концептуализирующийся всегда в рамках оппозиции «свой/чужой», где *власть* реализуется в рамках категории чуждости. Оппозиция «человек/власть» в подавляющем числе контекстов концептуализируется как отношения конкретных людей (самого информанта или жителей деревни) и некоей неперсонифицированной силы, которая влияет на жизнь деревни – организует или дестабилизирует:

– А как вам отдали вот молельную?

– отдали// ходатайствовали// писали/ ходатайствовали// перед районом// нам разрешили/ и её… она вообще-то общественная/ да/ она никому не принадлежала// её общество ставило…

Неперсонифицированный, обезличенный образ «власти» репрезентируется и на грамматическом уровне посредством использования неопределенно-личных конструкций, и на лексическом благодаря употреблению номинаций органов власти (*район*). Использование канцелярских оборотов (*ходатайствовали*) подчеркивает непривычный для диалектного дискурса официальный характер социальных отношений.

Социальные отношения «человек-власть» в диалектной картине мира характеризуются амбивалентностью оценки, обусловленной актуализацией еще одной важной для диалекта концептуальной оппозиции «прошлое/настоящее», где положительная оценка появляется в левом члене оппозиции – «прошлое», а правый член оппозиции – «настоящее» оценивается, как правило, отрицательно:

Вот плохая речка тоже стала/ все распадается// раньше следили/ значит/ если она где-то/ значит/ запрудила/ то трактор сейчас назначат/ пришлют/ прочистят значит/ трактором там прочищают ее// а сейчас никому не нужна/ сейчас на произвол все пустили//

В данном контексте, как и многочисленных подобных высказываниях, противопоставление идет по параметру «действие-бездействие власти», основным концептуальным признаком становится безразличие власти в современный период (*никому не нужна*).

Таким образом, особенности варьирования концептуализации социальных отношений в диалекте зависит от различных условий. Как показывает материал нашего текстового корпуса, одним из ведущих факторов становится репрезентация в рамках базовых для диалектной картины мира концептуальных оппозиций, прежде всего – оппозиций «свой-чужой» и «прошлое-настоящее». Различная степень концептуализации социальных отношений обусловлена, прежде всего, слабой структурированностью диалектного социума, а также внешними условиями, изменением традиционного уклада жизни деревни.

ЛИТЕРАТУРА

Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – №6. – С. 25-46.

Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (На материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 354 с.

Нефедова Е. А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта: дис.... д-ра филол. наук. – Москва, 2008. – 402 с.

Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография. – Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2011. – 468 с.

О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

УСТНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье рассматриваются некоторые особенности устно-разговорной речи, обусловленные, как нам представляется, выражением в устно-разговорной коммуникации одного из видов общественного сознания – так называемого обыденного сознания.

В трудах по философии, психологии, теории познания обыденное сознание характеризуется как один из уровней общественного сознания, который выделяется наряду с сознанием рациональным (или, по-другому, теоретическим, научным). Обыденное и теоретическое сознание различаются как низший и высший уровни общественного сознания.

Повседневная жизнь без обыденного сознания невозможна. Обыденное сознание присуще всем людям. Ни один человек не может обо всем мыслить научно. Однако роль обыденного сознания в структуре индивидуального сознания обратно пропорциональна уровню образованности человека, степени его вовлеченности в те или иные формы специально организованной познавательной деятельности.

По своему психическому типу обыденное сознание является, по-видимому, образным, в его основе лежит целостное отражение мира. Ядром обыденного сознания, его операционными единицами выступает, очевидно, такая важнейшая когнитивная категория, как «ситуации-события», в центре которых находится человек. Обыденное сознание ближе к повседневной реальности, чем его теоретические формы, поэтому в нем полнее отражена специфика конкретных ситуаций.

В разных устно-разговорных формах речи в той или иной степени репрезентированы элементы обыденного сознания. Но наиболее ярко, как кажется, они представлены в речи диалектной, поскольку носители диалекта образуют социальную группу людей с преимущественно обыденным типом общественного сознания.

В настоящее время уже выделен ряд закономерностей, свойственных диалектному повествованию как таковому, независимо от конкретного ти-

па говора. Эти закономерности, описанные в работах саратовских, томских, московских диалектологов, достаточно хорошо известны специалистам, однако пока не осмыслены как единая система взаимосвязанных признаков. Между тем, те общие особенности построения диалектной речи, на которые в разных работах уже было обращено внимание исследователей, обнаруживают отчетливый системный характер при взгляде на эти особенности с точки зрения общего для них когнитивного основания – обыденного сознания. Многие отмеченные диалектологами специфические черты диалектного повествования выступают, на наш взгляд, как вербальные проявления обыденного сознания, речевые реализации разных сторон (аспектов) этого типа сознания.

К таким чертам диалектной речи, образующим систему коммуникативных признаков и выражающих обыденное сознание, по всей видимости, можно отнести следующие особенности:

– приоритетность эмпирико-событийного содержания речи по отношению к содержанию обобщенно-логическому (В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова);

– избыточность языкового выражения пропозитивного содержания, взаимоналожение связанных в сознании говорящего пропозиций (С. П. Петрунина, В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова);

– усиленную антропоцентричность и эгоцентричность диалектной речи (Е. В. Иванцова, О. А. Казакова, В. Е. Гольдин).

– принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения (В. Е. Гольдин);

– целостную передачу событий-ситуаций (В. Е. Гольдин, И. А. Букринская, О. Е. Кармакова).

Остановимся на рассмотрении этих особенностей.

1. *Приоритетность эмпирико-событийного содержания речи по отношению к содержанию обобщенно-логическому*. Это коммуникативное свойство отражает преобладание процедурного типа знания над декларативным, значимость познанного в практическом опыте и передаваемого именно в таком виде, см.: [Гольдин, Крючкова 2008]. В речи диалектоносителей предметы часто характеризуются в форме описания конкретных действий, операций с этими предметами, а явления – с помощью иллюстрирующих его конкретных ситуаций.

Ср., например, объяснение носительницы диалекта, чем мылись в то время, когда не было мыла (избирается не родо-видовое определение, а рассказ о том, как мылись в бане):

щёлок вот/ знаете/ вот золы кладёшь/ если есть мешочек дак…// а нет/ так на дно/ а потом заливаешь горячей водой/ в баню идёшь// раньше ведь бани ещё топили/ ещё я здесь застала/ вот такие были длинные эти клещи// ну вот/ как сахарные клещи…// такой/ но они больше так/ в печку в байну/ туда каменьев накидаешь/ и сверху дров/ и вот эти камни

нагорят там/ и потом спускаешь воду/ и вот так и мылись/ грели/ у людишек были серые не…// ну/ знаете ли/ себе работы прибавляли/ ну а потом далее боле стали уже бучить/ класть прямо на печку кастрюлю/ а так в бочках я сама топила/ вот у нас тут на ре́ке была баня// и здесь уже грели ка́мнями воду под накат/ мылись/ и один...// одну бочечку делали/ щёлок варили/ туда золу кладёшь/ и потом камней наспускаешь/ и во́дою зальёшь/ и они кипят/ потом вода такая скользка/ типа как мыльная/ мыли голову и тело/ нальёшь…// (с. Мегра Волог. обл.).

Ответом на вопрос о том, какой посудой раньше пользовались, становится рассказ о приготовлении пищи: *глиняной много было// <…> вот например/ второе раньше ведь как это/ картошки начистят/ кладут/ молока да яйцом зальют/ это что говорить/ раньше ведь так ведь не готовили/ что там говорить/ но вот ели всего хорошо было и мясо́ и всё/ ну готовили/ как ну вот дак горшок поставишь же поваренный/ и вкусная еда/ вкусная/ молоко парили/ вот в печке/ и тоже в горшках/* (с. Мегра Волог. обл.).

Вопрос диалектолога «*А утюги из чугуна были?»* инициирует рассказ о ситуации использования утюга:

так они такие/ тот/ который жировой-то/ поднять нельзя/ тяжёлый такой// ну/ железо одно/ нагреть надо железо/ а та сторонка дак гладенька така́ и вот сколько ни гладишь// весь железный тоже/ ручка была железна/ надо таку́ тряпицу сверху вот/ есть у меня…// тот и другой// (с. Мегра Волог. обл.).

Спецификой соотношения обобщенно-логического и эмпирико-событийного знания в коммуникации на диалекте определяется и своеобразие метатекстовых высказываний, носящих в большинстве случаев не дефиниционный, а описательно-повествовательный характер. Объяснение эксплицирует ситуации и сценарии, связанные с толкуемыми словами, с разъясняемыми понятиями; соответственно этому типичной тактикой метатекстовой деятельности является приведение примеров.

Ср: – А крюк это что такое?

– а скрести уго́лья оттуда/ с печки// вот ведь надо будет спекти/ дак ведь там сгорит уголь/ так всё прочее не класть// ещё помело у меня есть/ некоторые не пашут помелом/ а я пашу//

– А из чего помело?

– из сосновых этих/ лапок/ на палке// угли́ выгребешь/ а потом помелом помочишь/ водичкой около…// устья// это ведро с водой помочишь/ и там попашешь/ чтобы не сгорело дно// (с. Мегра Волог. обл.);

– А душник – это что?

– [показывает] *вот он/ вото есть…// туда самовары грели/ вот такой// вот самовар/ трубу кладёшь/ самовар грели/ самовар…// на вышке дак//* (с. Мегра Волог. обл.);

– А как называется [место для лежания на печи]?

– а просто печь// на печку зайти/ погреться и всё/ да/ печка// так у нас-то маленькая печка дак/ а так ведь здесь вот пока до нашей/ как мы купили/ дак печка така́ хоть сено туда было ложить/ такая большая/ на печку-то/ а так у нас/ я зайду одна/ в кучеря́шку/ там лежать// (с. Мегра Волог. обл.).

Отец рассказчицы вязал замечательные «дяльнички».

– А что это такое?

– дянички// вот эты/ одной иглой вяжут/ шерстяные-та/ вот сейчас так/ дак вяжут на этих/ на иголочках// а он у нас иглою вязал/ этого… делал/ вот така игла у его была своя сделана/ вот с этый/ с полешек/ така вострая/ и вот и начнё/ за вечерину/ пару свяже дяльничек/ и вот свяже/ дак эти дяльнички выстираешь/ дак уж/ кака зима/ дак уж ручка в этой дяльнички не застынет/ никогда// (с. Ларшина Волог. обл.).

Автор следующего высказывания мотивирует свой отказ переехать жить к дочери в город тем, что в деревне она сама себе хозяйка, а у дочери будет сидеть и «*дожидаться наряда»*. На просьбу собеседницы пояснить слово *наряд* говорит: *даст наряд мне дочь-то/ скажет/ мам-т/ иди вот/ поработай что-нибудь/ вот это…наряд это/ как сказать… это… по-старинному… называется// да// ну вот/ дочка/ ты мне наряд дала/ идти мне на работу там надо…*(с. Белогорное Сарат. обл.).

В последнем примере рассказчица в качестве поясняющего примера указывает типичную ситуацию (*даст наряд мне дочь-то)*, затем добавляет типичное для этой ситуации высказывание (*мам-т/ иди вот/ поработай что-нибудь),* и кроме того соединяет ситуацию-тему с ситуацией текущего общения: отождествляет собеседницу с тем, кто дает наряд (*ну вот/ дочка/ ты мне наряд дала/ идти мне на работу там надо).* В этом примере особенно хорошо заметно единство многообразных проявлений бытового сознания в диалектной речи.

Эмпирико-событийный характер познавательной деятельности определяет и жанровую специфику диалектного общения, в котором предпочтение отдается «фабульным» жанрам. Словесные произведения на диалекте – это прежде всего рассказы о событиях в прошлом и настоящем (реальных и мифических), повествования о традиционных обрядах и ритуалах, описания поступков и поведенческих реакций, а также рекомендации, представляющие собой своеобразные сценарии, алгоритмы вербального и невербального поведения.

2. Специфика знания в традиционной народной культуре (а именно преобладание обыденного знания) влияет на *способы выражения пропозиций* (основного информационного содержания высказывания) в речевых произведениях на диалекте. Избыточность текстового выражения пропозиций реализуется в диалектном тексте разнообразными видами языкового расширения [Петрунина 1987]. Ср.:

ну сильно/ многие все пострадали// да/ даже не могли ничё из избы вынести// у кого и была скотина во дворе там малая/ там теляточки/ вот/ и то всё погорело// (с. Земляные Хутора Сарат. обл.). Текстовое уточнение, конкретизацию получают предикаты «пострадали» и «все погорело».

свинья [о кабанихе] *белая/ а поросяты/ чёрные/ с белым/ вот как…/ вот нашлёпаны/ как кросна вот/ как краской вот/ нашлёпаны/ чёрное/ чёрное пятно/ белое пятно//* (с. Белогорное Сарат. обл.). Повторное, «наглядное» выражение получает обобщенная информация о цвете кабанят: *чёрные/ с белым* и *как краской вот/ нашлёпаны/ чёрное/ чёрное пятно/ белое пятно*.

вот сами там ядры/ ядры/ вот скорлупу расколешь молоточком там или чем/ эту/ жёлудь-то этот/ желудок-то/ там ядры/ такие прям/ вот их пожуёшь/ штуки два-три/ ой!/ никакую таблетку не надо// (с. Белогорное Сарат. обл.). Информация о лечебных свойствах желудей включает повторы, дополнительное указание на орудие действия.

Расширенные предикативные структуры подобного типа по сути дела представляют собой развернутые фреймы предикатов, включенных в состав данной пропозиции. Расчленение единой предикации создает также панорамное, подробное представление событий.

Е. В. Иванцова на основе многолетних наблюдений за речью В. П. Вершининой, жительницы села Вершинино Томской области, специально отмечает развернутость и конкретность ее повествования: «Повествование изобилует подробностями: именами конкретных лиц, передачей их высказываний, указанием на время и место действия, количественными характеристиками предметов, действий, явлений и т.п.» [Иванцова 2002: 182]. Очевидно, это не редкая индивидуальная особенность данного человека, а проявление актуальности эмпирико-событийного знания, общий признак традиционной сельской речевой культуры. Ср.:

– А у вас сколько было детей в семье вашей, у матери?

у нас много было// у нас четверо было/ эт…/ и двое мальчики умерли// один девяти лет умер мальчик/ а другой на третьем году// а мы четверо вот// один тоже остался у нас/ с двадцатого года брат/ другой на Сахалине/ там служил и остался уже// тот уж умер вот/ одиннадцатый год ему// как раз ушёл на пенсию// с двадцать восьмого года// (с. Земляные Хутора Сарат. обл.).

К характерным чертам организации диалектных текстов следует отнести также взаимоналожение пропозиций, связанных между собой в сознании говорящего. Лингвистическими следствиями совмещения пропозиций является нечеткая фразовая сегментация речи, многочисленные самоперебивы, отклонения от заявленной темы разговора, ассоциативно-цепочечное нанизывания информационных блоков. Ср.:

– А в какое время года на эти беседы ходили?

– зимой/ летом некогда/ летом надо сено косить/ убирать// вот до сих пор косили косой сено/ так ведь теперь все косилкой/ а у меня вот дедко муж он не любит косилкой/ спортит все ножни и вот выкошено на корову// (с. Мегра Волог. обл.);

– Расскажите о своем детстве, о родителях.

– вот/ о родителях// родители были крестьяне/ обеи в колхозе работали/ папа и мама/ но// раньше знаете/ нормы какие были/ невыполнимые нормы были/ и норм не могли делать/ так что зарабатывали очень мало/ очень мало/ правда пусть хоть и хлеб дешёвый был/ но очень мало зарабатывали// вот// отец был инвалид// вот с детства инвалид был// операцию делали у него здесь/ дак отрéзали/ на четыре сантиметра нога короче бы́ла// ну а мать всю жизнь работала дояркой…// этой/ телятницей// а потом война-то началась дак она тут уж и за мужика и печи ремонтировала и всё// у ней ведь было четырнадцать детей/ ро́жено/ а восемь только осталось/ в живых// дак вот/ пять братьев и три сестры было// три брата убито// на войны́// да// а сёстры жили/ значит/ в этом…// до войны уéхадши ак в Ленинграде одна жи́ла/ потом вторая уехала/ третья здесь/ работала// но теперь уж нету никого в живых// вот// и сёстер нету// один брат только у меня есть/ в Колпино// вот// тот тоже/ пятьдесят годов отработал/ тоже/ на заводе отработал дак/ всё пенсии зарабатывали/ побольше дак видишь// так пятьдесят годов дак/ увозили с работы тоже уж на скорой как говорится// так вот нас два брата сейчас// а родители так и…// получали пенсии/ сначала восемь двадцать получали/ а потом что-то…// около двадцати рублей// так вот и глядите/ как жили?// <…> мать неграмотна была/ она…// у их были какие планы́/ что/ значит…// тогда ведь не было ни абортов ничёго/ на…// нарожаем детей/ тогда работники дороги были// эти…// родители жили с невесткам/ раньше/ ну// не то что сейчас/ сразу/ замуж вышла/ и всё/ со свекро́вой/ разбежались/ всё// а раньше дружно жили// вот какое дело// так она говорит/ нарожаю детей/ так вот работников больше будет/ и вот и мы жить будем лучше// так у ней тоже два брата забрали в тридцать седьмом году/ у мамы/ забрали// дак они простые были труженики/ настоящие рабочие люди// один конечно увлекался маленько там кузнечным делом/ эть в хозяйстве надо/ вот/ а…// а второй по конному делу любитель был/ так обеих забрали/ ак одного/ увезли/ вот потом уж во́та/ дочерь-то/ в Па́лтоге вот живи…// жи…// жи́ла…// жи́ла/ уве́зена щас/ но/ в престарелый дом/ дак у ей значит папу увезли в тридцать седьмом/ дак потом уже документы-то вот недавно пришли/ дак через три дня расстреляли в Ленинграде// поглядите/ какая жизнь была// (с. Мегра Волог. обл.).

Такое типичное для диалектного текста построение напоминает полифонию, в которой слушающему важно уловить основную тему.

3. Диалектное повествование, как неоднократно отмечено диалектологами, строится по принципу *«я и событие», «событие в моей жизни», «событие моими глазами»*, что позволяет выделить *принцип антропоцентричности и эгоцентричности диалектного повествования*. Выделяемыми обыденным сознанием и вербализуемыми оказываются обычно именно те события-ситуации, участником которых был сам говорящий.

4. Предпочтительное обращение диалектоносителей к событиям с личным участием связано и с такими особенностями диалектного повествования, которые были выделены и описаны В. Е. Гольдиным: принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения, принципы изобразительности и иконичности диалектного повествования [Гольдин 1997]. События-ситуации прошлого не отчуждаются от говорящего, при их речевом воспроизведении они вновь переживаются говорящим как происходящие «здесь» и «сейчас». Поэтому высокой степенью конкретизации характеризуются описания предметов и действий, дословно (в виде прямой речи) воспроизводятся свои и чужие высказывания в момент развертывания ситуации, даются эмоциональные оценки происходившему.

Средствами совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения являются: местоименные шифтеры, формы настоящего времени в повествовании о прошлом, междометные высказывания (*ой! ах!* и под.), передающие отношение говорящего к прошлому как к существующему в момент рассказа о нем, звукоподражания (они усиливают впечатление сиюминутности, реальности событий), активное использование прямой речи и отсутствие косвенной (ситуации прошлого передаются в форме реального говорения).

Ср., напр., из рассказа носительницы диалекта о своем венчании:

ну как/ налой тут такой стоит/ там батюшка/ нас поставил вот сюды/ жениха в эту сторону/ невесту в эту/ ну и около налоя водят/ поют// (с. Лема Вологодск. обл.);

– А вот вы в клуб ходили, это беседы называлось?

– нет/ в клубе это просто клуб/ а беседы я ещё застала// ходили просто… в одной/ какой-ни// лампа висит посерёдке/ вот так с…// керосиновая// собираются и тут пляшут/ как-нибудь играют// (с. Мегра Волог. обл.);

Клавдюше полтора было года// приехала – тут три ребенка/ этой полтора года/ две люльки висели// одна тут, одна тут// две этих клали головами/ эту сюды/ эту сюды клали… (с.Белогорное Сарат. обл.). В данном высказывании шифтеры *тут* и *тут*, *сюды* и *сюды* имеют разную референцию и употреблены так, будто компоненты описываемой ситуации присутствуют «здесь и сейчас», в момент и в месте речи, так что на них как будто можно просто указать (то же в приведенном выше фрагменте из рассказа о венчании).

Из рассказа о том, как у коровы после молитвы появилось пропавшее молоко: *стала знашь как доить-то вот глянь сюды// вот как я слюни брызнула* [показывает] *а потом начинат-начинат/ побольше-побольше//* (с. Белогорное Сарат. обл.).

Из рассуждения об отличиях кабанов от домашних свиней: *наши свиньи/ оне рушные/ и у них хрюк/ она…/ по-другому/ а энти* [кабаны] *оне…/ как это вон…/ ну…/ как сказать/ как волк/ рычат/ «хр/ хр/ хр/ хр/ хр»/ грубый/ голос//*

– А наша свинья как?

– а наша/ она и визжит/ «и-и-и/ и-и-и»// «сейчас/ сейчас/ Зинка»/ (с. Белогорное Сарат. обл.). Звукоподражательная передача визга домашней свиньи продолжена представлением непосредственно не связанной с содержанием речевого фрагмента типичной ситуации – отклика хозяйки на визг животного (*«сейчас/ сейчас/ Зинка»*).

В диалектной речи текущая ситуация общения («мы – здесь – сейчас») не только выступает точкой видо-временного грамматического отсчета, но и используется для более понятного и убедительного моделирования любых (в том числе прошлых, будущих, воображаемых) ситуаций, выступая при этом в роли, напоминающей роль «сферы-источника» по отношению «сфере-мишени» метафорических конструкций.

При осмыслении структуры события:

одна женщина тоже/ дедушка помер у ней/ она одна// ну и вот/ залезла на печку, как бы я вот/ печку истопила// а было зимне… зимой время-то/ снег был// залезла на печку и уснула там… (с. Белогорное Сарат. обл.);

вот если мы/ у нас свадьба случилась там/ у наши родные/ мы их берем в гости/ человека три/ все собирамси// вот сказать/ вот мы с Марусей/ ишо вот Маруська моя// ну давайте все вместе/ давайте стряпать// ну вот скоко молодых у нас// ну вот сколько пар/ несколько/ вот мы их приглашаем// к себе/ и/ значит/ сидим/ гуляем// (с. Белогорное Сарат. обл.);

когда же/ ей [Богородице]*/ когда/ этот... Иоанн Богослов-то сказал/ что... у тебя сын воскрес/ так она.../ или вот тебе скажи/ или тебе вота/ вы как поведёте себя/ обрадуетесь?* (с. Белогорное Сарат. обл.).

При осмыслении последовательности событий во времени:

это вот как раз было…/ четырнадцатого-то Покров Богородицы/ праздник/ Покров был/ а он значит/ в четыре часа пятнадцатого-то/ на воскресенье-то/ в четыре часа но… утра помер// день-то приметный больно// вот бы как бы вчера Покров Богородицы был/ а нонче на пятнадцато число он помер// (с. Белогорное Сарат. обл.);

я нонче родила одиннадцатого декабря/ а третий год прошло/ двенадцатого-то декабря у меня вторая девочка народилась// а уж вот сын-то народилси двадцать четвертого июля//…это через два года с половиной (с. Белогорное Сарат. обл.). Дети рассказчицы уже не только взрослые, но даже сами пенсионеры, однако последовательность их появления

на свет рассказчица представляет так, как если бы старший ребенок родился «*нонче*»: время рассказа выступает удобной точкой отсчета.

5. Актуальность эмпирико-событийного (обыденного) знания определяет *целостность осмысления и речевой передачи событий-ситуаций*. Целостность передачи событий-ситуаций находит свое выражение в комплексном воспроизведении их предметной, акциональной и вербальной составляющих, а также в совмещении основных регистров повествования. Информативный, репродуктивный (по-другому, изобразительный), генеритивный типы повествования образуют в диалектном рассказе тесно спаянное целое.

Ср., напр., рассказ пожилой носительницы говора о пожаре в селе:

вот Чигра́ наша горела/ ой сильно!/ и вот самая улица/ даже на эту/ на Зарéчку через речку перекидывала/ вот такой был пожар// школа там была/ школа сгорела/ у кого были сады/ всё погорело/ сильные были пожары/ вот я эти два пожара помню// вот//

– А вы не пострадали?

нет//мы тут жили/ а это самый конец/ там населенья была друг на дружку почти// это сейчас вот просторно/ загородки/ а туда только проулочек пройтить/ даже некоторые/ если свои родные/ они под одну крышу вот сделают/ только чтобы пройтить человеку/ вот/ какие были населения/ а сейчас друг от дружки не больно-то сгоришь [смеётся]*// вот/ я и на Балыклéях жила/ у одних дом сгорел/ рядом// я тоже как бесилася/ у меня это дед-то лежал в больнице/ а я так бесилася/ я говорю/ «ну сгорю я»/ вот/ а я к нему собиралась на другой день в больницу поехать// приезжаю/ говорю/ «я чуть не сгорела»/ он говорит/ я говорю/ «ой как я плакала расстраивалась!»/ он говорит «и чего ты?/ а у нас другой дом есть»// я говорю/ ну успокаивает меня// я говорю/ «мало там чё!/ мало чё есть»/ он говорит/ у меня застрахованный дополнительный был/ «пять тысяч получим/ госстраху»/ ну слава богу!/ не сгорели//* (с. Земляные Хутора Сарат. обл.).

Рассказ включает не только информацию о пожаре, но и элементы изобразительности (восклицательную конструкцию с междометием: *ой сильно!,* изобразительный повтор: *я тоже как бесилася, а я так бесилася,* прямую речь, подробное описание переживания этого события в виде передачи разговора на эту тему), а также обобщение (генерализованное знание) в виде сопоставления прежнего и современного характера построек в селе.

Все охарактеризованные свойства диалектной речи выступают, по нашему мнению, как проявления обыденного сознания, обусловлены им и служат одновременно его вербальными показаниями.

Представленные здесь закономерности диалектного повествования, в той или иной степени свойственны, очевидно, всем разновидностям устно-разговорного общения. В диалектной речи – речевой форме, макси-

мально полно выражающей природу устно-разговорного неофициального общения, – эти особенности представлены лишь в наиболее явном, концентрированном виде.

Выявленные на материале диалектной речи коммуникативные особенности могут использоваться в качестве типологической матрицы при анализе других разновидностей устно-разговорного общения, как комплекс эталонных параметров для измерения степени «разговорности» произнесенного текста и меры проявленного в нем обыденного сознания.

В заключении отметим, что исследования устно-разговорных форм речи – диалектов, просторечия, разговорной разновидности литературной речи – выявили их значительное сходство, обусловленное общностью коммуникативной сферы (повседневное общение) и общностью обстановки речевой коммуникации (непринуждённое неофициальное общение).

Сходство устно-разговорных форм речи позволило объединить все эти формы речи понятием «ареал нерегулируемого речевого поведения» [Нещименко 2003]. Г. П. Нещименко выделен целый ряд общих признаков, данного коммуникативного типа, характеризующих различные виды непринужденной неофициальной коммуникации, главным образом, с точки зрения формы речи (устность, диалогичность, спонтанность) и с точки зрения особенностей реализации в ней нормы (вариативность, непрерывность динамики, стихийный характер ее освоения).

По-видимому, сфере непринужденной неофициальной коммуникации (ареалу нерегулируемого речевого поведения) свойственны и другие общие черты, касающиеся особенностей самого построения речи. К числу таких признаков относится, по всей видимости, также и репрезентация в устно-разговорных формах речи элементов обыденного сознания, хотя в конкретных разновидностях устного общения и в конкретных идиолектах состав и характер этих элементов, безусловно, варьирует.

Объем и характер обыденного сознания динамичны, они могут определяться разнообразными факторами: социальными, культурными, психологическими, возрастными, ситуативными. Действие этих факторов, конечно, необходимо учитывать в исследованиях показаний обыденного сознания в текстах устно-разговорного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн.3(9). – М.: Наука. 2008. – С. 414-427.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. … докт. филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Т. 9. – Серия Филология. Журналистика. – 2009. – Вып. 1. – С. 3-7.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3 (9). – М.: Наука. 2008. – С. 398-413.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.

Казакова О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 247 с.

Крючкова О. Ю. Рефлективность диалектной речи // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. – С. 214-223.

Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. – М.: Наука, 2003. – 279 с.

Петрунина С. П. Об избыточности диалектологического текста и характере ее проявления // Русские старожильческие говоры Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 203-210.

Т. И. Мурзаева
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ГОВОРОВ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучению говоров Саратовской области посвящена значительная часть научного наследия Л. И. Баранниковой.

В 1958 г. Л. И. Баранникова впервые публикует диалектологическую карту области и дает характеристику ее говоров [Баранникова 1958].

Систематическая работа по изучению говоров Саратовской области началась в 1938 г. с обследования юго-западных районов: Балашовского, Романовского, Аркадакского, Турковского. Проводились массовые студенческие экспедиции, а также индивидуальные обследования силами преподавателей. Было установлено, что на этой территории преобладают говоры южнорусского типа, а в северной ее части сосредоточены среднерусские говоры. Еще раньше Л. И. Баранникова исследовала севернорусские по основе говоры Сердобского района Пензенской области – этот район в то время относился к Саратовской области. Итоги исследования представлены в успешно защищенной кандидатской диссертации «Переходные колхозные говоры северной части Сердобского района» (1939), где показаны закономерности изменения севернорусских говоров под влиянием соседних акающих говоров – южнорусских и среднерусских. Начиная

с 1945 г. изучались говоры Хвалынского района, а также саратовского Заволжья. На карте Московской диалектологической комиссии 1914 г. говоры саратовского Заволжья отнесены к Владимирско-Поволжской группе севернорусского наречия. Послевоенные экспедиции обнаружили здесь значительное разнообразие диалектных типов: севернорусских (их меньшинство), южнорусских и среднерусских [Баранникова 1958: 18].

В 1950-1957 гг. интенсивно обследовалось саратовское Правобережье. В Хвалынском, Вольском, Балтайском, Базарно-Карабулакском и Новобурасском (частично) районах обнаружены севернорусские говоры. К ним примыкают говоры Заволжья, занимающие часть Духовницкого и Балаковского районов. На остальной территории области севернорусские говоры рассеяны единичными островками. В южной части Заволжья их вообще нет, за исключением говора с. Ахмат Краснокутского района. «В приволжской полосе чем дальше на юг, тем чаще рядом с севернорусскими говорами встречаются среднерусские. В Саратовской области, по существу, кончается далеко заходящий на юг приволжский севернорусский клин» [Баранникова 1958: 17].

Для владимирско-поволжских говоров Саратовской области Л. И. Баранникова отмечает неполное оканье (полное встречается лишь в отдельных говорах в остатках). Ёканье (преимущественно в 1-ом предударном слоге, в заударных почти не встречается) имеет следующие особенности: звук [о] перед твердыми согласными произносят не только на месте этимологической фонемы /е/, но и на месте старого ятя; возможен звук [и] на месте /е/ любого происхождения, в особенности перед мягкими согласными; замечено произношение очень открытого [е], акустически близкого к [а].Для начальной /о/ во втором предударном слоге характерно произношение [у] в одних говорах и [и] – в других: *утошла* или *итошла.*

Система согласных в севернорусских говорах Саратовской области во многом совпадает с литературной нормой. В качестве специфической особенности названо наличие трех типов произношения аффрикаты /ч/: твердого, мягкого и полумягкого. Последнее, по мнению Л. И. Баранниковой, является свидетельством перехода от твердого произношения этого согласного к мягкому. Такие же ступени наблюдаются в отношении долгих шипящих, причем в приволжских и прииргизских говорах глухой шипящий произносится с элементом взрыва: [шч]. В морфологической системе обращает на себя внимание широкое развитие стяженных форм, особенно в глаголах, обычно в сочетаниях *-айе-, -ейе-*, реже в безударном *-айу-*: *накладывут, делут.* Возвратные формы глаголов оканчиваются на *-си, -сы, -тцы*: *родилси, родилсы, съберутцы*. В правобережных говорах распространены местоимения *тея, сея, тее, сее* и повсеместно *оне*. В синтаксисе нет типичных севернорусских конструкций, отмечено лишь употребление предлога *с* вместо *из*, а также разнообразные постпозитивные частицы, обычно несогласуемые, но иногда и согласуемые. Основ-

ной характер лексики приволжских говоров – севернорусский: *поветь,* а не *лапас*, *лоньщак*, а не *стриган*, *чки*, а не *икры* [Баранникова 1958: 21-23].

Важными представляются выводы, сделанные Л. И. Баранниковой в результате сравнения севернорусских говоров Правобережья и Левобережья. В первых севернорусские диалектные элементы сохраняются более отчетливо, чем во вторых. Причины этой разницы – особенности заселения и условия последующего развития говоров. «Северо-восточные районы Правобережья заселялись сравнительно рано переселенцами из более северных приволжских районов, носителями, в основном, однотипных севернорусских владимирско-поволжских или близких к этому типу говоров. Севернорусские говоры Правобережья компактно расположены и непосредственно примыкают к основной территории севернорусского наречия, являясь ее крайним южным выступом. Примыкающие к ним среднерусские говоры в большинстве случаев сами имеют севернорусскую основу. В таких условиях севернорусские говоры Правобережья испытали сравнительно слабое влияние со стороны говоров другого типа, поэтому севернорусский диалектный комплекс оказался в них устойчивее. Левобережье заселялось много позже выходцами не только с верховьев Волги, но и из других мест, в частности, из сел Правобережья. Севернорусские говоры здесь не занимают такой большой компактной территории, они тесно соседствуют с говорами иного типа, при том не только со среднерусскими, но и с южнорусскими. Все это способствует интенсивной утрате ими характерных диалектных особенностей», – пишет Л. И. Баранникова [Баранникова 1958: 23]. Как видим, от конкретных языковых фактов ученый переходит к теоретическим обобщениям, которые впоследствии позволят определить своеобразие говоров территорий позднего заселения.

Анализ собранного материала позволил уточнить территорию и особенности среднерусских говоров Саратовской области. Оказалось, что, вопреки материалам Опыта диалектологической карты русского языка в Европе (1914 г.), основная полоса среднерусских говоров Европейской части нашей страны не заканчивается на территории саратовского Правобережья, а переходит в левобережную часть области и продолжается за ее пределами. Расширение этой полосы может идти за счет постепенного перехода южнорусских и особенно севернорусских говоров в среднерусские.

Л. И. Баранникова отмечает неоднородность среднерусских говоров по происхождению. Одни говоры перенесены на саратовскую землю со среднерусской территории (говоры сел вдоль рек Б. и М. Иргиз, а также большинство говоров Правобережья), другие образовались на территории Саратовской области в районах, пограничных между севернорусским и южнорусским массивами, где соседние говоры не могли не испытать сильного взаимовлияния [Баранникова 1958: 26]. В некоторых районах Левобережья южнорусские элементы настолько сильны, что порой трудно решить, южнорусский говор или среднерусский.

Говоря о большом разнообразии южнорусских говоров Саратовской области, Л. И. Баранникова в то же время соотносит значительную их часть с традиционно выделяемыми в то время тремя основными группами: Южной (Орловской), Восточной (Рязанской) и Тульской. Говоры южных районов Заволжья (Новоузенский, Питерский, Александрово-Гайский районы) имеют черты Восточной группы. Для них характерно недиссимилятивное аканье, ассимилятивно-диссимилятивное или умеренное яканье, отсутствие каких-либо следов билабиальной /w/. В части этих говоров распространено непереходное смягчение заднеязычных согласных. Говоры, соотносимые по комплексу с Восточной группой, встречаются также в Пугачевском, Краснопартизанском, Ивантеевском, Федоровском районах, но обычно в соседстве с иными южнорусскими говорами, а также со среднерусскими. Говоры, соотносимые с Тульской группой, в Заволжье редки. Южная (Орловская) группа представлена говорами Ивантеевского района, которым свойственны диссимилятивное яканье щигровского подтипа (с отклонениями), следы диссимилятивного аканья, широкое распространение билабиальной /w/, отсутствие фонемы /ф/, смягчение заднеязычных после всех мягких согласных, кроме [ч’]. Некоторые говоры Заволжья не удалось однозначно отнести к какой-либо группе.

В последующих исследованиях [Баранникова 1967, 1968] Л. И. Баранникова широко использует материалы говоров Саратовской области, позволяющие проследить влияние собственно лингвистических и экстралингвистических факторов на развитие диалектных систем, реализовать социолингвистический подход к их изучению. На этой основе возникают идеи относительно классификации говоров территорий позднего заселения и разрабатываются принципы лингвогеографического изучения диалектов Поволжья [Баранникова 1975, 1977, 1982].

В числе экстралингвистических факторов выдвигаются время переселения (ранние переселенческие говоры – XVI–XVII вв., основные переселенческие говоры – XVIII–XIX вв., поздние переселенческие говоры – конец XIX – начало XX вв.), характер переселения (одновременность или разновременность переселения на новую территорию; массовость или единичность), характер отношений с окружающим населением на новой территории (изолированность, наличие связи, тесная связь). Учитываются следующие интралингвистические факторы: характер диалектной основы (монодиалектная, бидиалектная, смешанная или затемненная), характер соотношения основ взаимодействующих говоров (диалектная однородность с окружающими говорами, разнотипность, наличие иноязычного окружения), соотношение переселенческих говоров с материнскими (первичные говоры или вторичные, основа которых претерпела существенные изменения), характер развивающегося вторичного говора (переходные говоры с позиционно ограниченными вариантами и смешанные со свободными типами вариантов), диалектная принадлежность говора (соотноше-

ние с наречиями, группами говоров) [Баранникова 1975]. Использование этих признаков как классификационных было показано на материале говоров Саратовского Заволжья. Л. И. Баранникова обращает внимание на трудности в определении диалектной принадлежности вторичных говоров, связанные с происходящими в них изменениями. Примером новообразования является вторичная диссимиляция: при разрушении системы ассимилятивно-диссимилятивного яканья ассимилятивность начинает утрачиваться раньше, чем диссимилятивность, так что распространение произношения [и] перед ударным [а] за счет вытеснения предударного [а] приводит к преобразованию исходной системы вокализма[Баранникова 1977: 22-23].

В течение многих лет Л. И. Баранникова возглавляла работу по подготовке «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» (180 карт), краткий вариант которого (38 карт) был опубликован в 2000 году. «Атлас» классификационно отражает соотнесенность представленных в нем говоров с наречиями и переходными говорами исконной территории формирования диалектов русского языка. По материалам, записанным в 40-е – 60-е годы XXв., выделены следующие типы говоров, характерные и для Саратовской области: 1) севернорусские и среднерусские окающие, 2) южнорусские, 3) среднерусские акающие, 4) смешанный тип – северные и среднерусские, 5) смешанный тип – среднерусские и южнорусские [Баранникова 2000].

Классификация говоров Саратовской области Л. И. Баранниковой является теоретической и фактической базой исследования преобразований в современных диалектах. Л. И. Баранникова писала: «Изучение ряда процессов взаимодействия разных диалектных систем, которые развиваются в говорах территорий позднего заселения, может помочь в восстановлении фактов далекого прошлого, в выявлении особенностей формирования некоторых диалектных черт» [Баранникова 1977: 4]. Примером может служить предударный вокализм говора с. Липовка Марксовского района Саратовской области, обследованного в 2010 году. Село возникло в 1767 году в результате насильственного переселения помещичьих крестьян из Базарно-Карабулакского района, где есть населенный пункт с таким же названием. В то время как в Базарно-Карабулакском районе до сих пор существует однородный владимирско-поволжский диалектный массив, Марксовский район – территория бывшей немецкой колонизации, где говор оказался в иных условиях бытования. Речь жителей старшего поколения обнаруживает в исходной системе вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных ёканье. Однако перед твердыми согласными наряду со случаями типа *вёдро, свёкрофь* чаще употребляют словоформы с произношением [е]. Кроме того, отмечено произношение [а] (*вясна, зярно, пяку* и т.п.), причем этот звук, как правило, более узкий по сравнению с тем, который обычно наблюдается при яканье [Мурзаева 2012б: 93].

Можно предположить, что происходит формирование умеренного яканья, которое, как считал В. Н. Сидоров, сложилось на основе ёканья [Мурзаева 2012а: 117].

Важным этапом в изучении говоров региона стало создание Саратовского диалектного корпуса, материалы которого обеспечивают возможность выполнить детальное исследование различных преобразований в говорах [см., например: Свешникова 2012].

В экспедициях, проведенных с 2000 по 2015 гг., были обследованы диалекты различных типов, собраны новые данные, сопоставление которых с итогами исследований Л. И. Баранниковой позволяет судить о современных процессах в говорах Саратовской области [Мурзаева2015]. Среди них упрощение систем предударного вокализма, распространение в якающих говорах произношения предударного звука [е] параллельно с закономерными [а] или [и], разрушение системы оканья, замена [γ] фрикативного на [г] смычно-взрывной в говорах с исходной южнорусской основой, развитие грамматических особенностей широкого распространения, вариантность южнорусских и севернорусских морфологических форм [Мурзаева 2008: 333], изменение лексического состава говоров.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2000. – 104 с.

Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – №2 – С. 22-31.

Баранникова Л. И. К проблеме классификации говоров территорий позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. – Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 1977. – С. 3-23.

Баранникова Л. И. Работа кафедры русского языка Саратовского пединститута по изучению говоров русского языка // Уч. зап. Сарат. пед. ин-та. – 1958. – Вып. 30. – С. 16-29.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 1967. – 206 с.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. (К вопросу о соотношении языка и диалекта): автореф. дис. … докт. филол. наук. – Саратов, 1968. – 39 с.

Мурзаева Т. И. Современные процессы в говорах Саратовской области // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. – Москва – Саратов: Амирит, 2015. – С. 72-78.

Мурзаева Т. И. Судьба владимирско-поволжских диалектных особенностей на территории Саратовской области // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012а. – С. 115-117.

Мурзаева Т. И. Южнорусские говоры Новоузенского района Саратовской области в их современном состоянии // Предложение и слово: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 331-336.

Мурзаева Т. И. Яканье в современных говорах Саратовской области // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2012 б. – С. 89-94.

Свешникова Н. В. Особенности морфологической системы одного из среднерусских говоров (на материале с. Земляные Хутора Саратовской области) // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2012. – С. 94-97.

Э. И. Мячинская
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

ДИАЛЕКТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО НОРМАТИВНОГО ЯЗЫКА

Вопрос соотношения нормативного языка и диалектов неизбежно встает перед исследователями во все периоды развития диалектологии. Его рассматривала Л. И. Баранникова, дав своей докторской диссертации (1967 г.) подзаголовок «К проблеме соотношения языка и диалекта». Очевидно, что это тема фундаментальная, можно сказать лингвофилософская, и она скорее содержит правильно поставленный вопрос, нежели окончательный ответ. В современный период национальный язык трактуется как система систем, или подсистем, в которой все языковые варианты имеют свою нишу, функциональную нагрузку и коллектив носителей. С этой точки зрения все разновидности можно называть диалектами, а нормативный вариант – социальным диалектом. Во всяком случае такова интерпретация западных англоязычных диалектологов и социолингвистов, например Питер Традгил пишет: «Нормативный английский не часто называют диалектом, но поскольку это вариант языка, который отличается от других грамматически, совершенно очевидно, что он такой же диалект, как и другие варианты языка.» («Standard English is not often referred to as dialect, but since it is a variety of the language that differs from others in grammar, it is clearly just as much a dialect as any other variety.”) И еще: «Фактически все, кто говорит с произношением дикторов БибиСи [т.е. нормативным – Э. М.], говорит на нормативном диалекте. (“The fact is that everybody who speaks with a BBC accent also speaks the Standard English dialect…”). [Trudgill 1999: 3]

Для русской диалектологии и русской лингвокультуры такое выравненное отношение к вариантам внутри языка не характерно, и хотя в рамках языка различаются диалекты территориальные, социальные, профессиональные пр., не принято русский литературный язык называть диалектом.

С точки зрения взаимодействия вариантов внутри языка складываются разные картины для разных языков и различных периодов одного и того же языка. Общеизвестно, что на ранних этапах своего существования основные европейские языки представляли собой сосуществование диалектов, относительно равноправных. В какую-то эпоху по определенным историческим причинам происходит возвышение одного диалекта (реже двух) над другими, он становится основой для развития нормы, кодифицируется, проходит необходимые стадии становления, а остальные диалекты оказываются социально сниженными. Во всяком случае, так происходило в британском английском (основа – лондонский, восточно-центральный), [Иванова, Чахоян 2006: 29-30], во французском (парижский) [Bourhis 1982: 34 и далее], в немецком (верхненемецкий hoch Deutch) и др. [St Clair 1982: 165]. Между разно-статусными вариантами внутри языка выстраиваются иерархические отношения различного типа, к тому же меняющиеся во времени.

Современный русский язык, по нашему убеждению, принадлежит к авторитарному типу, в котором норма так сильна, что за ее пределами всякая вариативность считается отклонением от нормы и ее нарушением. Таков же был тип английского языка до второй половины XX века, но затем стал изменяться в сторону более толерантного типа. В принципе можно представить себе шкалу от крайнего значения авторитарности до предела толерантности, на которой располагаются языки в зависимости от характера отношений между диалектами и нормой [Мячинская 2012: 85-86]. Высочайшая престижность нормативного варианта русского языка обусловлена многими факторами, прежде всего художественной литературой – недаром он называется «литературный язык», тогда как английский – стандартный (Standard English). Вместе с тем школьное образование в современной России обходит изучение русских диалектов стороной, прививая школьникам представление о них как искажении литературной речи, требующем исправления и даже искоренения во славу литературной нормы.

Характер иерархических связей, и соответственно тип языка, обусловлен многими факторами и порождает определенные ситуации. Так, он отражается в отношении к вариантам со стороны носителей других вариантов, в частности отношением носителей литературного русского языка к русским диалектам и, соответственно, к носителям диалектов. Одновременно характер этого отношения служит свидетельством отнесения языка к тому или иному социолингвистическому типу. Предметом настоящей

статьи является выяснение именно таких отношений с целью подтверждения нашего убеждения, что русской – язык авторитарного типа.

Выявленные отношения, исследуемые в настоящей работе, не были результатом сложного эксперимента с конкретным языковым материалом. Мы считаем, что полученный нами материал – это стереотипы. Диалектными стереотипами мы называем отношение носителей русского нормативного языка к носителям нестандартной, а именно диалектной речи как таковой, а не конкретного ареала и к носителям диалектной речи в целом, а не к конкретному носителю диалекта. Стереотип, как известно, может искажать или неточно репрезентировать черты стереотипизируемого объекта, однако он тем и ценен с социолингвистической точки зрения, поскольку отражает принятые сообществом ценности.

Материалом исследования является проводившийся нами на протяжении более 10 лет анкетный опрос студентов разных отделений филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Использовалась анкета − небольшая, анонимная и вполне конкретная, состоящая из 3-х частей:

I. Сведения об информанте: профессия/занятие, уровень образования, постоянное место жительства и длительное место жительства в иное время. Большинство респондентов родились и живут в Петербурге.

II. Что респонденты знают о диалектах русского языка: зоны, конкретные диалекты, конкретные примеры. Эта часть была нацелена на создание перцептуальной карты диалектов наивного диалектолога (в настоящей работе не обсуждается).

III часть – основная в этом исследовании – выявление отношения к диалектной речи и носителям диалекта.

Ответы респондентов можно расположить следующим образом.

Отношение к диалектам в целом

Положительных мало: «Отношусь к ним как к объективной реальности»

«У всех диалектов есть (историческое) право на существование». Воспринимаются как элементы русской культуры, как что-то родное и близкое. «Я думаю, что диалекты – это наше богатство, мне нравится слушать диалектную речь. Но меня раздражает, когда я не могу разобрать, что они говорят». С эстетической точки зрения: есть респонденты, которые считают, что диалектная речь по-своему красива; некоторые диалекты звучат мягче, чем общепринятая речь; настоящий диалект, а не просторечие, звучит очень красиво. «Мне нравится чистый традиционный говор, без испорченных современных слов». Только один отклик прозвучал эмоционально: «Отношусь исключительно хорошо, обожаю слушать диалектную речь. Я сама говорю на диалекте»

Положительное отношение к носителям диалекта:

«Интересно слушать. Отношусь к ним с интересом. Меня не раздражает необычное звучание. Мне нравится, когда люди говорят своим обычным образом – так можно много узнать о человеке. С ними интересно говорить. Я думаю, что насильственно задавливать язык в диалектной форме является неуважением к носителю языка. Тем более что мы все говорим на диалекте (в данном случае на петербургском)».

Комментарии положительные с «НО»:

- Диалектная речь имеет право на существование, но ее влияние следует ограничивать.
- Диалектная речь совсем не обязательно показывает недостаток образования. Иногда она звучит приятно, иногда неприятно, но всегда странно.
- Но за пределами бытовых ситуаций следует говорить на принятой в государстве норме.
- Я не считаю людей, говорящих на диалекте, менее образованными, но лучше бы слышать правильную речь.

Все характеристики даются в общей форме, диалекту как таковому, а не конкретному варианту

Отрицательные высказывания гораздо более многочисленны и эмоциональны:

Отношение к диалекту: «Непривычно в культурной столице слышать говорящих на диалекте. Звучит однозначно неприятно. Мое отношение к диалекту как неизбежному злу. Режет слух (очень частый комментарий). Я отношусь к диалектам свысока, хотя и стыжусь этого, а к носителям диалекта еще более свысока. Раздражает. Неловко слышать».

Отношение к носителям диалекта:

- Некультурные, необразованные. (упоминается чаще всего).
- Местный диалект производит впечатление необразованности.
- Ужасно неприятно слушать, так и хочется исправить; показывает низкий уровень культуры и образования.
- Недостаток образования, но в то же время, диалекты имеют право на существование; было бы интересно узнать больше об истории диалектов.
- Впечатление, может быть ложное, что говорящий необразован.
- Чаще всего у говорящего нет высшего образования.
- Некоторые слова просто режут слух, складывается впечатление, что говорящий плохо образован; над некоторыми словами смеёшься.
- Если у тебя высшее образование, твоя речь должна обязательно соответствовать норме. Некоторые люди берут репетиторов, чтобы исправить свою речь.
- Обращаешь внимание на людей, говорящих на диалекте.

- Раздражают.
- Испытываешь к ним предубеждение.

Характерно, что негативная характеристика высказывается не напрямую, а несколько отстраненно: «складывается впечатление», «производит впечатление», «может быть ложное». В этом, на наш взгляд, и сказывается проявление стереотипичности.

Диалекты нравятся, а к носителям отношение негативное:

Типичные комментарии:

- В диалектах отражается национальный дух, у них собственное лицо, они позволяют лучше понимать национальную культуру. Когда встречаешь людей, говорящих на диалекте у себя, так сказать на своем поле, их речи воспринимаешь нормально. но, когда встречаешь их в центре (например в Петербурге), то их речь режет слух, их сразу хочется исправить.
- Диалекты интересны с точки зрения культуры и их истоков. Носители диалекта, по сравнению с уровнем культурного развития столицы, могут быть менее образованными, некультурными, хотя некоторые диалекты звучат приятно.

В западной социолингвистике распространено мнение, что нормативный язык это язык правящей группы, олицетворяет «власть» (power) и одновременно служит для дистанцирования от социально низших групп. Вот пример такой интерпретации: «Язык является инструментом властных структур и используется для контроля над социальной мобильностью [продвижением вверх – Э. М.] посредством проверки грамотностью. Культура используется как референциальный маркер социального поведения и контроля. Она [культура] отражает политические нужды властной структуры» . («Language is an instrument of the power structure and is used in controlling the access of social mobility through literacy tests. Culture is used as reference marker for social behavior and control. It reflects the political needs of the power structure”) [St Clair 1982: 166]. Однако студенты гуманитарных факультетов вряд ли выступают с позиции власти или силы, хотя за ними или перед ними возможен властный параметр. Очевидно, для русской ситуации язык связан скорее с культурой, нежели с властью; видимо русская иерархия строится на иной системе ценностей, во главу которой ставится культура, соответствие культурным стереотипам, которые в свою очередь обусловлены традиционными факторами. Кроме того, явно выражен очень высокий престиж высшего образования среди молодежи.

Обобщая результаты анкетирования можно сказать, что ярко проявляется эмоциональность восприятия диалектного звучания; отрицательное отношение превалирует над положительным; негативные оценки говорящих превалируют над негативными оценками диалектного звучания. Основная критика – необразованность, некультурность, реже провинциализм.

Это можно расценивать как отражение ценностной доминанты, определяющей построение иерархии – культура и образование. Налицо сильнейшая престижная позиция нормативной речи и тенденция стигматизации ненормативной (нон-стандартной, а не субстандартной) речи, т.е. те черты, которые характеризуют язык авторитарного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. – СПб: Авалон. Азбука-Классика. 2006. – 560 с.

Мячинская Э. И. Эволюционные изменения социолингвистического типа английского языка // Варшавские мелодии: сб. статей – СПБ: Филол. ф-т СПбГУ, 2012 – С. 85-91.

Bourhis R.Y. Language policies and language attitudes: Le mond de la Francophonie . // Attitudes towards language variation. ed. E.B.Ryan and H.Giles. London: Edward Arnold (Publishers) Ltd), 1982 – 34- 62.

Trudgill, P. The dialects of England – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – 154 p.

St Clair R.N. From social history to language attitudes. // Attitudes towards language variation. ed. E.B.Ryan and H.Giles. – London: Edward Arnold (Publishers) Ltd), 1982 – 164-175.

Т. И. Петрова
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЖИВОЙ РЕЧИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ (НА ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ СЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Исследования живой речи, ставшие в последние годы особенно активными, свидетельствуют об усилении интереса к «функции обиходно-бытового общения», которая, по словам Л. И. Баранниковой, «на всех этапах существования языка выступает как наиболее существенная, первичная» и которая «в разных конкретно-исторических условиях выполняется разными компонентами языка» [Баранникова 2005: 68]. Для второй половины XX века характерно появление «новых форм разговорной речи» – в частности, регионолектов, в которых «уже утрачены многие архаические черты диалекта, но развились свои новые особенности» [Герд 2000: 48]. Регионолект рассматривается как «некоторый промежуточный, смешанный идиом, возникающий в связи с взаимодействием литературного языка,

просторечия и местных говоров и постепенно вытесняющий последние» [Ерофеева 2005: 99]. «Выделение региолекта, – подчеркивает А. С. Герд, – постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определенной территории» [Герд 2001: 24]. Такое понимание региолекта берется за основу во всех исследованиях этого языкового феномена.

Необходимым условием для уточнения его содержания является накопление широкого эмпирического материала, отражающего особенности функционирования русского языка в том или ином регионе России. Очевидна поэтому и актуальность речевого материала, относящегося к наиболее отдаленному – Дальнему Востоку. Формирование базы данных «Живая речь дальневосточников», которое составляет цель нашего коллективного проекта, осуществляется с использованием полевой методики, то есть «получения информации о языке на основании работы с его носителями» [Кибрик 1972]. Полевой метод позволяет фиксировать различные проявления естественной речи, в том числе «нелитературного характера или с нелитературными привнесениями просторечия, жаргонов, диалектных окрасок». Именно такие включения, как известно (например, [Живая речь уральского города 1988: 3-4]), и дают наиболее интересный материал для определения особенностей речи в данном регионе.

Ряд интересных фактов, позволяющих говорить о дальневосточной специфике живой русской речи, выявлен нами в процессе полевых экспедиций в различные села Приморского края.

Особенно показательны фрагменты языкового существования сельских жителей Приморья, отражающие их языковую картину мира и служащие источником разнообразного материала.

В качестве примера приведем диалог в тайге в ситуации «Сбор грибов» (запись сделана в сентябре 2009 года в селе Виноградовка Анучинского района Приморского края; общий объем записи составляет около 60 минут). В речи его участников обнаруживается ряд маркеров, указывающих на роль местного жителя, хорошо владеющего миром слов, обозначающих реалии этих мест. Во-первых, это многочисленные неофициальные топонимы: *Вот там где* ***Серпы****/ вот этой машиной не проедешь* (название извилистого участка таежной дороги); *На* ***Дальнюю*** *речку уже не успеем/ на* ***Ближнюю*** *разве что* (названия участков реки относительно села); *Чаще место это называют* ***Шуркиной пасекой*** (название по имени владельца пасеки, находившейся когда-то в этих местах); *За* ***Четвёртым лугом*** *много грибов было в прошлом году* (порядковые числительные в качестве неофициальных топонимов – *Первый луг, Второй луг* и т.д. – используются для определения места между рекой и сопками) и др. Во-вторых, это лексические единицы, называющие дальневосточные реалии: *излом* («крутой изгиб сопки»: *Вот на* ***изломах****/ обычно грибы не растут*); *осыпь* («склон

сопки с разрушенными скальными породами»: *Это* ***осыпь****// Наверное/ какая-то скала была/ она была из более мягкой породы/ стала разрушаться/ камни осыпались осыпались/ и на этих камнях ничего не растёт// Таких много среди сопок мест*); *распадок* («горная ложбина, седловина в горах»: *Он угрюмый такой/* ***распадок*** *этот глубокий*); *качовка* (производное от «качать (мед)»: *На период* ***качовки****/ нанимали пацанов*) и др. Интересным нам показалось употребление слова *во́лок*. Приведем фрагмент объяснения этого слова не знающим его гостям:

– Вот ***во́лок*** *пошёл//*

– Это какой-то такой…/ как тропы/ да?

– Это просто трактор прошёл/ и проволок/ за собой лес// Вот такие вот ***волока́****/ их ещё называют/ или* ***поруба́*** *ещё/ потому что ну как/ вокруг лес рубили…/ Вот/ видите/ дежурный во'лок такой/ это вот недавно/ видимо что-то убирали/ тащили//*

Следует заметить, что, например, в словаре В. И. Даля формы диалектных слов *во́лок* и *волока́* имеют разные значения: *во́лок* – «непроезжий лес», а *волока́* – приспособление «для выволакивания бревен из во́лока» [Даль 1981: 236]. Как видим, дальневосточный дискурс отражает определенные лексико-семантические изменения в данном случае: приобретение словом *во́лок* особого значения («подобие просеки в тайге; след трактора, волочащего срубленные деревья») и появление у него коррелята по числу: *во́лок* (ед. ч.) – *волока́* (мн. ч.). Что же касается слова *поруба́*, то оно используется в качестве синонима рассмотренного слова, причем в анализируемом дискурсе употреблена форма только множественного числа.

В речи участников таежного диалога обнаруживаются, кроме того, диалектно-просторечные особенности, характерные для этих мест. Например: *май наступил/* ***выбросился*** *лист*; *таких много среди сопок мест/* ***голимые*** *камни*; *спилили/ на дрова* ***распилякали***; *гриб* ***ильмачок*** *на* ***ильмаке*** *растёт*; использование слов *брать, взять* в значении «собирать, заготавливать»: *самые хорошие грузди мы* ***взяли*** *две недели назад*; *на Серпах* ***брали*** *грибы*; *орех/ дрова в этом месте* ***берут***. В наблюдаемой ситуации зафиксирована и такая диалектная особенность, как использование формы единственного числа конкретных существительных в собирательном значении, например: *май наступил/ выбросился* ***лист***; *осень/* ***шишка*** *падает*; *здесь же* ***липы*** *много/ в этом распадке*; ***орех*** *в этом месте берут* и т. п. (факты такого рода часто встречаются в речи жителей приморских сел). Обращает на себя внимание повторение конструкции с предлогом *НА*: *сходим* ***на обрыв*** *ещё*; *сходим ещё* ***на ключ***; *ильмаки ходил смотреть* ***на ключе*** и т. п.

Нами отмечен весьма любопытный факт: один из наших информантов рассказывает о том, что его мать[1] называет маньчжурский орех, широ-

[1] Мать нашего информанта родилась в семье украинцев, переселившихся в начале XX века на Дальний Восток.

ко распространенный в Приморье, «воловым»: *А мы ходили вот за этим вот/ маньчжурским орехом// У нас мама его называет* ***воло́вый*** *почему-то// – Воловый? – Воловый/ да/ ну вот/ не знаю почему//* Интересно, что это слово в сочетании *воловый орех* зафиксировано в словаре В. И. Даля как синоним названия «грецкий орех» (с пометой *южн.*) [Даль 1981: 238]. Можно предположить, что оказавшиеся на Дальнем Востоке переселенцы применили данное название к похожему на грецкий ореху (заметим, что такое название маньчжурского ореха знакомо и в других селах Приморья – в частности, потомкам украинских переселенцев в селе Архангеловка Кировского района).

Последний из приведенных примеров указывает на исторически обусловленную особенность, характерную для речи сельских жителей Приморского края, – проявление последствий русско-украинского языкового взаимодействия. Дело в том, что русский язык на Дальнем Востоке функционировал в особых условиях, отличающих его от других регионов России. Как известно, активное освоение этой территории началось со второй половины XIX века посредством массового переселения крестьян из европейской части России, Украины, Белоруссии. Дальний Восток относится к территориям позднего заселения, для которых, по словам Л. И. Баранниковой, характерна «особая пестрота диалектного состава и особый характер взаимоотношений между диалектами» [Баранникова 1967: 20]. Переселенческий процесс продолжался в течение ряда десятилетий; причем особо отмечают масштабный характер переселения с Украины: украинцы составляли вторую по численности (после русских) славянскую этническую группу на Дальнем Востоке. Уже со второй половины XIX века начинает формироваться региональная культурная традиция, яркой характеристикой которой стало восточнославянское взаимовлияние: на унифицированной основе складывалась особая субкультура. Данное обстоятельство оказало существенное влияние и на характер языковой ситуации в регионе (об этом, например, в [Блохинская, Гордеева, Касимова, Оглезнева 2014]). Но позиция русского языка на Дальнем Востоке с самого начала была сильнее и вследствие численного превосходства его носителей, и вследствие его статуса: статус государственного языка обусловил активное продвижение его литературной формы. Результатом стала постепенная утрата коммуникативной функции украинским и белорусским языками, что не могло не привести к возникновению близкородственного полуязычия, почти исчезнувшего в современном языковом существовании дальневосточников. Однако последствия русско-украинского взаимодействия проявляются и в современной живой речи приморцев. В качестве примера приведем фрагмент коллективного рассказа сестер 1928 и 1932 гг. рождения, потомков украинских переселенцев, записанного в поселке Кировском Кировского района Приморского края в августе 2008 г.:

(*Рассказывают о том, как когда-то в детстве в поисках конфет они что-то сломали*):

– Такой испу[***х***] *был!* ***Шо*** [*что*] *нам делать! Прилепили/ а оно ж…/*

– Это ж по-другому / ясно// Я токо [*только*]*/ Надя/ запомнила/ когда я нашла/ но я сама тогда искала/ ты не́ была/ не знаю/* [***ɣ***]*де ты была′/ у-у…/ этой самой/ то что у нас было/ этот самый…/*

– Кладовка? ***Пидда′шек****/ или как?*

– Не-не/ вот то [***ɣ***]*де/ сарай был/ и там это/ как/ это…/ Пчельник пчельник! Дедушка там пчёл держал// А там котёл был// И под котлом// Котёл опрокинутый/ и там* ***у миски*** [*в миске*]*/ п*[***о***]*душечки те* (…)

Обращает на себя внимание непоследовательное проявление украинизмов – в частности, в речи одного и того же говорящего используется как взрывной [г] (*по-дру*[*г*]*ому, то*[*г*]*да*), так и фрикативный [ɣ] ([ɣ]*де*). Рассказчицы вспоминают о том, на каком языке говорила их мать: *Это был не украинский язык/ но и не русский*; кроме того, вспомнили, что, когда они начали учиться в школе и стали хорошо говорить по-русски, но дома по-прежнему пользовались и языком родителей (полуязычием), их матери было трудно понимать детей («Кажи́ть [говорите] одним языком», – говорила она им). Лексические украинизмы обнаруживаются и в речи младших потомков украинских переселенцев. Это, например, отдельные номинации, используемые в случаях отсутствия однословных русских эквивалентов. Так, слово *ми́сник* («шкаф для посуды») используется лишь применительно к бабушкиному дому – в варианте, адаптированном к русской фонетике (в отличие от бабушкиного твердого [н] используется мягкий [н’]) и к русской грамматике (используется форма предложного падежа *в миснике* вместо формы [*w*] *мисныку*). Прочно вошли в лексикон выросших в сельских семьях потомков украинских переселенцев и такие слова, как *пори́чка* («красная смородина») и *рясный* (*рясно*) («обильный (о плодах или цветах)» (например: ***Рясно*** *черемуха цветет*; *Какая* ***рясная*** *яблоня* и т. п.), хотя и используются они только в семейном общении. Эти лексические единицы в речи уже взрослых дальневосточников, носителей литературного русского языка, можно считать маркерами связи между поколениями украинских переселенцев, носителей украинско-русского полуязычия.

Для выявления региональной специфики живой речи дальневосточников интерес представляет и материал, полученный в приморских селах, где кроме русских традиционно проживают немногочисленные теперь коренные народы Приморья: удэгейцы, нанайцы, тазы, орочи. Следствием русско-аборигенных контактов оказываются те или иные проявления в живой русской речи – прежде всего, заимствования, используемые в сфере бытового общения сельских жителей. В частности, в рассказах наших информантов, записанных в селе Верхний Перевал Пожарского района Приморского края в июле 2014 года, довольно распространенными оказываются названия блюд аборигенной кухни, а также номинации, непосредствен-

но связанные с этой тематической группой: *бада́* («приготовленная на воде жидкая каша из риса»), *бо́взы* («изделия из пресного теста с капустно-мясной начинкой, приготовленные на пару»), *дю́тция* («дикий чеснок»), *дютциха́за* («острая приправа, приготовленная из дютции с добавлением перца»), *линца́й* («приготовленный на воде мелко нарезанный картофель»). Показательно, что все зафиксированные нами слова этой группы отсутствуют в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков»[2], что указывает на необходимость целенаправленного исследования их этимологии, обусловленной исторической спецификой данной территории – таким фактором, в частности, как взаимодействие автохтонных народов Приморья не только с русскими, но и с китайцами. В контексте же нашего исследования важно, что приведенные слова являются единицами живой русской речи, причем не только русских, но и нанайцев (или удэгейцев). Приведем примеры из речи двух наших информантов: Людмилы (русской) и Марины (нанайки).

Из речи Людмилы:

Меня соседка-нанайка/ до-о-лго учила папоротник есть// Салаты/ она делала салаты/ соусы какие-то свои// Пойду ***линцай*** *у ней поем/ это с картошки/ линцай она вкусно готовила// Рис/* ***бада****// Это…/ варится рис/ и туда ничего не добавляется// Но делается он знаете/ жидкий// Жидкий солёный рис// Но рисинка от рисинки отстаёт// И едят/ или с папоротником или с селёдкой// Надо с солёным чем-то есть// Или с зубрятиной копчёной// Но с душком// И рыба с душком должна быть//*

Из речи Марины:

– Мама моя больше обрусела// Она и национальные блюда…/ Я вот ем/ а она говорит/ «они мне в детстве надоели»// (…) *У нас вот нанайские/* ***бовзы*** *называются// Вот есть манты/ а у нас бовзы// На пару/ капуста с мясом// Потом картошка крошеная/* ***линсай****// Крошится мелко-мелко//*

– Это нанайские названия?

– Да/ нанайские// Ну наша вот/ ***бада****// Чистая вода/ и рис отваривается// У удэгейцев* ***угда****/ а у нанайцев бада//*

Заслуживает внимания лингвистов и название села – Верхний Перевал, в котором также (хотя и экстралингвистически) отражается процесс аборигенно-русского взаимодействия. Село основано в двух километрах от места, названного словом *перевал*: это узкое место между реками Бикин и Алчан, где нанайцы и удэгейцы во время рыбалки и охоты перетаскивали свои лодки с одной реки на другую, чтобы обойти трудные для прохождения места. Такое малоизвестное значение слова *перевал* как единицы живой речи зафиксировано только в «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева: «перешеек между озерами и реками или участка-

[2] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. В 2-х тт. / Под ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975-1977.

ми морского берега, где удобно перетаскивать, «волочить» малые суда по суше» [Мурзаев 1984: 127]. Русское слово употребляется в несвойственном ему значении, называя реалию из жизни коренных жителей этих мест. В этой связи следует сказать и о слове *оморочка*, которое используется русскими жителями села не в качестве экзотизма, а в качестве названия одного из предметов обыденности. Приведем фрагмент разговора с одним из верхнеперевальцев:

– У нас тоже ***оморочка*** *была…/ И отец на ней…/ Так зверя добывал//*

– А оморочку он сам сделал?

– Нет/ это ему подарили нанайцы//

Таким образом, слова, отражающие особенности жизненного уклада коренных народов Дальнего Востока, в живой речи дальневосточников оказываются региональными маркерами, свидетельствующими о процессе русско-аборигенного взаимодействия.

Представленные нами наблюдения могут стать вкладом в исследование проблемы дальневосточного регионолекта – в частности, решение вопроса о его границах. Как отмечает Е. А. Оглезнева, «доказательство правомерности употребления термина «регионолект» с определением “дальневосточный” потребует в перспективе проведения крупномасштабного исследования речи дальневосточников на разных дальневосточных территориях, где средством коммуникации выступает русский язык» [Блохинская, Гордеева, Оглезнева… 2014: 81]. Исходными же для этого должны стать полевые наблюдения в конкретных регионах Дальнего Востока (в том числе и на территории Приморского края), организованные на основе принципа социологической сбалансированности, обеспечивающего максимальное разнообразие различных характеристик говорящих, что позволит получить достоверную информацию о специфике конкретной регионально обусловленной формы живой русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке // Баранникова Л. И. Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М.: Едиториал УРСС, КомКнига, 2005. – С. 68-78.

Баранникова Л. И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения // Язык и общество. – Вып. 1. – Саратов: Изд-во СГУ, 1967. – С. 16-35.

Блохинская А. В., Гордеева С. В., Касимова Е. В., Оглезнева Е. А., Цзян Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 156 с.

Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 45-51.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 488 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1981. – Том 1. – 699 с.

Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: Социолингвистический аспект. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. – 320 с.

Живая речь уральского города: Сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 136 с. (Предисловие).

Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). – М.: МГУ, 1972. – 182 с. – (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. – Вып. 10).

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Н. В. Свешникова
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов)

БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В ОДНОМ ИЗ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Большой объем текстового материала в диалектном корпусе позволяет выявлять и наблюдать многие процессы, происходящие в говорах русского языка в условиях их современного бытования.

Общепризнанным является тот факт, что в настоящее время в живой диалектной речи происходят изменения, обусловленные, прежде всего, влиянием двух факторов: внутренним развитием диалектной системы и влиянием литературного языка [Баранникова 1967; Кириллова, Новикова 1988 и др.]. Эти изменения прослеживаются на всех уровнях диалектной системы, в том числе и в такой устойчивой ее части, как фонетика, в которой они «приобретают сложный характер, появляется ряд переходных, промежуточных ступеней» [Баранникова 1967: 125]. Степень их интенсивности, характер изменений в фонетических системах нередко имеет свою специфику в разных говорах, в речевых подсистемах разных слоев носителей диалекта.

Особенно сложными являются изменения в безударном вокализме после мягких согласных. Это подтверждают и результаты нашего исследования, выполненного на материале текстов, записанных в говоре с. Земля-

ные Хутора Аткарского р-на Саратовской области с 2000 по 2010 гг., являющемся одним из подкорпусов Саратовского диалектного корпуса.

Земляные Хутора – одно из старейших русских сел области, возникшее в середине XVIII века. Точных сведений об истории его образования не сохранилось, но, по сведениям местных старожилов, основателями Земляных Хуторов были безземельные крестьяне, переселившиеся с южных территорий России, предположительно из Тульской, Белгородской, Брянской губерний. Эти сведения подтверждают и материалы об истории заселения Саратовской губернии, согласно которым территория нынешнего Аткарского района на протяжении XVIII–XIX вв. заселялась в том числе и выходцами из губерний южного региона России [Духовников, Хованский 1893].

Структурно-языковые признаки говора (наличие комплекса диалектных черт юго-восточного региона), топонимические данные, сведения об истории формирования села дают основание считать, что первопоселенцами Земляных Хуторов были выходцы с юго-восточных территорий России и говор имеет южнорусскую основу [Свешникова 2011; 2012].

В настоящее время говор села относится к числу среднерусских акающих диалектов. Ударный вокализм этого диалекта характеризуется наличием пяти гласных фонем: /и/, /э/, /о/, /а/, /у/. В безударном положении после твердых согласных отмечается недиссимилятивное аканье.

Более сложные и разнообразные отношения наблюдаются в позиции после мягкого согласного. В настоящий момент в говоре представлены два типа предударного вокализма: для представителей старшего поколения характерно умеренное яканье, в речи молодежи и людей среднего возраста отмечается иканье. Т.е. в данном говоре развитие безударного вокализма движется в направлении к иканью.

В этой работе мы рассмотрим изменения, происходящие сегодня в данном звене фонетической системы диалекта у представителей архаического слоя говора, в речи которых, как принято считать, лучше всего сохраняются основные диалектные черты[1]. Умеренное яканье, характерное для этой группы лиц, отличает вариативность предударного гласного перед твердым согласным: наряду с [а] произносятся звуки [е] и [и]. Такая ситуация вполне типична для современного состояния говоров, в которых, по словам В. В. Колесова, «…сейчас ни ёканье, ни умеренное яканье нигде в чистом виде не встречаются: всегда есть отклонения в произношении предударного гласного» [Колесов 1990: 66].

Анализ материала показал разную степень сохранения системы умеренного яканья у представителей этой группы. Мы выделили две ее разновидности.

[1] Архаичный слой говора представлен коренными жительницами села старшей возрастной группы (75-90 лет), прожившими всю жизнь в селе и не выезжавшими на продолжительное время за его пределы.

Первая из них – система с незначительным отклонением от умеренного яканья, проявляющимся в звучании [и] и реже [е] на месте [а] в положении перед твердыми согласными. Т.е. важнейший принцип ее организации (зависимость от твердости – мягкости последующего согласного) в целом сохраняется, и в положении перед твердыми согласными произносят в основном [а], перед мягкими – [и]: *д'ала́, дъл'ако́, наб'ару́, т'апло́, абр'акла́, в'асно́ј, л'ьб'ада́, св'акро́фкъ, З'ьмл'аны́јь, ръспл'ату́т; д'ир'у́шку, пъс'ил'е́нјь, ид'и́м, п'ил'о́нкъф, цв'ит'о́т, с'ин'а́х, т'ил'а́т, д'ит'е́й, м'ид'в'е́д'и, д'ил'а́нк'и, с'имјá*[2].

Отступления отмечаются главным образом перед ударными гласными нижнего и среднего подъема, где появляется такое произношение, как *п'икла́, пъб'игла́, с'естро́й, с'естра́, тр'еско́ј, н'емно́шкъ*. Случаи употребления предударных [и] и [е] в этих позициях единичны.

Заметим, что вариант [е] в диалектах нередко сосуществует в предударной позиции с [и] и [а]. «В якающих говорах на месте предударного [а] после мягких согласных часто произносится [е] при сокращении долготы этого гласного. Звуки [а] и [е] в этой позиции, таким образом, вместе противопоставлены звуку [и], выступающему в других позициях» [Касаткин: эл. рес.]. Случаи произношения предударного [е] были зафиксированы и в некоторых якающих саратовских говорах [Баранникова 1967; Мурзаева 2015]. Так, Л. И. Баранникова, описывая систему предударного вокализма после мягкого согласного в исследуемых ею диалектах, отмечает такую особенность употребления [е], как произношение «чаще перед твердыми согласными» и «прежде всего там, где преобладает **а**» [Баранникова 1967: 152].

В позиции перед гласными верхнего подъема [ы] и [у] носители диалекта последовательно произносят только звук [а]: *шырс'т'аны́јь, л'иб'ады́, кл'авы́, п'ьт'ары́м, дъл'авы́јь, јазы́к, с'астры́, м'атку́, п'аску́, б'ьр'агу́, п'атру́шкъ, б'агу́т, абд'ару́т, т'ану́т', в'арну́лъ*. Т.е. в данной подсистеме умеренного яканья это ее звено не имеет вариантов.

Особо следует оговорить позицию перед твердым согласным перед ударным [и], в которой в речи носителей диалекта отмечается в основном вариант [и], что нарушает принцип этого вокализма: *р'имн'и́, п'икл'и́, л'игл'и́, п'иск'и́*. Однако наш говор не является исключением в ряду говоров с умеренным яканьем. По наблюдению исследователей, в этой позиции, где ударному гласному предшествует сочетание двух согласных (первый твердый и последующий мягкий), обычно произносят гласный [и]. Происхождение этой особенности, которую Р. И. Аванесов назвал «аномалией», не вполне ясно, и в лингвистике существуют разные точки зрения на это явление [Аванесов 1974; Филин 1962; Парикова 1961; Касаткин 1999].

[2] Анализ проводился на материале только знаменательных слов, произношение проклитик не учитывалось.

Тем не менее последовательности в произношении [и] в этой позиции в нашем говоре не наблюдается: в речи некоторых информантов наряду с вариантом [и], наиболее характерным для этой позиции, отмечаются также единичные случаи произношение гласного [а]: *п'аск'и́, н'асл'и́, в'азл'и́*.

В этой подсистеме умеренного яканья встречаются отступления и в положении перед мягкими согласными, но они выражены гораздо слабее, чем в позиции перед твердыми согласными. Речь идет о единичных случаях употребления звуков [е] и [а], которые появляются перед ударными гласными разного качества, но чаще всего перед [о]: *т'ал'е́гъ, ф с'ал'е́, гл'ад'е́т', к'ип'ат'и́т, в'аз'о́ш, кр'ас'т'и́т', съб'ер'о́т, в'ер'о́фкъ*.

Данная разновидность умеренного яканья, представленная в речи шести информантов, имеет следующий вид[3]:

ин-фор-ман-ты	гласный в 1-м предударном слоге											
	перед ТВЕРДЫМ согл.						перед МЯГКИМ согл.					
	а́	**о́** (ъ)	**о́** (ô)	и́	ы́	**у́**	**а́**	**о́** (ё)	**е́**	**е́** (ѣ)	и́	**у́**
1.	**а** *и 1*	**а**	**а**	**и**	**а**	**а**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**
2.	**а** *и 2*	**а**	**а** *е 1*	**и**	**а**	**а**	**и**	**и**	**и**	**и** *а 1*	**и**	**и**
3.	**а**	**а** *и 1*	**а** *и 1*	**и**	**а**	**а**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**
4.	**а**	**а** *е 2*	**а** *е 1*	**и** *а 2*	**а**	**а**	**и**	**и** *е 2*	**и**	**и**	**и**	**и**
5.	**а**	**а**	**а** *и 3*	**и** *а 2*	**а**	**а**	**и** *а 3*	**и** *а 2*	**и**	**и** *а 2*	**и**	**и**
6.	**а** *е 1* *и 1*	**а**	**а**	**и**	**а**	**а**	**и**	**и** *а 1* *е 3*	**и**	**и**	**и**	**и**

Вторая разновидность системы умеренного яканья в архаическом слое говора – яканье с незначительными отклонениями в сторону [и] или реже [е] перед твердыми согласными во всех позициях. Т.е. в этой подсистеме варианты [и] или [е] встречаются в положении перед всеми гласными, в том числе и перед гласными верхнего подъема – [ы] и [у]. Причем, отступления перед [ы] и [у] прослеживаются практически в речи всех информантов, что отличает эту подсистему от предыдущей. Из двух вариантов звучания – [и], [е] – в этой позиции звук [и] появляется чаще, чем [е]: *л'асу́, сн'агу́, пр'аду́, м'ату́т*, но *с'еку́ндъ, в'изу́т, пъгр'иму́шкъ, пл'иту́т, с'истры́, хр'исцы́*. Расширив сферу своего употребления, данные варианты, тем не менее, значительно уступают по числу случаев произно-

[3] Цифрами обозначено количество примеров с данным гласным.

шения основному варианту – звуку [а]. Исключение составляет позиция перед ударным [и], в которой устойчив гласный [и]. Однако и здесь отмечаются единичные случаи появления других вариантов – [а] или [е]: *зъпр'игл'и́, с'истр'и́цъ, атс'икл'и́с', зб'игл'и́*, но *б'егл'и́, п'екл'и́, в'азл'и́*.

Преобладание варианта [и] над [е] в речи диалектоносителей характерно и для позиции перед ударным [о]: *в'идро́, с'ило́, с'истро́ј, цв'ито́к, в'исно́ј, сл'ипо́ј*, но *св'екро́ф', т'епло́, др'емо́тъ*. В положении же перед ударным гласным нижнего подъема [а] отклонений в сторону появления [е] значительно больше в сравнении с другими позициями, кроме того, увеличивается и число случаев употребления гласного [и], т.е. рядом с обычными *в'аза́т', вз'ала́, д'ава́т', см'ата́нк'и* появляется такое произношение, как *в'иза́нку, с'истра́, прът'ика́јьт, в'ътр'ина́јъ, въјева́т', с'енца́, изд'ева́л'ис'*.

Отклонения наблюдаются и перед мягкими согласными: наряду с гласным [и] в этой позиции произносят также [е] и [а]: *н'ед'е́л'и, т'ел'а́ты, дв'ер'а́, атн'ес'о́ш, д'ер'е́вн'ь, с'ин'ак'и́*. Но и в этой подсистеме они единичны, и, по нашим наблюдениям, отмечаются перед ударными гласными разного качества. При этом вариант [е] преобладает над [а].

Как видим, эта разновидность умеренного яканья отличается большей вариативностью предударного гласного в положении перед твердыми согласными в сравнении с предыдущей подсистемой и более широким распространением вариантов [и] и [е] по позициям.

Данная подсистема умеренного яканья может быть представлена в следующем виде:

ин-фор-ман-ты	гласный в 1-м предударном слоге											
	перед ТВЕРДЫМ согл.						перед МЯГКИМ согл.					
	а́	**о́** (ъ)	**о́** (ô)	**и́**	**ы́**	**у́**	**а́**	**о́** (ё)	**е́**	**е́** (ѣ)	**и́**	**у́**
1.	**а** *и 1*	**а** *и 2*	**а** *и 1* *е 2*	**и** **е**	**а** *е 1*	**а** *и 1*	**и**	**и** *е 1*	**и** *е 1*	**и** *е 1*	**и**	**и**
2.	**а** *е 1* *и 2*	**а** *е 1*	**а** *и 1*	**и** *е 1*	**а** *и 1*	**а** *е 1*	**и** *а 2*	**и**	**и**	**и**	**и** *е 1*	**и**
3.	**а** *и 7* *е 3*	**а** *и 1*	**а** *и 2*	**и**	**а** *и 1*	**а** *и 1*	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**	**и**
4.	**а** *и 1* *е 4*	**а** *и 1*	**а** *и 1*	**и** *а 1*	**а** *и 1*	**а** *и 1*	**и** *е 2*	**и**	**и**	**и**	**и** *а 1* *е 1*	**и**
5.	**а** *и 7* *е 1*	**а** *и 3* *е 5*	**а** *е 1*	**и** *е 1*	**а** *и 2*	**а** *и 2*	**и**	**и**	**и**	**и**	**и** *е 1*	**и**

Таким образом, современное состояние безударного вокализма после мягких согласных в архаическом слое анализируемого говора демонстрирует незначительную непоследовательность в системе, начавшийся отход от умеренного яканья к иканью, который проявляется в расширении зоны употребления одного из его произносительных вариантов – звука [и] – и появлении этого варианта в позиции перед твердыми согласными. Динамика данного процесса у представителей исследуемой группы носителей диалекта различна, и этим обусловлено существование в системе вокализма двух подсистем умеренного яканья, которые, как я предполагаю, можно рассматривать как ступени перехода к иканью. Однако изменения в данной системе предударного вокализма пока не настолько интенсивны, чтобы вызвать коренную перестройку этой системы, и поэтому в ней весьма устойчиво сохраняется важнейший принцип умеренного яканья: зависимость предударной гласной от качества последующего согласного. Думается, что решающим фактором в этом случае является стабильность самой системы умеренного яканья, на которую указывают исследователи диалектов [Калнынь 1997].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. – М.: Просвещение, 1974. – 287 с.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов: СГУ, 1967. – 206 с.

Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись. Саратовский край. Исторический очерк. – Саратов, 1893. – Вып. 1.

Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. – 1997. – №3. – С. 115-124.

Касаткин Л. Л. К истории аканья – яканья в русском языке: [Электронный ресурс]. URL: http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh40/pdf/02-sh40.pdf.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. – 526 с.

Кириллова Т. В., Новикова Л. Н. Активные процессы в фонетике современных народных говоров. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1988. – 80 с.

Колесов В. В. Русская диалектология. – М.: Высшая школа, 1990. – 208 с.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. – М.: Наука, 1983. – 112 с.

Мурзаева Т. И. Современные процессы в говорах Саратовской области // Язык в пространстве речевых культур. – М. – Саратов: ИД «Наука образования», 2015. – С. 72-78.

Парикова Н. Б. Умеренное яканье в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. – Новая серия. – Вып. II. – М., 1961. – С. 15-39.

Парикова Н. Б. Происхождение и состояние умеренного яканья в тульской группе южновеликорусских говоров к середине XX века. – Тула: Тульский полиграфист, 2008. – 201 с.

Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. – 320 с.

Свешникова Н. В. Особенности морфологической системы одного из среднерусских говоров (на материале с. Земляные Хутора Саратовской области) / Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии. – Волгоград: Изд-во «Перемена», 2012. – С. 94-97.

Свешникова Н. В. Категория рода существительных в среднерусском говоре (на материале Саратовского диалектного корпуса) // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. Сборник научных трудов. – Вып. 6. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – С. 43-48.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. – М. – Л.: Издание АН СССР, 1962. – 296 с.

Т. А. Сироткина
Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут)

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Обязательным фрагментом языковой картины мира любого народа является ономастический, в котором представлено восприятие имен носителями языка. Наш научный интерес в свое время был связан с функционированием антропонимов и образований от них в лексической системе одного говора [Сироткина 1999]. В настоящей статье хочется обратить внимание на то, что функционирование онимов в речи носителей говоров чаще всего связано с категорией оценки. Рассмотрим, функционирование каких онимических единиц и образований от них в речи носителей пермских говоров ярче всего репрезентирует различные оценочные параметры.

1. ***Личное имя***. При оценке употребления данного типа онимов окружающими чаще всего используется шкала «правильно – неправильно»: *Сюня жила тут староверка, Васса правильно-то, не ходила на поминки, на похороны, не признавала субботы родительски* [Словарь, Вып.3: 213].

2. Оценка характера человека заложена в традиции именования мужа по имени жены. ***Отыменные прозвища*** такого рода, по нашим наблюдениям, являются достаточно распространенным явлением в пермских говорах. Отражена в словаре и традиция именования мужа по имени жены (*Танин, Раин*): *Есть мужик, тихой, дак зовут Раин – Рая жена-та у его, бойкая она»*; *«Мишка Танин, по бабе зовут, несамостоятельный дак* [Словарь, Вып.3: 217].

3. ***Устойчивые сравнения, образованные от антропонимов*** (*как Фотя* – ‘о неряшливой’; *как тетя Мотя* – ‘о неаккуратной, непривлекательной’; *такой, как Ванька за рекой* – ‘о невзрачном’), не только содержат оценку человека – носителя прозвища, но и отражают отношение носителей говоров к тому или иному личному имени: *Ходит как Фотя – смотреть противно даже* [Словарь, Вып.3: 296]; *Палаша-то шибко неаккуратна была: как тетя Мотя ходила* [Словарь, Вып.3: 225]; *Никаких разговоров я не слушала на себя плохих. Ну слушала только, что девка хорошая, но вот ростом только. А тут вышел вот такой, как Ванька за рекой* [Словарь, Вып.3: 216].

4. Положительную или отрицательную оценку личности и поведения человека содержат многочисленные ***индивидуальные прозвища***, имеющие антропоним в основе (*Ванька Пряник* – ‘о смешливом, всегда улыбающемся’, *Ваня гульной* – ‘о неверном, распутном’, *Ваня задний* – ‘об отстающем, медлительном’, *как Васюха* – ‘о простушке’, *постная Матрена* – ‘о вышедшей замуж в пост’, *как Сашка Баруздиха* – ‘о бестолковом’): *Настоящишый Ванька Пряник – все время лыбится* [Словарь, Вып.1: 97]; *Вот и мой Ваня гульной домой катит, чтоб ему худо стало* [Словарь, Вып.1: 97]; *Вот Ваня-то задний! Как ни гляну на тебя – все время сзади плетешься* [Словарь, Вып.1: 97]; *Мы че, во всем деревенском, сидим в поезде как две Васюхи* [Словарь, Вып.1: 99]; *В пост свадьбы не ладили, а кто выйдет, дак построй Матреной звали* [Словарь, Вып.2: 65]; *Че ты как Сашка Баруздиха, ниче не понимашь!* [Словарь, Вып.3: 72].

5. Немаловажным компонентом целостного образа человека в языковой картине мира является речевой. Те языковые черты, которые не вписываются в привычные рамки, оцениваются носителями говоров отрицательно, в результате чего возникают многочисленные ***коллективные прозвища*** (*курашма* – ‘о коренных жителях села Курашим Пермского района, в речи которых заметны местные диалектные особенности’; *щебаки* – ‘прозвище «щекающих» жителей д. Емаш-Павлово Чернушинского района’): *Как услышит, что мы так говорим, так сразу и скажет: «Ну, курашма»* [Словарь, Вып.1: 447]; *Вот про емашинских говорили: «Щё пощём? – Да по копеещке». Вот их и звали щебаками»* [Словарь, Вып.3: 414].

6. На основе дихотомии «свой – чужой», присутствующей в языковой картине мира любого народа, возникает оценка человека с точки зрения его этнической принадлежности. Многие ***этнонимы***, функционирую-

щие в говорах, образуют устойчивые сочетания, основанные на этнических стереотипах и ассоциациях. Они заключают в себе как отрицательную или положительную оценку человека (*как чувашка* – о неопрятной женщине, *слепая черемиса* – ‘о подслеповатом человеке’, *как турки* – ‘о постоянно занятых работой’, *татарка* – ‘о непослушной’), так и толерантное, дружеское отношение к представителям соседних народов (*чуваши – люди наши*): *До чего мы с тобой дожили, как чувашки бестолковые, грязь везде* [Словарь, Вып.3: 367]; *У, слепая черемиса! У тебя под носом лежит сумка-та* [Словарь, Вып.3: 346]; *Жили как турки в колхозе-то – день и ночь в работе* [Словарь, Вып.3: 252]; *Ах ты, кошечка! Вот мошенница! Вот татарка! Будь ты слепня! Опять кринку уронила* [Словарь, Вып.3: 219]; *Чуваши – люди наши, мы с ими гостимся* [Словарь, Вып.3: 367].

7. Традиционно исповедуя христианство, русские жителя Прикамья с особым трепетом относятся ко всему, что относится к Богу. Поэтому ***агионимы***, функционирующие в текстах живой речи, имеют только положительную коннотацию: *Я всем желаю добра, вот Господь, может, меня за это и любит, пасет*; *Вот слышит он – ходит по избе-ко, стукается-стукается, шабаркается-шабаркается, ходит, а попасть-то не может домой-ту. А двери все огражденные. Потом как хряснет на крыльцо-то двери. Они утром посмотрели, дак на дверях-то как конье копыто выдавленное осталось. Вот это враг. И больше с тех пор, Господь отнес, и больше не бывал* [Словарь, Вып.1: 197]. Не случайной в этом смысле является и форма *Господько*, отмеченная в говорах: *У нас, у православных, самая сила – это крест. «Господько, благослови», – и все, и никто тебе не покажется* [Словарь, Вып.1: 197].

8. Региональный ***топонимикон*** при всем своем богатстве и разнообразии отражается в словаре лишь в том объеме, который представлен бытующими в говорах фразеологизмами. Оценке подвергается обычно рациональность выбранного пути (*через Кунгур да в Осу* – ‘о сделанном по пути крюке’): *Чё-то ты шибко долго ездил, видно, через Кунгур да в Осу* [Словарь, Вып.1: 445]. Прецедентный топоним *Москва* используется как в сочетаниях, имеющих положительную коннотацию (*доехать до Москвы* – ‘родить мальчика’), так и в паремиях, имеющих иронический оттенок (*в Москве в три лаптя звонят* – ‘о чьей-либо мнимой известности’): *Парня родишь – до Москвы доедешь, а девка – это чужой товар* [Словарь, Вып.1: 237]; *Видно, Оля, про тебя в Москве в три лаптя звонят – все уж тебя знают* [Словарь, Вып.1: 327].

9. В число традиционных ценностей народной культуры, безусловно, входят национальные обряды, связанные с определенными датами народного календаря. Все они отражаются в ***хрононимии*** (*Алексей зажигательник* (*Алексеевская*), *Ванька грязный*, *Тимофей-весновей*, *Герасим Грачевник*, *Дарья грязная*, *Евдокия*, *Егорей*, *Елена*, *Ерема* (*Еремей*), *Иван Наперстник*): *Признавали Алексеевску в которых местах, весной* [Словарь,

Вып.1: 28]; *Ванька грязный осенью, в сентябре будет* [Словарь, Вып.1: 97]; *В марте в начале Тимофей-весновей живет*; *стары-те люди говорят – медведь из берлоги вылезат об эту пору, на Русь сорок пичуг прилетает* [Словарь, Вып.1: 111]; *На Герасима Грачевника в марте стряпали. Как грачи прилетят, они ведь по-разному прилетают в разные срока. Печенья всякого напечешь, всякими формами. И сами ели, и грачам кидали, чтобы урожай был хороший, в поле бегали* [Словарь, Вып.1: 176]; *Дарьи справляли именины первого апреля, в Дарью грязную. Вода в проруби грязная дак* [Словарь, Вып.1: 214]; *Евдокия – маленькие лужи, весна начинается. Говорят, Евдокия голубка напоит если, то Алексей быка напоит* [Словарь, Вып.1: 262]; *В Егорей которые бедные, дак обязательно ходили побираться в соседние деревни* [Словарь, Вып.1: 262]; *К Елене отсевались, самогонку варили, песни старинные пели* [Словарь, Вып.1: 265]; *На Каму переехали – собрание делали по домам. У нас дома собрание было, какие праздники престольные делать. Мужики решили, а у бабушки спрашивали у моей, какой праздник больше. Ерему сделали весной, а осенью – Михайлов день* [Словарь, Вып.1: 266]; *Говаривали – на Еремея ленивая соха выезжает пахать* [Словарь, Вып.1: 267]; *В Ивана Наперстника робить нельзя, пальцы будут болеть, надо по травы ходить* [Словарь, Вып.1: 339].

10. Отношение человека к ***болезням*** (*ивашка*, *кондрашка*)**, *нечистой силе*** (*Леонтий Леонтьевич* – ‘леший’) и некоторым другим явлениям отражено в традиции номинации их личным именем человека. Только в этом случае, по мнению представителей традиционной культуры, существует шанс справиться с ними: *Ивашка посаженой был у Фаи. Она придет и скажет: «Опять ведь ивашка меня теребит»* [Словарь, Вып.1: 339]; *Вчера тени своей испугалася – аж кондрашка пробила* [Словарь, Вып.1: 405]; *– Тетя Мария, да как мы его найдем? – Я счас вас научу: табачку возьмите, папиросок, сходите в лес, пенек найдете, ложите на пенек и там скажете: «Леонтий Леонтьевич, угостись вот табачком, приведи нам такого-то»* [Словарь, Вып.2: 18].

Таким образом, имена собственные и образования от них, функционирующие в речи жителей Южного Прикамья, ярко репрезентируют такие ценности народной культуры, как этика поведения, традиционные обряды и праздники, отношение к болезням и нечистой силе. Исследованный материал еще раз показывает, что функционально-семантический аспект исследования онимов является актуальным не только в плане выявления различных нарицательных значений ономастических единиц, но и в плане описания регионального фрагмента ономастической картины мира этноса.

ЛИТЕРАТУРА

Сироткина Т. А. Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Пермь, 1999. – 16 с.

Словарь русских говоров Южного Прикамья / Под ред. И. А. Подюкова. – Вып. 1. – Пермь: ПГГПУ, 2010. – 456 с.

Словарь русских говоров Южного Прикамья / Под ред. И. А. Подюкова. – Вып. 2. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – 502 с.

Словарь русских говоров Южного Прикамья / Под ред. И. А. Подюкова. – Вып. 3. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – 502 с.

Е. В. Терентьева
Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДОНСКИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Несмотря на большой интерес ученых к проблеме русской речевой культуры [Гольдин, Сиротинина 1993], в том числе и к ее нелитературным формам, все же следует признать, что в наименьшей степени исследована речевая культура местных говоров [Иванцова 2013]. Вместе с тем ее изучение дает широкие возможности для установления системы качеств диалектной речи, а также уровня коммуникативного потенциала диалектоносителей.

Говоры Волгоградской области с этой точки зрения почти не анализировались, поскольку их планомерное изучение как вторичных началось только со второй половины XX века. Большой вклад в эту работу внесла профессор Л. И. Баранникова. Во многом благодаря «ее трудам и исследованиям возглавляемого ею научного коллектива была определена особая природа диалектной речи так называемых «территорий позднего заселения», установлены специфические закономерности ее развития, а говоры Среднего и Нижнего Поволжья стали наиболее изученными из диалектных единиц этого типа» [Гольдин, Крючкова 2006: 27].

На территории Волгоградской области представлены все описанные Л. И. Баранниковой типы переселенческих говоров [Баранникова 1975: 22]. Сегодня отмечается бытование ранних переселенческих говоров (донских казачьих), южнорусских в своей основе, сформировавшихся в XVI–XVII вв., занимающих западную часть современной Волгоградской области; собственно переселенческих (волжских) говоров, неоднородных вследствие пестроты заселения в период XVIII–XIX вв. и расположенных в цен-

тральной и восточной части области; поздних переселенческих говоров, сформировавшихся в конце XIX – начале XX вв. в период достаточно интенсивного распада традиционных диалектов и утраты ими специфических черт и распространенных в крайних восточных (заволжских) районах Волгоградской области [Кузнецова 2011].

Среди переселенческих говоров Волгоградской области наиболее полно исследованы ранние переселенческие донские говоры. Они описаны учеными как говоры изолированного типа, сохраняющие свои основные черты несмотря на постоянное взаимодействие с русским литературным языком и другими языками, бытующими на территории области [Кудряшова 1997] и выделены как особое территориальное диалектное объединение [Касаткин 2000: 582-590].

Носители ранних переселенческих говоров за прошедшие столетия сформировали свой уклад, традиции, сохранили своеобразие народной речевой культуры, которая должна стать предметом научного описания.

Обратимся к рассмотрению некоторых проявлений развитой речевой способности информантов. Объектом наблюдения стала речь носителей донских (медведицких) говоров Волгоградской области. Все они – уроженцы Клетского района (территории, исторически относящейся к бывшему Усть-Медведицкому округу) – в течение жизни не уезжали из родных мест или уезжали на непродолжительный срок, являются носителями народной казачьей культуры, знают традиционный быт, помнят и исполняют казачьи песни, демонстрируют в своей речи диалектные черты в фонетике, лексике, морфологии.

Охарактеризуем более подробно некоторых из информантов. Гладченко Зинаида Трофимовна родилась в 1931 г. на х. Перекопка, в станице Клетской живет с 1953 г., образование – Учительский институт (2 года), 1 год работала в школе. Трудилась бухгалтером, бухгалтером-калькулятором, кладовщиком, товароведом, заведующей столовой. В настоящее время – пенсионерка, участница ансамбля старинной казачьей песни «Карагод», владеет искусством традиционного полифонического многоголосия, знаток свадебного казачьего обряда, профессиональная сваха, гостеприимная хозяйка, активный участник культурной жизни сельского поселения. Зинаида Трофимовна – самобытная личность, щедрой души человек, ее речь отличается богатством словаря, народным колоритом, представленностью диалектных черт в фонетике, морфологии.

Ефремова Евлампия Федоровна родилась в 1923 г. на х. Цымловский, в станице Клетской живет с 1968 г., образование – 4 класса, работала продавцом, санитаркой в роддоме, в настоящее время пенсионерка. Е. Ф. Ефремова – участница ансамбля старинной казачьей песни «Карагод», помнит много казачьих песен, владеет уникальной манерой хорового исполнения, является участником конкурсов и фестивалей казачьей песни, прекрасная рассказчица. В рассказах передает тяжелую жизнь своего по-

коления, историю своей семьи, пережившей во время Великой Отечественной войны ужасы ожесточенных боев на Клетском плацдарме, период оккупации. Евлампия Федоровна хранит рецепты традиционных блюд, секреты выпечки хлеба на опаре из хмеля; она радушная хозяйка, жизнерадостный человек. Речь Е. Ф. Ефремовой сохраняет диалектные черты, изобилует уменьшительно-ласкательными формами, повторами.

Текутова Александра Михайловна родилась в 1924 г. в станице Клетской, образование высшее, долгое время работала в военкомате, исполкоме Клетского сельского поселения, в настоящее время – пенсионерка. В речи Александры Михайловны отмечаются случаи стирания диалектных черт. Фактором, способствующим этому процессу, очевидно, является сфера профессиональной деятельности информанта. Речь Александры Михайловны можно определить как литературно ориентированный вариант диалекта либо как диалектно окрашенный вариант литературного языка, сохраняющий наиболее яркие особенности местной фонетики: фрикативный [γ]; ассимилятивно-диссимилятивный тип яканья, мягкий [т’] в окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа [Терентьева 2012: 141-142].

В речи носителей донских медведицких говоров можно выделить основные черты развитой народной речевой культуры. В их числе – разнообразие и выразительность речи, которые создаются за счет диалектной синонимии (*избузовали, изватлали; балабонить, белебенить*), синонимичных параллелей диалектных и литературных слов (*жалкий, милый; хорошились, наряжались*; *поголодили, поморили; погостить, угостить*), диалектных экспрессивов, созданных по общерусским словообразовательным моделям (*мухва, тыклёнок/тыклята*); коннотативной лексики преимущественно с уменьшительно-ласкательной оценкой (*яичка, карытка, ведрушка, окошка, хуторишка, хмялинка*).

Особо следует отметить наличие в речи информантов метаязыковых комментариев, прежде всего, – динамического типа, отражающих временную характеристику употребления слова или его территориальное распространение, например: «*Барак – это по-нашему овраг. Раньше все так говорили, теперь – нет*» (из речи Гладченко З. Т.); «*Смятана – это пенки запеченные, у нас так говорят, каймак мы не говорим*»[1] (Из речи Ефремовой Е. Ф.).

Достаточно высокий уровень коммуникативных навыков носителей диалектов обнаруживается в их умении создавать развернутый текст, с хорошо просматриваемым композиционным замыслом. Все информанты в своих беседах с автором рассказывали о событиях Великой Отечественной войны. Как правило, рассказ начинался описанием первого появления немецких войск или сообщением об их приближении: *В июле это было.*

[1] Примеры даны в орфографической записи с отражением некоторых произносительных особенностей.

Дед крыл крышу, вдруг – бомбы (Из воспоминаний Гладченко З. Т.); *Тетка прибяжала к нам и шумит: немцы в соседнем хуторе* (Из воспоминаний Ефремовой Е. Ф.). Далее следовал подробный рассказ о скорых сборах и тяжелой дороге из хутора в хутор к родственникам, повествование об эпизодах жизни в оккупации. В заключительной части рассказа сообщалось о времени возвращения в родной хутор.

Необходимо отметить способность рассказчиков отвлечься от конкретной ситуации, представить ее обобщенно, охарактеризовать военные годы как тяжелые испытания, выпавшие на долю их современников, дать эмоциональный и рациональный комментарий событиям: «*Так чижало было, так чижало, скольки людей погибло, страх. Да на что ж это нужнó! Война – большая бяда, так-то! Не дай Бог!*» (Из рассказа Ефремовой Е. Ф.). При этом информанты обращали внимание на факты гуманного отношения к гражданскому населению как советских, так и немецких солдат, подчеркивая, что и на войне люди могли оставаться людьми: «*Наши <солдаты> дялились всем, и немцы иногда … мы на огородах замерзшие тыклята собирали, они нас не трогали. У них-то тоже дитёнки*» (Из рассказа Ефремовой Е. Ф.).

Таким образом, отмеченные качества диалектной речи и коммуникативные способности информантов позволяют, на наш взгляд, говорить о проявлении высокого уровня народной речевой культуры современных носителей донских говоров Волгоградской области.

ЛИТЕРАТУРА

Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – №2. – С. 22-31.

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 95. – С. 9-19.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Теория, история языка и прикладная лингвистика на факультете филологии и журналистики: прошлое и настоящее // Известия Саратовского университета. – 2006. – Т. 6. – Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1/2. – С. 26-32.

Иванцова Е. В. Вариативность текста как проявление речевой культуры диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – 376 с. – С. 14-19.

Касаткин Л. Л. Донские казачьи говоры // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. – М., 2000. – С. 582-590.

Кудряшова Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. – Волгоград: Перемена, 1997. – 124 с.

Кузнецова Е. В. Проблемы и перспективы изучения лингвогеографического ландшафта региона (на примере Волгоградской области) // Гуманитарный вектор. – 2011. – №4 (28). – С. 96-101.

Терентьева Е. В. Речевой портрет современного носителя донских медведицких говоров // Вестник ВолГУ. – Сер. 2, Языкознание. – 2012. – №2 (16). – С. 140-145.

Т. В. Фролова
Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)

СТЕРЕОТИПНЫЕ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СУЩЕСТВОВАНИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Особое место в структуре коммуникации принадлежит стереотипным ситуациям общения, которым соответствует жанр стереотипа. Подобные ситуации регулярно возникают в процессе повседневного языкового взаимодействия и характерны, как правило, для общения незнакомых людей. С одной стороны, они носят официальный характер, а с другой – обнаруживают влияние фактора неподготовленности и отсутствия субординации.

Традиционно данная проблема рассматривается на городском материале, нами же предпринята попытка исследовать ее на материале речи сельских жителей.

Среди ситуаций-стереотипов выделяются такие, например, как общение в транспорте, в магазине, на улице и т.п. Подобные ситуации М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой делятся на два типа: 1) почти не допускающие отклонений от стереотипных моделей общения («Транспорт», «Сберкасса» и т. п.) и 2) характеризующиеся возрастанием роли индивидуального, личностного начала («Рынок», «Очередь»). В стереотипных ситуациях первого типа обычно действует установка на максимально отстраненное, обезличенное общение, а жанры микродиалогов представляют собой тексты максимально стандартизированные, клишированные, не несущие на себе печать речевой индивидуальности говорящего [Китайгородская, Розанова 2010: 40-61].

Кроме того, многие исследователи отмечают, что общение в стереотипных ситуациях может приобретать более персонифицированный характер в тех случаях, когда позволяют условия коммуникации, например, в «статичных» ситуациях вынужденного ожидания на остановке, в очереди, во время поездки в транспорте и т.п., а также особенности характера коммуникантов. По словам Е. В. Красильниковой, «горожанин устаёт

от безличности и автоматизма контактов, в случаях, когда темп коммуникации не страдает, ищет формы личностного контакта… это и создаёт человеческую атмосферу города, ощущение вежливости, доброжелательности, сердечности или противоположных качеств» [Красильникова 1988: 14]. При этом, в отличие от домашней коммуникации, фатические разговоры в ситуациях городского взаимодействия редко затрагивают темы, относящиеся к личной сфере собеседников, а речевое поведение коммуникантов остаётся этикетно выдержанным. Московские исследователи М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова выделяют следующие тематические доминанты, не совпадающие с темами фатических бесед между знакомыми людьми: погода, работа городского транспорта, актуальные события городской жизни, актуальные политические события, городские сплетни [Китайгородская, Розанова 2010: 183].

Мы проанализировали языковое существование жителей ряда сел и поселков Приморского края в стереотипных ситуациях «Магазин», «Почта», «Транспорт», «Очередь», «Рынок» и сравнили наши наблюдения с результатами исследований городских ситуаций-стереотипов.

В ходе исследования мы обратили внимание на то, что реалии сельского уклада жизни формируют особую коммуникативную среду. Прежде всего, фактор личностного знакомства, часто близкого, оказывает влияние на все стереотипные ситуации общения. О подобном влиянии исследователи Т. Е. Помыкалова, Т. Я. Шишкина, Л. А. Шкатова пишут следующее: «Студенты, участвующие в диалектологических экспедициях, не могут привыкнуть к тому, что незнакомые люди на селе с ними не только здороваются, но и вступают в беседу: «А вы к кому?», «А вы ей кто?»… Для горожан такие расспросы чужого человека – неприличное любопытство» [Помыкалова, Шишкина, Шкатова 1988: 26]. По нашим наблюдениям, даже в ситуациях максимально официальных, а потому требующих отчуждения от личной сферы партнёра коммуникации и клишированных, собеседники сокращают дистанцию, что проявляется в использовании «ты»-обращений и обращений по имени, в тематике разговоров. В отличие от городских стереотипных ситуаций общения, в круг обсуждаемых часто входят темы, затрагивающие личную сферу жизни селян. Более того, поздороваться, спросить что-то личное считается необходимым, вежливым. Если человек не задаёт таких вопросов и сам сухо отвечает на них, то про него говорят, что он «*гордый стал*», «*нос задрал*» и т.п.

Исследователи городского общения подчёркивают важность учёта симметричности-несимметричности ролевых отношений говорящих в стереотипных ситуациях, однако личное знакомство практически унифицирует подобное разделение в стереотипных ситуациях сельского общения.

Проиллюстрируем представленные наблюдения конкретными примерами.

Ситуация «Магазин»

Покупатель: *Здравствуйте//*

Продавец: *Здравствуйте//*

Покупатель: *Нам пожалуста дайте ручку/ дешевенькую/ бабушке писать синей пастой//*

Продавец: *Угу// Вот за семь рублей//*

Покупатель: *Оль это ты/ да?*

Продавец: *Да//*

Покупатель: *А чё я тебя не узнала?*

Продавец: *Да? А чё я изменилась так?*

Покупатель: *Да не знаю//*

Продавец: *Вот смотрите/ какая хорошая…*

Покупатель: *Постоянно тут будешь?*

Продавец: *Нет/ Таня в отпуск//*

Покупатель: *Ага// Сколько она стоит?*

Продавец: *Семь рублей//*

Покупатель: *Ой! Ну давай две тада// Только вторую тоже проверь//*

Продавец: *Угу//*

Покупатель: *А здесь хорошо/ спокойненько/ да?*

Продавец: *Ну вот уже диски пересмотрела/ без клиентов сидеть//*

Покупатель: *Ой! Я б от такой работы тоже бы не отказалась//*

Продавец: *Я наоборот не могу/ чё-то не могу// Тем более нет обеда//*

Покупатель: *А сидеть не хочешь/ да?*

Продавец: *Да получается и тут ничё// Ну/ щас ещё дорабатываю ещё/ ещё две смены//*

Можно заметить, что нейтрально-доброжелательная тональность общения («*здравствуйте*»; «*нам пожалуйста дайте ручку дешёвенькую*») меняется, когда покупатель и продавец узнают друг друга: «*Оль, это ты, да?*», «*А чё я тебя не узнала*»?

Непосредственно с ситуацией купли-продажи связаны только несколько реплик, которые соотносятся с традиционными микроситуациями, выделяемыми М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой:

Начало покупки:

Покупатель: *Здравствуйте//*

Продавец: *Здравствуйте//*

Покупка:

Покупатель: *Нам пожалуйста дайте ручку/ дешевенькую/ бабушке писать синей пастой//*

Продавец: *Угу// Вот за семь рублей…*

Продавец: *Вот смотрите/ какая хорошая…*

Расчёт:

Покупатель: *Ага// Сколько она стоит?*

Продавец: *Семь рублей//*

Покупатель: *Ой! Ну давай две тада// только вторую тоже проверь//*

Остальной разговор затрагивает сферу личного общения: продавец и покупатель переходят на «ты», покупатель спрашивает продавца о причинах работы в данном магазине, при этом покупатель знает об основном месте работы продавца, несмотря на то, что они какое-то время не виделись. Кроме того, покупатель знает, кто обычно работает в этом магазине и, возможно, поэтому не сразу узнаёт нового продавца.

Ситуация «Почта»

Данная ситуация возникает в условиях коммуникативного взаимодействия работника сельской почты и клиента, является официальной и предполагает продуцирование максимально клишированного текста на ограниченную тему. Однако в нашем материале присутствует достаточно большое количество примеров, когда фактор официальности унифицируется под действием фактора личного знакомства коммуникантов. Следствием этого является, во-первых, неформальное обращение на «ты», а также по имени не только к клиентам, но и к работникам почты. Например, клиент обращается с личной просьбой к сотруднику почты: проверить, почему ему ещё не пришёл журнал «Зимняя вишня»: «*Юль/ ты не забудешь про «Зимнюю вишню»? Вот в конце июня нам приходит/ и не было».*

В другом случае клиент выражает неудовольствие в ответ на стандартную фразу сотрудника почты.

Работник почты: *Я ещё двух человек обслуживаю и кассу закрываю!*

Клиент: *Таня ну ты как в восьмидесятые!*

В условиях городской коммуникации города обращение на «ты» и по имени в подобной ситуации считается грубым вторжением в личную сферу собеседника, нарушает границу «своё-чужое», однако в условиях сельской коммуникации такое обращение считается приемлемым.

Часто в диалогах затрагиваются темы, которые относятся к сфере личной жизни говорящих, например:

Работник почты: *Здравствуйте//*

Клиент: *Здравствуйте//*

Работник почты: *Чё замуж не выходишь?*

Клиент: *Я?*

Ситуация «Транспорт»

Как правило, в сельских населённых пунктах внутренняя регулярная маршрутная транспортная система не организована, поэтому мы обратили внимание на коммуникативное взаимодействие сельских жителей в ситуациях междугороднего сообщения, то есть за пределы района. В ситуациях подобного типа мы также наблюдаем влияние личного знакомства жителей одного села на коммуникацию. Например, рассмотрим диалог в ситуации «Посадка». Анализируя данную микроситуацию, исследователи М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова отмечают, что в ней реализуется жанр информативного диалога на темы: время отправления, уточнение

маршрута, наличие свободных мест [Китайгородская, Розанова 2010: 282]. Однако в сельской среде во время посадки в автобус возникает диалог на специфическую тему «Передача»: когда говорящий просит водителя или пассажира что-то передать в населённый пункт назначения. Например, следующий диалог между пассажиром и подошедшим к нему мужчиной возник во время посадки в автобус.

Мужчина: *Ты до Преображения едешь? А Марка знаешь?*

Молодой человек: *Кого? Марка? Знаю//*

Мужчина: *Передай ему/ пожалуйста//*

(протягивает конверт)

Молодой человек: *Запишите мой номер/ я на рынке остановлюсь//*

В данном примере в ситуации общения незнакомых людей осуществляется «неформальное» обращение на «ты». Кроме того, следует отметить, что вопрос «*Ты Марка знаешь?*» в данной ситуации не кажется адресату неуместным, так как для него фактор личного знакомства или знакомства «понаслышке», «через кого-то» почти со всеми жителями села является привычным условием существования. Действительно, оказавшиеся в одном транспорте люди могут быть знакомы лично или «через кого-то»:

Молодой человек: *А вы девушка/ до Сергеевки едете/ да?*

Женщина: *Да/ а чё тебе?*

Молодой человек: *А я до Лазо// А вы Дударевых знаете?*

Женщина: *Знаю//*

Молодой человек: *Вот это родственники мои по матери/ тётя Люда сестра мамина//*

Женщина: *А/ так ты Терёшин что ли?*

Молодой человек: *Ну/ Паша/ да//*

Женщина: *Так ты чё хотел?*

Молодой человек: *Да ничё/ просто смотрю лицо знакомое/ это я ваш…/ эээ…//*

Женщина: *Ой не знаю/ это ж Игорь Дударев брат мой/ а мать твоя мне значит золовка…/ нет…/ своячница/ своячница она мне// Ну как там твои? В Сергеевку ездите?*

Молодой человек: *Да потихоньку/ ездим…// Да чё там делать?*

В данной ситуации молодой человек оказывается в одном автобусе и узнаёт свою дальнюю родственницу, с которой они живут в разных населённых пунктах и, скорее всего, давно не виделись. После этого собеседники начинают выяснять свои родственные отношения.

В силу длительности поездки долгое нахождение в одной компании особенно располагает к фатической беседе. При этом, как уже говорилось, в стереотипных ситуациях общения в городской среде собеседники избегают тем, касающихся сферы личной жизни. В сельской же среде, напротив, личные темы перемежаются в разговоре с другими темами. В качестве

примера приведём фрагмент диалога между женщинами-пассажирами и водителем, которые обсуждают политическую ситуацию на Украине.

Мужчина: *Не/ которые путёвые/ они работу нашли/ всё/ и работают и/ жительство получают// А это…*

Женщина 2: *Которые раздолбаи!*

Мужчина: *…как дом отдыхе!*

Женщина 2: *Да//*

Женщина 4: *Афигеть//*

Женщина 3: *Ой Господи!*

Женщина 4: *У меня брат троюродный тоже/ с Данецка уехал и это/ ну созваниваемся с ним// А их на Сахалин отправили// И он звóнит мне говорит/ «Катя» говорит/ «тут» грит/ «вобще» говорит/ «за копейки работают ещё по суткам»// Я говорю/ «Гена» говорю/ «а как ты хотел» говорю «на Севере»/ «а на Севере так» грю «и мантулят» говорю «за копейки!/ и на двух на трёх работах бабы работают!»// «Да? Ну…»// Я грю «чё ты думал тее золотые горы пообещают»//*

Мужчина: *Ага//*

Молодая женщина: *«Ну вот…»// А он короче всю жизнь ментом проработал/ как это так/ надо же на машине работа там (неразборчиво) грузовую эту// И вот тоже переживает/ вот у жены бугалтерский этот/ стаж прер… прервётся/ идти некуда да если тебе некуда идти ты подёшь и бычки собирать/ подметать/ подёшь улицы если у тебя денег нету//*

Мужчина: *Правильно//*

В представленном фрагменте фатическое общение переключается с темы 1 «Политическая ситуация» на тему 2 «Личная жизнь». На наш взгляд, подобное переключение тем с личной сферы на сферу общественной жизни и наоборот характерно для ситуации «На лавочке возле дома», которая возникает как в городской среде, так и в сельской и связана с фактором личного знакомства коммуникантов.

Ситуация «Очередь»

Находясь в очереди, сельский житель вынужден здороваться и вступать в диалог практически со всеми, кто находится в этой очереди. В данном случае возможность оказаться знакомым с кем-либо из находящихся в той же локации людей, ещё выше, чем в ситуации «Транспорт». При этом в круг участников обсуждения обычно включено достаточно большое количество лиц. Анализ языкового существования сельских жителей в стереотипных ситуациях общения предполагает обращение к микродиалогам, возникшим между незнакомыми людьми, однако в очереди особенно заметно, что практически все сельские жители в той или иной степени близости знакомы друг с другом. Мы рассматриваем случаи, когда собеседники не являются близкими знакомыми или друзьями. Среди тем общения

в стереотипной ситуации «Очередь» выделяются универсальные и специфичные. Среди универсальных можно выделить темы «Погода», «Политика», «Работа», «Личная жизнь», «Хозяйство». Такие темы как «Режим работы заведения», «Порядок и способ заполнения документов» выделяются в диалогах на почте и в банке. Для женщин наряду с универсальными характерны разговоры на тему «Рецепты», а для мужчин на тему «Рыбалка». Кроме того, в тематике фатической беседы проявляются и возрастные различия. Для старшего поколения свойственно частое переключение на тему «Болезни». Например, фрагмент диалога пожилых мужчин:

Мужчина 1: *Да у него это самое/ артрит/ так он уже зимой не ходит//*

Мужчина 2: *Да что артрит/ вот опухоль в глазу/ это я когда в больнице лежал/ та это/ у мужика одного//*

Жители младшего поколения часто уезжает из родного посёлка учиться или работать и время от времени приезжают навестить родных и близких. Встречаясь с ровесниками, которые постоянно живут в родном селе или также приехали погостить, они часто говорят на универсальные темы. Например, диалог молодых мужчины и женщины на темы «Погода»:

Женщина: *О! Привет! Как дела?*

Мужчина: *О/ привет// Да/ вот/ работаем потихоньку// (разводит руками, объясняя свой неопрятный внешний вид физическим трудом) Как там Владивосток? Стоит?*

Женищина: *Да стоит/ только холодно//*

Мужчина: *Да я уезжал вчера/ нормально было//*

Женщина: *Ну/ вчера только//*

Продавец: *С вас 185 рублей//*

Мужчина: *Ещё пачку Винстона синего//*

Ситуация «Рынок»

По данным московских исследователей М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, эта стереотипная ситуация предполагает широкое проявление личностного начала. Исследователями отмечается, что она допускает иные, более раскованные модели поведения, так как именно при общении на рынке ярко проявляется установка собеседников на шутку, игру, особенно в момент «переговоров» о цене товара [Китайгородская, Розанова 2010: 362-380]. По нашим наблюдениям такое явление, как продуктовый рынок, сохранилось не во всех посёлках. Кроме того, сама ситуация купли-продажи на рынке далеко не всегда предполагает торг, часто цена за товар является фиксированной, как в магазине. На сельском рынке коммуниканты часто знакомы друг с другом. Например, следующая запись диалога была сделана на вещевом рынке:

Посетитель: *Юль/ привет//*

Продавец: *Привет// Здравствуй Олечка//*

Дочь посетителя: *Здрасьте//*

***

Посетитель: *Что это?*
Продавец: *А там уценёнка//*
Посетитель: *А/ уценёнка//*
(берёт в руки товар)
***
Дочь посетителя: *Давай на обратном пути заберём//*
Посетитель: *А мы щас пойдём пройдём магазины и придём/ не продавай тогда//*
Продавец: *Хорошо//*
Посетитель: *Так/ я могу записать тогда или у тебя есть деньги?*
Дочь посетителя: *Да я отдам деньги/ я могу щас отдать//*
Посетитель: *А ну мы можем потом занести//*

На рынке наблюдаются реалии из советской действительности, такие как «уценёнка». Это разговорное наименование употребляется продавцом на рынке по отношению к уценённым товарам. В советских магазинах подобные товары продавались в специальных отделах. Другой реалией является выдача товара под запись, реализующаяся с употреблением речевого клише «*Запиши меня*». Подобная выдача товара «под запись» основывается только на факторе доверия продавца покупателю, так как никак не закрепляется юридически. Такая ситуация возможна, как нам кажется, благодаря фактору личного знакомства посетителя и продавца. Подобные ситуации и сопровождающие их речевые клише «*Запиши меня*» / «*Запишешь?*» были нами встречены и в ситуации «Магазин».

Таким образом, можем сделать вывод о том, что фактор личного знакомства, часто близкого, формирует особую коммуникативную среду села. Это проявляется в следующих особенностях сельских стереотипных ситуаций общения.

1. Неофициальный стиль общения сохраняется даже в тех ситуациях, которые предполагают максимально автоматизированное общение, клишированность и отчуждение от личной сферы партнёра коммуникации.

2. Темы фатических бесед в городе и в селе отличаются. Исследователи выделяют следующие темы фатических бесед в стереотипных ситуациях общения в городской среде: «Погода», «Работа городского транспорта», «Городские сплетни», «Актуальные события городской жизни», «Актуальные политические события», «Актуальные наблюдаемые ситуации». При этом отмечается, что выбор тем для обсуждения всегда связан с актуальной ситуацией. В отличие от выбора тем в городских стереотипных ситуациях общения, темы, затрагивающие личную сферу жизни селян, также входят в круг обсуждаемых, более того, являются универсальными для разных стереотипных ситуаций. Мы выделили в качестве универсальных тем в стереотипных ситуациях сельского общения следующие: «Личная жизнь», «Погода», «Политика», «Работа», «Хозяйство». Следует особенно отметить то, что тема «Личная жизнь» обсуждается даже в наиболее офи-

циальных ситуациях в разговоре с работниками различных служб, например, ситуация «Почта».

3. В связи с особенностями сельской жизни возникают микродиалоги, связанные с реалиями сельского быта, например, «Передача».

ЛИТЕРАТУРА

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.

Красильникова Е. В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 5-18.

Помыкалова Т. Е., Шишкина Т. Я., Шкатова Л. А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (к проблеме «язык города») // Городское просторечие. Проблемы изучения. – М.: Наука, 1984. – С. 162-173.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Ответственный редактор: О. Ю. Крючкова

Отв. за выпуск О. Ю. Крючкова
Оригинал-макет подготовлен А. И. Бурановой

Подписано в печать 09.02.16.
Формат 60 х 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печ. л. 12,91. Уч.-изд. л. 12,06. Тираж 200. Зак. №001/15026.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410003, г. Саратов, ул. Чернышевского 88.
Тел.:(8452-2) 24-86-33
E-mail: 248633a@mail.ru